БОЛЬШЕВИК

N 1

1 АПРЕЛЯ

г. I.

1924
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

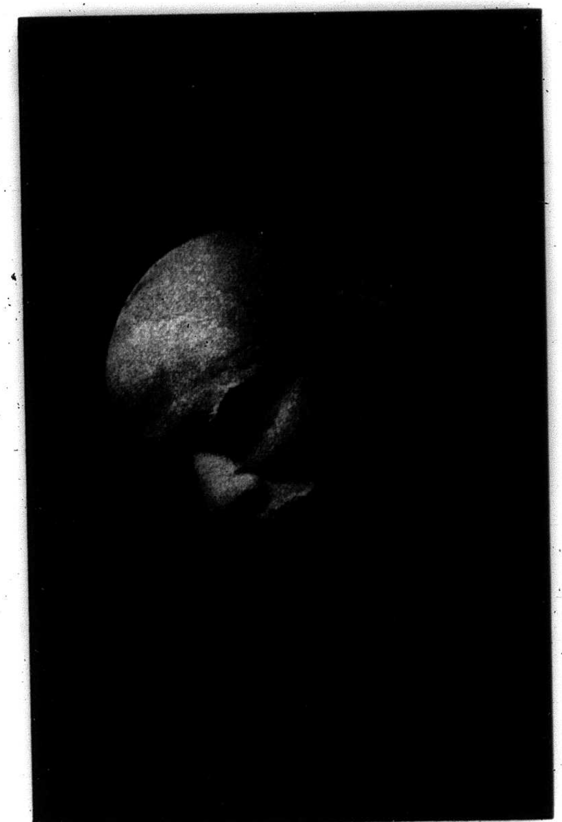
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

СОДЕРЖАНИЕ

Главлит 19.086 Тираж 15.000 экз.

Типогр. „Красный Пролетарий“ Издательства „Красная Новь“, Пименовская, 1/16.

Снимок с маски В. И. ЛЕНИНА
работы скульптора Меркурова.

Наши задачи.

«Большевик» выходит в свет после того, как навсегда закрыл глаза Ленин — создатель большевизма. Без Ленина коммунистическое движение будет продолжать великую борьбу и работу по свержению буржуазного господства, по утверждению пролетарской диктатуры и коммунистического строя.

История, как бы «нарочно», поставила коммунизм перед небывало суровыми испытаниями. История как бы говорит коммунистам: вот страна отсталая, неграмотная, нищая, разоренная, с гигантским преобладанием непролетарских элементов,—здесь стройте социализм, здесь докажите, что даже при небывало трудных условиях сможете вы прочно закладывать фундамент нового мира. Если грядущее ваше, — идите к своей цели, несмотря ни на что!

Мировой капитал раскинул по суровым равнинам России гигантскую сеть фабрик и заводов. На полуварварской российской почве он создал пролетариат, который еще в начале 90-х годов Г. В. Плеханов сравнивал с молодым гигантом.

Со стихийным движением этого молодого гиганта соединилась революционно-марксистская программа, и в результате создался российский большевизм.

Его программные, тактические и организационные основы были заложены и в общих чертах оформлены уже в десятилетие, 1894 — 1904 годы. Вся дальнейшая история большевизма есть история борьбы за руководство, за гегемонию в единой с меньшевиками партии, в рабочем классе, во всей стране. Главнейшие корни большевизма имеют тридцатилетнюю историю. За тридцать лет эти корни крепли и ширились, но не перерождались, не изнашивались. Большевизм не «старится», как не может состариться пролетарская революция, пока она не переделает весь мир.

Основная наша задача — это защита и обоснование исторического большевизма, борьба против всяческих попыток искажения и извращения его основ.

Международный социал-демократический центр (Каутский, Бауер, Гильфердинг, Лонге, Аксельрод) специализировался на том, что именем Маркса искажает и опошляет марксизм. Уже теперь мы имеем попытки—именем Ленина исказить и опошлить ленинизм. Уже теперь производится покушение на самое ценное достояние мирового рабочего класса — на чистоту принципов ленинизма. Здесь мы будем вести самую беспощадную борьбу. Никому и никогда российские большевики не позволят «приспособить» ленинизм к оппортунизму, независимо от того, являются ли подобные попытки результатом злостных искажений или добросовестных заблуждений.

Долой обывательщину в политике! Только партию беречь, только о партии беспокоиться беспрерывно, не останавливаясь ни перед чьим авторитетом, когда речь идет об уклонах от ленинизма, когда вопрос касается интересов партии! Этому учил нас Ленин, этим правилом надлежит руководствоваться всем большевикам.

«Большевик» хочет быть боевым органом Ленинской партии, органом направления, тем, чем были в свое время «Вперед», «Пролетарий», «Звезда».

Мы были, есть и будем твердокаменными. Кто устал от тяжелых битв, кто уже мечтает о спокойной пристани и тихих берегах, — тому с нами не по дороге... Большевизм был, есть и будет армией беспощадной, ни на час не прерывающейся войны против старого мира. Условия и формы войны меняются, непримиримость и ненависть наша к миру рабства и угнетения— не изменится никогда... В духе большевистской ненависти к старому миру, в духе непримиримости, твердокаменности, стойкости будем воспитывать мы новые, молодые кадры «ленинского призыва». Мы будем бороться против ликвидаторства, отреченства, скептицизма, неверия, усталости.

Мы хотим быть органом всегда пытливой, критической, большевистской партийной мысли. Беспокойство за наше великое дело, неудовлетворенность тем, что есть, и вечное стремление к тому, чтобы сделать лучше. Постоянная самокритика, смелая, беспощадная, но всегда правильно распределяющая свет и тени, ибо, ведь, несмотря на все наши недостатки, мы—лучшая партия в мире, мы представляем самый передовой в мире класс, и будущее только нам принадлежит.

Да, грядущее только нам принадлежит, но строим мы его на старой почве и из материала, старым миром оставленного На каждом шагу мертвое хватает живое и тянет назад...

«Большевик» будет бороться против косности, ограниченности, самодовольства. Великое дело только начато, коммунизм — весь в будущем, и его работники не могут, не смеют успокоиться на том, что есть. В грядущее надо глядеть, о великих мировых целях и задачах нужно помнить. Ибо кто не идет вперед, тот неизбежно катится назад.

Перед пролетариатом капиталистических стран на ближайший исторический период стоит задача борьбы за власть. Для успешного разрешения этой всемирно-исторического значения задачи необходимо усвоение и применение к условиям конкретной обстановки великого опыта русской партии и русской революции.

Наша российская борьба и победа опирались на опыт борьбы английского, французского, немецкого рабочего движения. Применив этот опыт к своеобразным условиям России, обогатив этот опыт новыми достижениями, новыми орудиями пролетарской борьбы (всеобщая стачка, восстание, Советы, фабзавкомы, пролетарское государство, Красная армия и т. д.), российские рабочие подняли пролетарское дело на небывалую доселе высоту.

Этот концентрированный опыт вековой пролетарской борьбы должен быть усвоен коммунистическим движением мирового пролетариата. Без этого не может быть успешной борьбы и победы. И поскольку на данной стадии исторического развития большевизм является олицетворением этого концентрированного опыта, постольку в известном смысле большевизация мирового коммунистического движения является насущной задачей момента. Впервые слово о «большевизации» было сказано немецкими коммунистами. Недавний пленум ЦК КПГ заявил: «Лозунгом Коминтерна должно быть не разбольшевичение РКП, а обольшевичение европейских партий».

Одна часть мировой буржуазии, при деятельном участии социал-демократии, снова пытается вильсонизировать Европу, чтобы «демократическим» путем упрочить всевластие капитала. Другая часть буржуазии, также при содействии социал-демократии, пытается фашизировать Европу, чтобы беспощадными мерами военно-погромного подавления рабочего класса утвердить полновластие капитала. В интересах спасения пролетариата, спасения всех трудящихся, коммунисты должны неустанно работать над тем, чтобы большевизировать Европу.

Мы обращаемся к нашей славной большевистской партии, к ее старым испытанным кадрам, к ее растущему молодняку, мы обращаемся ко всем работникам мирового коммунизма — с просьбой связаться с нами теснее, делиться мыслями и опытом, сооб-

щать о своих сомнениях, выдвигать новые проблемы, намечать решения.

Мы хотим быть органом оживления, усиления, укрепления партийной мысли, органом проявления идейной **самодеятельности** партии. Вопросов так много, работы такая пропасть, трудности так колоссальны! Мы подняли на свои плечи гигантскую тяжесть. Мы нанесли старому миру слишком большой удар, чтобы он мог дать нам хотя бы передышку. Беспрерывная борьба на всех фронтах продолжается. Поэтому — **сегодня надо быть сильнее, чем были вчера, и завтра надо быть сильнее, чем сегодня.**

Сильнее и крепче на всех фронтах — политическом, военном, хозяйственном, идеологическом!

Л. Каменев.

Ленин.

С концом XIX столетия кончается последний период «мирного» органического развития капиталистического общества, — период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф: войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества, объясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г. — февраль 1917 г. — октябрь 1917 г.). Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или иной программы, той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономики (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, революционное положение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания крупнейших империалистических держав и революционным пробуждением Востока.

Вот в этой-то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного подъема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы, на переломе двух всемирно-исторических эпох, в стране, соединяющей властвующую Европу империалистов с миром порабощенного Востока колониальных рабов, — и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь **мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.**

После того, как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических буржуазных революций и на революционный опыт 40—60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бебель, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов) не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения, просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы— и это стало ясно уже задолго до 4 августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских тред-юнионов, не на страницах «Neue Zeit», а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи, здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко национальные рамки, рамки Российского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала. Французская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским капиталом и властью русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену, заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетелли, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывались руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 25 лет больше, чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

17 лет назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: где в его программе гарантии от реставрации? — Ленин отвечал: «Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе».

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 г. И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледельческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии «штурмуют небо», т.-е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870—1900 гг. сложилась так, что учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием объяснения хода исторического развития и прогноза светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному действию масс, которые заключали в себе не объяснение истории, а руководство для восставшего против буржуазии пролетариата, забывались и выветривались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса целиком, принужденный отстаивать против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой «бланкизма», «заговорщичества», «утопизма» отвергались западно-европейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами-социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса также непреложна и целостна, является таким же ничем не заменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя-инженера. Ее практические выводы (учение об обострении классовой борьбы, о гражданской войне, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего класса, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западно-европейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто не интересно. А Ленин именно за эти части учения Маркса вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. Ленин писал, что социалистическая организация должна быть готова к «подготовке, назначению и проведению всенародного вооруженного восстания», среднему социал-демократу Европы это не могло не казаться порождением варварски-отсталых условий борьбы в России. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, масса европейских рабочих именно в статьях, в работах и в опыте Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории, постоянная готовность остаться одному против «веех» — против «всех» на верхушках, за то в теснейшем единении с подлинными рабочими массами, — во имя «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического движения. «Сектантство»

и «раскольничество» — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же «сектантство» и «раскольничество» Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те именно непосредственно-революционные стороны марксизма, которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистской войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гэд вели великолепную и плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Мильеранов. Ясно, однако, что плоскость и захват этой борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) — и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марксова учения, Ленин поставил на очереди сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непосредственного массового движения, которых те споры не затрагивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата — и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным — с одной стороны — и Бернштейном — с другой, а между Лениным — с одной стороны — и Плехановым, Каутским, Гэдом и Бернштейном — с другой. В тяжелой, «сектантской», «раскольничьей» двадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись и в борьбе росли против лучших представителей умиравшего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило, и через головы живых мертвецов протянуло руку вечно-живым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения». Это было верно в 1901 году, это верно и сейчас.

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 гг. — за исключением краткого периода Парижской Коммуны — массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах ее благоустроенных городов в качестве х о з я е в и с т р о и т е л е й ж и з н и. Парламентарии замещали народ, а парламентские столкновения — уличную борьбу. Вопрос о власти, о насильственном перемещении власти из рук одного класса в руки другого был снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать за нее, больше всего избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Затхлая атмосфера этого тупика заставила Розу Люксембург года за 1½ до войны забить тревогу и вновь выдвинуть вопрос о непосредственных «массовых действиях» рабочего класса. Между тем русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственных массовых действий, прямых столкновений с охранителями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается в о п р о с о в л а с т и, и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении «свобод», о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были самыми насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти, массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, взвешивая в начале 900-х годов возможные формы борьбы пролетариата, он защищал его в 1905—7 гг., он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции 1908—12 гг., он опирался на него, чтобы вырвать власть из рук буржуазии в 1917 г., он положил его — и теоретически и практически — в основу строительства первого пролетарского государства.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что только н е п о с р е д с т в е н н о е у ч а с т и е в и с т о р и ч е с к о м с т р о и т е л ь с т в е с а м и х п о р а б о щ е н н ы х м и л л и о н о в трудящихся способно вывести человечество из тупика — естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всякой успешной политики в тот момент, когда мировая война вызвала к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд «реформистов» на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм. «Наступает — писал Ленин в 1906 году — период непосредственной политической деятельности «простонародия», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

Написать эти слова в 1906 году значило переместить весь центр тяжести понимания европейского с о ц и а л и з м а, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, пере-

ходящего от предварительного собирания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к историческому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир — по слову Ленина — со всей своей «девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью», — разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема — проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов закутанная во все обманы мистики и метафизики.

«Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это — власть открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли».

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917—20 гг. на деле стал осуществлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвидением единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та в о л я к п о б е д е, без которой В. И. Ульянов не стал бы Лениным, и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться. У Ленина воля к победе, готовность взять власть не были чертой индивидуального характера, — л ю б в и к власти у Ильича не было ни на один грамм; — это было выражение н о в ы х настроений миллионов, коллективного, тяжкой ценой купленного сознания их, что без решительной победы, без завоевания власти, без готовности этой властью орудовать, как рабочий орудует молотом, нет выхода из тупика. Воли к победе, решимости победить, смелости взять на себя все — все без исключения — последствия решительной победы не было в европейском социализме 1870 — 1900 гг. Рабский страх перед победой, социология трусов — остаются и до сих пор основным признаком мирового меньшевизма. Именно этот страх рабов перед собственной победой превращает меньшевистских вождей — по слову Ленина — из рабов капитализма в его холопов, в хамов и лакеев своих господ.

Ленин знал: для того, что выйти на широкую дорогу, рабочее движение должно п р е ж д е в с е г о расстаться с этой психологией. «Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить», — писал Ленин. Вот почему уже накануне первой русской революции, в 1905 г., перед лицом меньшевиков он ребром поставил проблему победы пролетариата.

«Смеем ли мы победить? Позволительно ли нам победить? Не опасно ли нам победить? Следует ли нам побеждать? Странный на первый взгляд вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись (-ятся. Л. К.) победы, отучивали (-ают. Л. К.) пролетариат от нее, пророчили (-чат. Л. К.) беды от нее, высмеивали (-вают. Л. К.) лозунги, прямо зовущие к ней». Если гениальностью назвать умение выразить, сформулировать и сделать общепонятными мысль и чувство, зреющие в глубинах наибольшего количества людских существ и открывающие им новые исторические пути,— то перед нами именно такая гениальная мысль, охватывающая подавляющее большинство всего человечества, формулирующая его наиболее глубокие и потаенные чувства, единственно открывающая ему дорогу к будущему.

Реальным воплощением этой гениальной постановки вопроса был знаменитый ответ Ленина на вопрос о власти на первом съезде Советов в 1917 г.,—ответ, предопределивший не только октябрьскую революцию, но и п о б е д у октябрьской революции. «Он (Церетелли, или Керенский, или кто-то еще: — история, запомнившая на веки ответ Ленина, уже забыла имя вопрошателя) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю — есть; наша партия от этого не отвертывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Этим, смехом и возмущением встреченным, заявлением в о л и р а б о ч е г о к л а с с а к п о б е д е, р е ш и м о с т и е г о в з я т ь н а с е б я в л а с т ь и в с е е е п о с л е д с т в и я открывается новая эпоха в истории социализма и рабочего движения, а следовательно, и в истории судеб человечества.

Ленин всей своей личностью, своими идеями, своей работой не только воплощал новую эпоху рабочего движения с его революционным подъемом и «волей к победе». Он — победил на деле, что было труднее.

Ленин не только указал пути победы, он удержал плоды победы, что было еще труднее.

Эту победу он завещал нам развивать и расширять. Это можно сделать, лишь вооружившись оружием ленинизма.

Г. Зиновьев.

Ленинский призыв и наши задачи.

Приглядываясь к тому, как складывается Коминтерн в целом, и как развиваются отдельные, наиболее важные, его секции, обобщая, в особенности, опыт нашей собственной партии—Российской Коммунистической Партии,—приходишь к заключению, что в развитии коммунистических организаций можно различать четыре следующих периода.

Первый период—процесс становления коммунистической партии. Ее развитие из недр старой социал-демократии: большинство современных коммунистических партий, в особенности те из них, которые являются ныне массовыми коммунистическими партиями, вышли из недр социал-демократии. Кризисы, связанные с переходом от социал-демократизма к коммунизму. Расколы и группировки, обусловленные этим переходом. Словом,—рождение коммунистической партии.

Второй период—борьба уже сложившейся коммунистической партии за влияние на массы, за завоевание такого влияния, которое обеспечивает большинство в рабочем классе. Лозунг «к массам» является знаменем этого периода.

Третий период—борьба за власть. Опираясь на сочувствие большинства рабочих, компартия завоевывает власть. Но на завтра после завоевания власти начинаются новые трудности. Пролетарская революция борется за свое существование. Передовые слои рабочих остаются верными коммунистической партии и в этот переходный, полный мучительных трудностей период. Широкие же слои рабочего класса временами переживают колебания. Бывают моменты, когда трудности революции отпугивают даже большинство рабочих. Это кульминационные пункты борьбы пролетарской революции за свое существование.

Четвертый период—победа пролетарской революции обеспечена, плоды революции очевидны для всей рабочей массы, главные трудности остаются позади. Те слои рабочего класса, которые колебались не раз в наиболее трудные минуты третьего периода, теперь целиком и беззаветно переходят на сторону коммунистической партии.

Большинство коммунистических партий Запада в настоящий момент находятся на пути от первого периода развития ко второму. Между тем и другим периодами существует, разумеется, ряд переходных ступеней. Заканчивается дело оформления коммунистических партий, подводится итог полосе кризисов, свя-

занных с рождением компартий, и началась уже интенсивная борьба за завоевание влияния на большинство рабочего класса.

Наша Российская Коммунистическая Партия прошла уже через оба первых периода и заканчивает третий период. Великое значение того движения, которое получило название «Ленинского призыва», в том и заключается, что оно знаменует благополучное окончание третьего периода и открывает уже, быть-может, первую главу четвертого периода.

Переходный период—период борьбы победившей пролетарской революции за свое существование—продолжается в нашей стране вот уже седьмой год. За это время не раз наблюдались серьезные колебания среди рабочего класса. Эти колебания, например, к весне 1921 года были настолько сильны, что революция висела на волоске. Слишком велики были препятствия, стоявшие на пути революции. Слишком больших жертв революция требовала в это время от рядового рабочего.

В 1923 году начинается перелом. Рабочая масса почувствовала, что в связи с окончанием гражданской войны и введением нэп'а, дело пошло к лучшему. К моменту XII Съезда партии мы имели уже возможность констатировать, что «партия как бы во второй раз завоевала пролетарские массы». Но особенно наглядным становится это теперь. Новый «Ленинский призыв» есть определенный итог революции. Партия пожинает обильный урожай потому, что благополучно заканчивается целая глава в истории нашей революции.

В течение всех первых трех периодов своего существования коммунистическая партия по правилу не может объединять в своих рядах большинства рабочих. В тот или другой момент борьбы коммунисты могут иметь на своей стороне сочувствие большинства рабочего класса. Но организовать в рядах партии большинство рабочих, иметь в числе членов компартии прямое большинство пролетариата, коммунисты в эти три периода не могут.

Причины ясны. В первый период компартия по правилу еще настолько слаба, что о завоевании большинства вообще не может быть и речи. Во второй период коммунисты обыкновенно наталкиваются на бешеное сопротивление со стороны буржуазии. Пока у власти буржуазия, она, разумеется, не даст коммунистам легально сорганизовать в своих рядах большинство рабочих. Она прибегнет к тюрьмам, к каторге, к расстрелам, к массовым кровопусканиям, чтобы не допустить до этого. В третий период этому мешают объективные трудности революции и неизбежные колебания, в связи с этими трудностями, в широких кругах пролетариата.

В стране первой победоносной пролетарской революции, в нашей стране этот третий переходный период затянулся на целых семь лет. Насколько можно предвидеть, года два-три еще понадобится на то, чтобы окончательно изжить эти трудности. И лишь приблизительно к первому десятилетию существования Советской власти пролетарская диктатура справится с главнейшими трудностями настолько, что партия пролетарской диктатуры

сможет начать четвертый период своего существования. В ряды нашей коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие. Понятия «рабочий класс» и «рабочая партия» станут синонимами. Российская Коммунистическая Партия обеспечит себе не только безраздельное влияние на абсолютное большинство рабочих, но и прямо сорганизует большинство промышленных рабочих в своих рядах.

Блестящая кампания в связи с происходящим «Ленинским призывом» важна не только тем, что она даст нам определенное количество новых членов партии. Нет, она говорит нам о чем-то большем: о коренной перемене во взаимоотношениях между партийным авангардом и всей беспартийной рабочей массой, о таком количественном изменении взаимоотношения между рабочей партией и рабочим классом, которое скоро перейдет в качественное изменение. За первой волной последует вторая и третья. Новые сотни тысяч рабочих будут вливаться прямо в ряды Российской Коммунистической Партии. К первому десятилетию существования Советской власти рабочий класс и Российская Коммунистическая Партия будут одно и то же—не только в том старом смысле, что Российская Коммунистическая Партия защищает коренные интересы всего рабочего класса в целом, но и в том смысле, что РКП прямо будет охватывать в своих рядах уже и организационно большинство рабочего класса.

* * *

Ход кампании оказался более успешным, чем мы могли ожидать. К началу марта число заявлений по всему Союзу ССР достигло 183.000. Задача, поставленная Всесоюзной парт-конференцией—принять новых 100.000 рабочих от станка—будет превзойдена двое. Центральный Комитет поступит, по нашему мнению, правильно, если он поощрит все местные организации не приостанавливать столь блестяще развившуюся кампанию и доведет «Ленинский призыв до двухсот тысяч. В этом случае в нашей партии будет около 600.000 членов, из которых до 300.000, т.-е. 50%, будут составлять рабочие от станка. А вместе с теми рабочими, которые заняты в аппарате управления, мы будем иметь не меньше четырехсот слишком тысяч членов партии рабочих, т.-е. больше $^2/_3$ партии составят рабочие.

Какие именно элементы из рабочих составили основу «Ленинского призыва?» Мы пытались выяснить этот вопрос на двух, специально созванных по нашей инициативе совещаниях в Ленинграде и в Москве, где присутствовали, кроме организаторов крупнейших коллективов, по два товарища из новых членов партии «Ленинского призыва», приглашенных с самых крупных фабрик и заводов Москвы и Ленинграда. На этих совещаниях высказывались десятки ораторов с мест.

Что прежде всего бросалось в глаза на этих совещаниях, так это то, что новые члены партии «Ленинского призыва» зачастую не просто рядовые рабочие, а крупнейшие индивидуальности из рабочей среды. Да это и понятно. Как и в предыдущие годы, партия наша составлялась путем выделения и систематического отбора из рабочей среды всего того, что было в ней самого сильного и яркого, так и теперь впереди рядового рабочего в «Ленинский призыв» пошли наиболее выдающиеся люди, которые стоят выше середняка, те рабочие-передовики, за которыми идут десятки и сотни рядовых рабочих, а иногда целые мастерские, целые заводы. Как сказал на московском совещании один такой рабочий (представитель бывш. Гужон, ныне—«Серп и Молот»)—в «Ленинский призыв» подобрались рабочие, «как ягодка», один к одному. В каждой мастерской, в каждом цеху имелись выдающиеся беспартийные рабочие, пользовавшиеся большим авторитетом, по которым равнялись другие беспартийные. «Смотри, Трошкин вступил в партию, пойду и я»—так формулировал свои впечатления рабочий с Мостяжарта.

Вступило много рабочих, исколесивших последние годы всю Россию, побывавших на фронтах, в деревне—люди, которых судьба бросала из одного места в другое, и которые за эти годы чрезвычайно выросли и в политическом, и в культурном отношениях. «Шкурников нет»—так единодушно формулировали положение рабочие на ленинградском и на московском совещаниях. «Мы все друг-друга знаем насквозь и шкурников не пропустим».

— Почему не входили до сих пор?

— «Считали себя неотшлифованными, теперь немного отполировались».

— «Как-то стыдно было в 1924 году входить; нужен был массовый толчок».

— «Семейное положение мешало».

— «Не до того было. Вернулся с фронта—надо было как-нибудь промыслить кусок хлеба и пристанище».

— «Теперь умер Ленин, пропал великий человек. Пошли среди нас разговоры, беседы. Тут все и откликнулись: пойдем в партию»—так формулировал свои выводы пожилой рабочий железнодорожник.

— «Материальное положение мое улучшилось, в хлебе больше не нуждаюсь, могу отдаться работе. А товарищи говорят: давно пора, давно пора, и так, мол, опоздал. А со смертью товарища Ильича открыли дверь в партию»—так говорил на ленинградском совещании представитель путиловских рабочих «Ленинского призыва».

— «Вошли самые здоровые круги, чистейшей воды пролетарии, на 90%. Раньше колебались, смотрели на вопрос о вхождении в партию спустя рукава. Теперь, когда умер Владимир Ильич, нужно сплотиться»—говорил рабочий Семенов со строительной верфи в Ленинграде.

— «Колебались...теперь пора. За себя скажу: довольно за чужой спиной, пора подставлять свою. Надо итти в партию»—рабочий с пролетарского завода (бывш. Александровские мастерские).

— «У меня сын и дочь комсомольцы. Ходила в делегатках от работниц два года. Со смертью Ильича мы с дочерью и сыном решили, что должна я войти в партию. Теперь «провокаторствую» среди более молодых работниц, чтобы и они входили.

Все откликаются» — работница с «Красного Ткача» (бывш. ф-ка Торнтон).

— «Теперь новое строительство. Почему же мы должны стоять в стороне? Пойдем и мы»—рабочий бывш. Семянниковского завода, ныне—им. Ленина.

— «Беспартийные рабочие разделились: одни ругали большевиков, другие—защищали вот уже два-три года. Эти последние и вливаются теперь в партию. Да из числа тех, которые ругали, другие говорят: коммунистов не переспоришь, коммунисты оказались правы, пойдем в партию и мы»—рабочий Балтийского завода.

— «Раньше, бывало, один оратор говорит одно, другой—другое, эсеры—свое, меньшевики—свое. Рабочий, мало разбиравшийся, оставался в сомнении. Теперь мы все увидели, где правда. Где рабочие, там и я»—рабочий с электро-станции в Ленинграде.

— «Раньше пугали: вот, коммунисты, погодите, вот повесят вас. Иные были в сомнении» — работница с ф-ки им. Желябова.

— «Смерть Ильича. Дело неважно. Работал он (В. И.) раньше один за всех, а теперь не вышло бы так, что один—туда, другой—сюда. Нас может победить буржуазия, а Ленинград—революционное гнездо, тогда всем нам отвечать придется. Пойдем в партию» — рабочий гвоздильного завода.

— «Вещь очень раздумчивая—почему в партию пошли. Долго думали. Но рабочий так считает: раз пошел по прямому пути—не свертай, не крути налево, направо. Теперь мы поняли заветы Ильича» — рабочий с «Русского Кабеля» в Москве.

— «Часто ставятся у нас лекции о религии, о планетах, о рабочем движении. Многому мы научились за последние годы. Открытые собрания ячеек посещали мы несколько месяцев, вот и поняли правду партии»—рабочий-железнодорожник бывш. Александровских мастерских в Москве.

— «Многие посещали партшколу. У нас большой дом—коммуна, хорошая библиотека, светлое помещение. Чем дома вечер провести—ходили на лекции, постепенно втянулись. А тут смерть Владимира Ильича»—рабочий водопроводчик в Ленинграде.

— «Ленин умер, теперь мы должны пойти, не жалеть своей капли крови»—рабочий «Красного Выборжца» в Ленинграде.

Нередко самими рабочими отмечается и то, что последняя дискуссия расшевелила значительные круги передовых рабочих, бывших беспартийных, заставила их вдуматься в положение и толкнула их в партию.

— «Во время дискуссии мы убедились, что партия действует так: хорошее — в сторонку, плохое — на помойку», — так говорил на московском совещании рабочий гужоновец.

Суммируя все это, можно сказать, что главные причины успеха «Ленинского призыва» сводятся к следующему:

1. Улучшилось хозяйственное положение республики.
2. Улучшилось материальное положение рабочих.
3. Поднялся культурный уровень рабочих и выросла их активность; стали понимать, что подход к серьезной хозяйственной и государственной работе возможен только через партию.

4. Партия, несмотря на отдельные недочеты, в общем была на высоте задачи и внушила величайшее уважение всем сколько-нибудь активным слоям пролетариата.
5. Смерть Владимира Ильича, громом поразившая всех нас, разбудила в рядовом рабочем лучшие его задатки, затронула самые лучшие струны его души и **у с к о р и л а** приход всех этих десятков и десятков тысяч рабочих в нашу среду.

«Критики» старой Ленинской партии во время недавней дискуссии не находили слов для того, чтобы достаточно клеймить нашу партию, которую они изображали, как засохшую ветку, как организацию, удушаемую «секретарским бюрократизмом», «иерархией», «аппаратчиной» и т. п. «Партия живет на два этажа: в верхнем решают, в нижнем только узнают о решениях»—так писали вожди «оппозиции».

Два этажа!! Эта «теория» двух этажей, в сущности говоря, была только вариантом соответствующей «теории» Мартова, который в свое время писал против большевиков, что они разделяют партию на «заезжателей» и «заезжаемых»... Если бы в этой пошлой «теории» было хоть слово правды, тогда то, что мы видим теперь, когда с таким энтузиазмом и почти благоговением 200.000 лучших рабочих нашей страны вливаются в нашу партию, должно было бы показаться просто необъяснимым чудом.

На самом деле чудес, конечно, не бывает. Партия пожинает то, что она посеяла. То, что происходит сейчас на наших глазах, не есть «Чудо святого Антония». Нет, здесь подводится итог революции, итог работе нашей партии. И если это великое событие в жизни нашей партии стало вместе с тем «итогом» для легковесной оппозиции, то тем хуже для нее и тем лучше для большевистской партии. Партия наша—величайшая коммунистическая партия в мире, а вовсе не пленница «секретарской иерархии» и вовсе не жертва «парт-аппаратчины». Простые рабочие с Гужона подвели прекрасный итог легковесной критике: «хорошее—в сторонку, плохое—**н а п о м о й к у**!»

* * *

С чего начать работу над новым «Ленинским призывом»—с учебы, **и л и** с привлечения к практической работе? Когда мы ставили этот вопрос перед самими товарищами из «Ленинского призыва» на названных двух совещаниях, мы получали почти единодушный ответ: с **у ч е б ы**!

Хотим учиться. Прежде, чем давать нам работу—научите нас. Жажда к знанию небывалая.

Дайте нам школы политграмоты, кружки по истории партии, школы марксизма, дайте нужные книжки, поставьте, как следует, клубы и т. д.

— «Сразу работу давать нам никак невозможно. Партия должна сначала «экспертизывать» нас»—так говорил рабочий железнодорожник на московском совещании.

Под «экспертизыванием» он понимал и воспитание, и проверку, и партийную обработку.

В устах товарищей, которые только что приходят в партию,

такие заявления понятны. Мы, тем не менее, думаем, что дело учебы и партвоспитания нельзя отделить от участия в практической работе. Задача партии заключается в том, чтобы одновременно в широчайших размерах поставить дело партвоспитания нового «Ленинского призыва» и сразу же начать вовлекать этот призыв в практическую работу. Только на практической работе в профсоюзе, в кооперативе, в расценочной комиссии, в культурно-просветительном кружке, в жилтовариществе, в обществе смычки рабочих с крестьянами, в комиссии помощи школе, на работе народного заседателя, делегатки от работниц, цехового уполномоченного от профсоюза, в цеховой парт'ячейке и т. п. могут начать прилагать свои силы новые члены партии, из которых мы постепенно выдвинем сотни и тысячи людей на более крупные, на самые выдающиеся посты по управлению хозяйством и государством.

Еще один важный момент. «Ленинский призыв» охватил все возрасты рабочих. Двинулась и молодежь, и средний возраст от 30 до 40 лет, и более пожилые. «Я одногодок Ильича, мне в марте исполнилось 54 года»—говорил не без гордости на московском совещании рабочий с Госзнака. Это обстоятельство служит лишним доказательством того, что нынешнее движение в пользу вступления в партию отражает все прослойки нашего пролетариата.

Вопрос о позициях нашей партии в деревне, о работе партии в деревне, несомненно, станет одним из главных вопросов на предстоящем XIII Парт-Съезде. Новый «Ленинский призыв» и этот вопрос ставит в новом свете. Теперь мы получим возможность после известной подготовки сделать эту новую 200-тысячную массу рабочих до известной степени коллективным организатором и воспитателем деревни. Теперь вполне своевременно выдвинуть вновь вопрос о применении принципа землячеств при организации всестороннего обслуживания деревни рабочими-коммунистами и сочувствующими.

Нет никакого сомнения в том, что Центральный Комитет партии сделает все возможное, чтобы вовлечь «Ленинский призыв» в дело подготовки предстоящего XIII Парт-Съезда. Все важнейшие вопросы порядка дня XIII Парт-Съезда, как и основные результаты недавно закончившейся партдискуссии, за которой следили почти все беспартийные рабочие (а нынешний «Ленинский призыв» и подавно), должны стать предметом самого широкого, систематического предварительного обсуждения среди рабочих «Ленинского призыва».

Наконец—последнее по счету, но не по важности—для дела поднятия производства в нашей государственной промышленности новый «Ленинский призыв» сыграет решающую роль.

— «Даже в том, как движутся сейчас станки на заводе, чувствуется другое настроение»—так говорил на московском совещании секретарь ячейки АМО.

Именно так!! Первейшей задачей нового «Ленинского призыва» является—поднять наше государственное хозяйство, не отрываться от производства, научиться соединять работу на фабрике или заводе с общественной работой в партии, в профсоюзе, в советской организации. Такова задача дня. Лучшие наши рабочие умели вести революционную работу во времена царизма после 10—12-часового рабочего дня на капиталистической каторге. Теперь, когда мы работаем на заводах только 8 часов, когда условия труда становятся сравнительно нормальными, мы сумеем это сделать и подавно.

Партия обновляется. Мы принимаем в свою среду 200.000 лучших рабочих нашей страны. Мы принимаем их на седьмом году существования пролетарской диктатуры, когда весь рабочий класс нашей страны вырос на целую голову. Мы принимаем их в момент, когда ушел от нас великий вождь и учитель. Дверь в нашу партию эти новые товарищи открывают с глубоким душевным волнением. Стоит только побывать на теперешних наших собраниях новых членов партии, чтобы сразу почувствовать, что партия начинает новую великую главу. Таких собраний, какое нам довелось посетить на днях за Невской заставой (собрание новых членов партии около 5.000 человек), мы не видали еще никогда. Как будто в море выкупался—таково впечатление товарищей, посещавших эти собрания...

В то же время партия приступила к систематическим мерам по очистке наших организаций от ненадежных, мелкобуржуазных, неустойчивых элементов. Постоянно самоочищаясь и систематически воспринимая в свою среду все, что созревает и подрастает лучшего в рабочем классе нашей страны, мы делаем из нашей партии организацию, вылитую из одного куска. Постепенно создается положение, при котором в РКП войти может только рабочий; все остальные—лишь в особом порядке. Партия вновь становится рабочей и по своему составу.

Если к старому героическому кадровому ленинскому ядру старых рабочих большевиков прибавить те изумительные по своей жизненности новые слои рабочих, которые идут к нам в партию теперь в лице нового «Ленинского призыва»—становится ясно: РКП снова и снова окажется на высоте исторических требований, она сумеет бороться против перерождения. РКП не на словах, а на деле выполнит заветы почившего великого вождя.

P. S. Целый ряд практических вопросов, связанных с «Ленинским призывом», автор разбирал более детально в статье «Новый Ленинский призыв и новая глава в жизни нашей партии», напечатанной в «Правде» и перепечатанной, как предисловие, в нашей «Истории РКП». Интересующихся отсылаем к этой работе.

В. Астров.

К вопросу о кулаке.

Из „литературных мечтаний" заграничной белогвардейщины.

„Сердечный друг, желанный друг!
„Приди! Приди! Я твой супруг".

I.

Российская эмиграция стосковалась по «суженому-ряженому», который все не присылает, да не присылает за ней сватов из «родных» краев. По некоторым признакам, в последнее время таким «суженым-ряженым» для нее делается деревенский кулак.

Когда тов. Ларин затронул вопрос о кулаке в своей статье: «Кулацко-эсеровская ориентация» («Правда», № 3), то передовик милюковских «Последних Новостей» написал:

> «Возражения Ларина против разрушения русской промышленности нужно признать, конечно, основательными: альтернатива здесь одна—Россия—«колония». Но вывод из этих возражений—отнюдь не тот, который делает Ларин от имени левого центра (?) ЦК. Вывод тот, что, для избежания порабощения иностранцами, *нужно восстановить русский торгово-промышленный класс.* Страх перед тем, что «кулацкое (т.-е. крестьянское) государство» на это не согласится,—совершенно напрасен. Или, точнее говоря, этот страх реален лишь до тех пор, пока торгово-промышленным классом является, в действительности, трест, а на бумаге—*держатель диктаторской власти, пролетарий. Держателя этой власти «буржуазное» крестьянство, действительно, не потерпит. Но оно охотно примирится с естественным и неизбежным последствием восстановления «буржуазного» строя.* Оно признает частного промышленника так же, как признало частного торговца,—и будет ему так же радо, ибо получит от него продукт, во всяком случае, не по тем ценам, какие теперь вздуваются трестами. Это только будет означать, что поставленное верх ногами народное хозяйство вернулось к своему исходному положению». («Последние Новости», Париж, 17 января 1924 г.).

Эта цитата очень выпукло обрисовывает основы тактики кадетов, этих наиболее серьезных и последовательных политических представителей российской буржуазии. Присмотримся внимательно к позиции милюковской газеты. В чем ее сущность?

Партия буржуазии не хочет превращения России в «колонию» для иностранного капитала, но *только потому,* что надеется еще восстановить отечественный «торгово-промышленный класс», эксплоатировать рабочих и крестьян в свою, «российски»-буржуаз-

ную пользу. Она не отказалась от надежды на «национальное возрождение» русской буржуазии.

Кадет берет в кавычки слово «кулацкое» и «буржуазное» крестьянство, приравнивая их к крестьянству вообще, сознательно затушевывая *классовую рознь* в среде крестьянства, готовясь и ожидая увидеть кулака во главе всего крестьянства.

«Крестьянское» (читай *кулацкое*) государство—уверяет кадет—безусловно согласится на восстановление «отечественного» российского торгово-промышленного класса.

В этом Милюков (или его передовик) прав. Кулацкое государство, которое нарисовал в своей статье т. Ларин, есть абстракция. На практике господство кулака через день привело бы к господству буржуазии вообще,—прежде всего—буржуазии городской. Говорить, что кулацкое государство не в абстракции, как у т. Ларина, а в жизни сохранит национализацию промышленности, конечно, не приходится, если не иметь в виду короткого, чисто переходного, периода времени. В том-то и заключается «классовая правда» милюковской тактики, что от пролетариата власть может перейти, в конечном счете, только к буржуазии, ибо только эти два класса способны удержать в своих руках крупное производство страны.

«Крестьянство» не согласится терпеть пролетариев у власти, говорит милюковский передовик. Если подменить словом крестьянство слово «кулачество», как это делает автор, то и тогда вовсе не обязательно, чтобы всегда и во всех случаях кулак шел свергать Советскую власть. «Истина всегда конкретна». Идут же с нами на деловое хозяйственное сотрудничество нэпманы и концессионеры, отложив на-время политическое попечение ради житейского попечения. Идет, может пойти и кулак. Но, конечно, есть большая политическая опасность, заключающаяся в том, что ни один из кулаков и нэпманов не откажется использовать первую трудную для нас минуту в целях свержения Советской власти. Приятнее быть домовладельцем, чем квартирантом, да еще квартирантом при 10% норме. Если же брать крестьянство *без* кавычек, среднее и бедное, то оно не только «терпит», но и *поддерживает* рабочих у власти уже седьмой год, вследствие той политики, которую рабочие проводят.

Крестьянство,—говорит автор из «Последних Новостей»,—уже «признало» частного торговца. Да, *но оно «признало» и кооперативную, и государственную торговлю, и признает ее еще больше по мере снижения цен* на продукты промышленности государственными предприятиями. Мы постараемся добиться того, чтобы за нами снизил цены и частный торговец, чтобы крестьянин *знал,* что торговца к этому *принудило пролетарское государство,* и посмотрим, кого *тогда* будет «признавать» крестьянин, даже покупающий товары у этого частного торговца.

Частный промышленник даст крестьянину товары дешевле трестов. Это уже *коренной* вопрос: *кто кого?* Это еще требуется доказать *на деле,* а не на бумаге, хоть бы и «Последних Новостей». *За это мы еще боремся и поборемся.* Мы отлично знаем, что на седьмом году после захвата земли кре-

стьянин нас не будет держать у власти за одно то, что мы, «хорошие ребята», отдали ему в Октябре землю и защитили его в гражданской войне от Дениниких, Врангелей и Милюковых. Этой заслуги нашей из памяти крестьянина ничем не выжечь, но одной этой заслуги недостаточно. Поэтому, мы устанавливаем смычку с хозяйством крестьянина. Он хочет через рынок,— мы ему уступаем. У нас есть определенная тактика по отношению к среднему и бедному крестьянству, в наших руках власть и крупное производство, а этого пером не перешибешь, хоть бы и милюковским.

Если «крестьянство» признает частно-промышленный класс, то наше хозяйство и наш строй перевернутся вверх ногами. Смотря, как брать «крестьянство»: в кавычках или без кавычек. Если без кавычек, то, конечно, да. Против воли и интересов огромного большинства населения никакая власть сколько-нибудь значительное время продержаться не сможет. Но если бы частного капиталиста «признала» кулацкая прослойка, не ведущая за собой средняков и бедняков, то до «вверх ногами» было бы еще очень, очень далеко.

Разобранная нами цитата хорошо иллюстрирует основную линию современных политических стремлений русской буржуазии. Милюков располагает фигуры на своей шахматной доске таким образом: капиталист—кулак—крестьянин. Он хочет в деревне зацепиться за кулака, который, составляя сцепку, промежуточное звено в цепочке, по его плану, должен потянуть за собой крестьянскую массу. «Хороша» милюковская программа, да... покачто, она только пишется за границей.

В 1921 году кадетская партия раскололась. Левое (милюковское) крыло ее объявило себя республиканским и продекламировало о своей вражде к поместному землевладению *). Эволюция это, или тактика, спрашиваем мы? Конечно, тактика.

Кадеты не перестали быть партией буржуазии. Буржуазный строй не мыслим без крупного сельскохозяйственного производства. С точки зрения темпа капиталистического развития, конечно, не безразлично, восстановит ли буржуазная власть, в случае победы, старых помещиков, или насадит новых. Но, пока-что— словеса, даже против старого, дворянского помещичьего класса у лево-кадетов есть только словеса. Дела их говорят совсем, совсем другое.

С 1905 по 1917 год Милюков ползал по царским передним. В феврале 1917 года он изо всех сил подпирал падавшую монархию. С февраля по октябрь он был врагом демократической республики, ярым защитником помещичьей собственности. В партии монархистов и помещиков он сидел до 1921 года, ожидая торжества генеральских белых армий. И вот, когда не осталось никаких надежд на восстановление монархии и поместий, он вдруг, в одну ночь, «переродился», то бишь, перерядился в республиканца и исконного врага дворян-помещиков.

---

[1]) См. об этом статью тов. Вардина: «Раскол партии кадетов». («Красная Новь», № 3, 1921 г.).

Не ясно ли, что при первой надежде на возврат старого строя от «демократической» фразеологии останется один дым? Не ясно ли, что Милюковы идут на прямой обман, желая купить крестьянскую массу—чем же? Обещанием «признать» «земельные завоевания», которые давно на деле, а не в обещаниях, закреплены не кадетами, а большевиками и самими крестьянами, закреплены в кровавой борьбе против Деникиных, Врангелей, Милюковых!

Дешево стоит такая тактика, которая задним числом «обещает» крестьянам то, что ими уже взято. Этого не могут не понять и сами кадеты. Прошлое слишком разоблачает их. Им нужна ширма, нужна новая маска, нужны подставные лица, которые бы с новым лицом, в новом платье, армяцкого покроя, попытались завоевать на сторону кадетов крестьян, против большевиков.

Милюков ищет подставных лиц. Политически это выражается в «демократически-республиканском блоке» с новоиспеченными «крестьянскими» (кулацкими) «демократами». Чтобы познакомиться с этим новым лицом, уже после-нэповского происхождения (наш кулак, кстати, в значительной мере также после-нэповский), можно взять программу и идеологию группы «Крестьянская Россия», с конца 1922 года издающей в Праге свои сборники (их вышло, кажется, 7). Для наших целей удобнее взять самый первый, программный сборник, в котором группа объявила о своем существовании, еще до сформирования «дем.-респ. блока». Группа заявляет о своей «формальной беспартийности», что служит ей лишь для того, чтобы оправдать нарочито-«широкую» программу, дающую место даже самому заурядному кадетизму, и ничуть не мешает стремиться к образованию новой партии.

Различие между кулацкой платформой этой группы и буржуазной программой кадетов не классовое, ибо кулак есть также капиталистик-буржуа, а чисто-видовое, второстепенное, мало существенное. Один запевает, другой подпевает,—вот и все отличие «Крестьянской России» от ее хозяев-кадетов, как мы сейчас это увидим.

II.

В программе и в направлении «Крестьянской России», не останавливаясь на ее чисто-политической стороне, далеко не удовлетворяющей требованиям даже развернутой буржуазной демократии (напр., игнорируется женское равноправие, самоопределение наций и пр.), мы отметим три социально-характерных черты: 1) откровенный буржуазно-собственнический дух, 2) фразы о «классовой» партии всего крестьянства и 3) широкие надежды на «демократическую интеллигенцию», которая, собственно, и создает эту «крестьянскую» партию.

Кулацкую, а не просто мелкобуржуазную природу «Крестьянской России» выдает полное отсутствие в ее программе характерного для мелкобуржуазного народничества требования об отмене, или хотя бы о стеснении наемного труда в земледелии. О наемном труде вообще говорится очень кратко: «Система мероприятий по охране наемного труда в формах, не противоречащих общенародным интересам» (Сб. I, «От редакции», стр.4).

Слой деревни, политическим представителем которого намеревается стать группа, не боится пролетаризации, подобно широкой массе мелких товаропроизводителей. Наоборот, «Кр. Россия» озабочена тем, чтобы наемный труд не охранялся чересчур, во вред «общенародным» (буржуазным) интересам.

Аграрную революцию, проводимую Советской властью в России, эти «крестьяне» желают пересмотреть. На возврате помещиков они прямо не настаивают, но считают необходимым «отказ при установлении форм землевладения и землепользования от единого шаблона» и «разрешение аграрного вопроса применительно к местным исторически сложившимся нормам землевладения и организационно-производственного типа».

Не трогай кулака там, где он «исторически сложился», прочь «шаблон», т.-е. то всеобщее душевое поравнение земли, которое провела Советская власть! Таков смысл этого пункта.

Авторы статей требуют, преимущественно, земельной собственности, мелкой и даже капиталистической, подчеркивая, иногда, принадлежность «верховного» права на землю государству («демократической республике с устойчивой исполнительной властью»). Здесь, таким образом, намечается довольно последовательная буржуазная национализация земли, которая, теоретически, служит лучшей формой землевладения для быстрого развития капитализма.

Протеста против капитализма, который лежит в натуре мелкого производителя, в кулацкой программе не только нет, а есть откровенный пункт, столь любезный сердцу гг. Милюковых:

«Энергичное содействие восстановлению буржуазно-экономических отношений в промышленности, торговле, кредите и других областях хозяйства» (стр. 4).

От народнической идеологии, протестовавшей против капитализма, сохранились совершенно ничтожные привески, перемешанные с «самодельной» утопической фразеологией. Так, Сергей Маслов, статьей которого («Восходящая сила») открывается сборник I, пускается в пустяковые и бессодержательные исторические параллели. В XVIII веке, говорит он, на историческую сцену пришла буржуазия, в XIX — пролетариат; а в XX — крестьянство. В чем дело? Какой новый способ производства несет этот класс? Ничего вразумительного на сей счет С. Маслов не предлагает вниманию своего читателя. Между тем, этот «ура-крестьянский» мотив, «для ради важности», с огромной высокопарностью звучит чуть ли не во всех статьях.

Если откинуть в этой идеализации крестьянства чисто-шарлатанские ноты, то от нее останется старое, как мир, народническое и ревизионистское заблуждение о несравненной живучести мелкого трудового производства и мелкой собственности в сельском хозяйстве. Кадетам, конечно, мало важно, понимают ли Масловы свою роль капиталистических приказчиков, или нет, лишь бы действовали.

Итак, перед нами бацилла кулацкой идеологии, продукт искусственного разведения в заграничных кадетских парниках, с целью пересадки ее на русскую почву. Обращает внимание откровенно-собственнический, буржуазный характер этого нового

эмигрантского образования, в отличие от спевшего свою песенку эсерства. Времена сменились. Помещичьих имений, дележку которых можно было облекать в «социалистические» одежды, в России более нет. Социализм, в настоящем смысле слова, приблизился и показал себя с невыгодной (для кулака) стороны. Старая кличка «эсер» слишком себя скомпрометировала в Октябре, в гражданской войне, чтобы служить приманкой для кулацкой массы.

Социализм в сознании мужика сливается с понятием «коммунизм», «коммунистическая партия». Со всех точек зрения, кончая простой потребностью яснее размежеваться с врагом—большевизмом, для контр-революции выгоднее не связывать себе рук «социалистической» наклейкой. Милюков, сверх того, из опыта «коалиции» твердо запомнил, что «социалисты» способны только путаться под ногами. Поэтому блок с более «реалистической» группировкой он ценит выше блока с «социалистами», считая их комедию сыгранной. С своей точки зрения, конечно, он прав.

Кулацкая «бацилла» пускается в путь, намереваясь повести за собой всю крестьянскую массу. В том же программном заявлении («От редакции») мы читаем:

> «Крестьянство думает о защите своих интересов собственными (кур. ред. «К.Р.») силами, оно не желает более чьей-либо опеки и рвет узы, связывавшие его с политическими партиями. Идея своей крестьянской партии широко бродит в умах» (стр. 4).

«В умах» заграничной белогвардейщины, следовало бы добавить, пока-что.

Простачек Пешехонов, энес, в свое время вломился в амбицию по поводу «классового» характера лозунга «крестьянской» партии. Он написал в «Днях» (10 декабря 1922 г.):

> «Классовый характер партии и даже просто наименование ее «крестьянской», несомненно, лучше чем что-либо другое, могут обеспечить ей популярность в крестьянских массах, и, пожалуй, тем быстрее и легче, чем эти массы в политическом отношении невежественнее. Даже разговоривать много не придется, достаточно, ведь, сказать только: ваша «собственная» партия, «крестьянская»,—это каждый дурак поймет, и запишется в партию, а если не запишется, то голос-то наверняка подаст за нее. Охотники поиграть на этой струнке всегда, конечно, находятся. Напомню, что у нас уже были «селянские» министры,—и многие крестьяне, быть-может, всерьез считали их за «собственных министров» (курс. наш. В. А.).

Вот уж нашел человек, чем «стращать» кадетских подголосков! Чтобы «каждый дурак» и политически-«невежественная» масса пошли за ними — именно этого-то и добиваются герои из «Кулацкой России», которые не могут завоевать сочувствия без обмана масс, политически-невежественных. Дальнейшие рассуждения Пешехонова на эту тему также совершенно беспомощны. Вот что он, например, пишет:

> «Представьте себе, в самом деле, что каждый класс обзавелся бы своей партией... И вот на государственной арене появились бы: партия крестьян, партия рабочих, партия купцов, партия фабрикантов, партия ремесленников и т. д. Во что тогда превратилась бы государственная жизнь?».

Эти бесподобные филистерские очки прехладнокровно снял с пешехоновского носа Милюков, напомнивший ему

«опыт трудовой группы в государственных думах. Крестьянские депутаты предпочитали трудовиков какой-угодно демократической государственной партии, как ни случайно и смутно было это искусственное объединение,—отнюдь не начавшееся с составления программы. Было немало и демагогии положено на образование этих эфемерных крестьянских объединений» («Последние Новости», 12 дек. 1922 г.).

«Было немало и демагогии положено»,—недурной «исторический урок», извлеченный кадетами из опыта с трудовиками. А главное, ни одна «демократически-государственная партия» не смогла установить смычки с крестьянскими депутатами без посредства трудовиков. Это—основное, что вынесли кадеты из своей думской практики.

Им нужны подставные группы, чтобы вести за собой крестьянство. На эту роль Милюков выдвигает С. Маслова и К°. Только до трудовиков «Кр. России» очень, очень далеко. Трудовики в основе были крестьянской группой, а не объединением литераторов, сидящих на реках вавилонских.

Подчеркивание роли интеллигенции в деле «защиты интересов крестьянства, собственными силами...» крестьянства (см. выше), настолько выдает «Кр. Россию», что об этом распространяться совсем излишне.

Таковая беглая зарисовка контуров нового эмигрантского образования. Пока Советская власть умелой тактикой по отношению к крестьянству сохраняет с ним крепкий союз, эмигрантщина будет вариться в собственном соку. Но случись то или иное серьезное и длительное недоразумение у пролетариата с крестьянством, наметься между ними более или менее глубокая щель, как из этой щели выскочит кулак, чтобы подорвать диктатуру пролетариата. Тогда мы столкнемся с лозунгами и идеологией, которая нам может воспроизвести (трудно сказать, насколько близко и точно) идеологию «Кр. России». С этой точки зрения мы и остановили на ней внимание читателя.

III.

Как же обстоит дело с кулаком у нас, в Советской России, если подойти к вопросу не с узко-политической стороны, не с точки зрения текущего момента, а в общем разрезе нэп'а?

Для ответа на этот вопрос остановимся на том, якобы марксистском, анализе, который дают меньшевики.

В январском № 1 (71) «Социалистического Вестника» Д. Далин пишет о «Расслоении новой деревни», предрекая гибель Советской власти от нарождающегося кулацкого элемента, который-де победит за собой всю деревню против большевиков.

Автор третирует с высока тех «наивных коммунистов», которые «воображают», будто «в условиях товарно-денежного хозяйства» подъем земледелия пойдет путем «социальной гармонии», когда «вся стомиллионная крестьянская масса, вся сразу и равномерно, подымается с низшей ступеньки на высшую» и т. д.

«Наивные коммунисты», которые не знали бы о постоянном зарождении капиталистических отношений на почве товарно-денежного хозяйства и, следовательно, о процессе расслоения деревни при новой экономической политике,—такие «наивные коммунисты» существуют только в наивном воображении Далина. Он сам, в том же столбце, говорит о мерах, которыми коммунисты борются с новым кулачеством, препятствуют его росту; борются, значит, знают, что оно может расти и, частью, растет.

Никто не поверит Далину, что коммунисты думают «запретить кулаков»—и дело, дескать, в шляпе. «Сделать невозможным укрепление нового класса при помощи милиции, ГПУ и трибуналов. Классический образец социальной утопии»,—изощряется меньшевик, запомнивший из всех советских завоеваний, по понятным причинам, только одно ГПУ и трибуналы. Ни от трибуналов, ни от иных мер диктатуры мы не откажемся, ни в угоду меньшевикам, ни кулакам. Но мы не такие простаки, чтобы не понимать, что политическая борьба должна в подоснове иметь экономические мероприятия. Свергнув буржуазию, мы отобрали у ней фабрики и заводы и пустили ее на все четыре стороны. Кулаки политической власти не держат, мы их в политике не трогаем, пока они нас не трогают. Экспроприировать их, как городскую крупную буржуазию, мы не собираемся. Мы всего лишь ставим рамки для капиталистического накопления в деревне, воспрещая куплю-продажу земли, отменив на нее частную собственность, ограничивая и уравнивая земельные наделы, стесняя аренду и употребление наемного труда в сельском хозяйстве. Огромная масса крестьянства нас в этих предохранительных против кулачества мерах поддерживает, этого нельзя не видеть.

Эта масса, полагает Далин, со временем очутится в экономической зависимости от кулаков. Но самому Далину отлично известны меры, предупреждающие эту зависимость, экономические меры борьбы с ней. Дадим слово самому меньшевику. В той же самой статье он пишет:

«Кооперативы всех родов и видов—могучее орудие в борьбе мелкого крестьянства против кабалы в ее различных формах»... «Далее, сельскохозяйственный кредит в силах освободить от финансовой, почти кабальной, зависимости от деревенской буржуазии»... и т. д.

Не очевидно ли, что нам бьют челом нашим же добром? Кооперация и сельско-хозяйственный кредит есть основные мероприятия Советской социалистической политики в деревне. Ими подрывается и со временем подорвется экономическая, а следовательно, и политическая сила кулака в деревне.

Меньшевик пишет, большевики проводят. Из-за чего бы, казалось, вопить о «социальных утопиях» большевиков? Но не тут-то было. Для кооперативов, оказывается, необходимо не только «право на независимую организацию», но и «та политическая атмосфера, в которой это право превращается в реальность». Только тогда «постепенно вырастут всевозможные кассы и местные сельско-хозяйственные кредитные учреждения».

в большевистской деревне царит «подавление всякой общественной жизни», между тем, как «в борьбе с социально-политическим засильем деревенской буржуазии свобода политической самоорганизации играет очень важную роль».

Словом, нужна учредилка. Хочешь с кулаком бороться—дай ему «свободу политической организации». Так рассуждает этот политический недоумок, в детстве зашибленный «демократией».

Становится совсем забавно, когда он же начинает нас уверять, что «всякая диктатура в деревне не только взращивает антиреволюционные элементы деревни, но и вручает им постепенно всю полноту власти»,—когда он рассказывает нам «о целых сельских советах и исполкомах, порабощенных этим новым классом». Это называется: сперва под видом борьбы с кулачеством потребовать политических прав кулачеству, а затем, под тем же флагом борьбы с кулачеством, объявить войну советам.

Что у нас кулаки пролезают в деревенские и волостные советы, мы это знаем не хуже меньшевиков. Но мы боремся с этим не на словах, а на деле, пользуясь Советской конституцией, лишающей избирательных прав нетрудящегося. Рабочие и крестьяне знают, какую борьбу с кулаком вели и ведем мы, и какую вела керенская, сибирская, самарская, грузинская «демократия».

Далин выдает себя ссылкой на швейцарскую кооперацию. Такую кооперацию, как в Швейцарии, он считал бы идеалом для России. Ему нужна кооперация не в Советской, а в капиталистической России. Тогда пошла бы музыка не та. Тогда нашлись бы у меньшевиков и «средства, и меры противодействия абсолютизму деревенского капитала». Такая кооперация не остановила бы расслоения деревни, но это расслоение, происходящее в рамках кооперации, «вовсе не означало бы неизбежно экономической и политической кабалы для всей крестьянской массы».

Кулак бы рос, но новый, передовой кулак фермерского типа, вытесняя «классический и поныне здравствующий тип сельского ростовщика». Различие типов передового и отсталого капиталиста, как правильно замечает Далин, относится не только к деревне. «Купцы-самодуры, герои Островского—носители капитализма в такой же мере, как и индустриальные магнаты современной Англии».

Есть капитализм отсталый, есть передовой. Мы, меньшевики, мы—авангард (!), мы за... передовой капитализм. В век крушения магнатов мы—за магнатов, только против «самодуров»... За беленький, не черненький капитализм...

Оставим меньшевика созерцать «заднюю» буржуазии. В нашем Советском строе кооперация может не быть и, при нашем руководстве, не станет орудием капитализма, сепаратором, отделяющим кулацкие сливки. Мы можем, если захотим и приложим усилия и внимание к этому, если будем одерживать новые успехи в хозяйстве, сделать нашу кооперацию орудием социализма, вырывая ее из рук кулаков там, где она уже стихийно попала в их руки. Для этого мы должны превратить кооперацию в объединение широчайших масс бедного и среднего крестьянства.

Этот путь к социализму особенно ярко осветила нам статья

В. И. Ленина: «О кооперации» (26-го мая 1923 года). Вот что написал здесь т. Ленин:

> «На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»... (курсив В. И. Ленина).
>
> «Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы»... (Соч., т. XVIII, стр. 140—144)

Далее Ленин пишет о фантазиях старых «кооперативных социалистов», в роде Роберта Оуэна, которые думали, что кооперация есть социализм уже при капитализме. Если «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом» (выражение принадлежит Ленину), то только потому, что мы сперва произвели Октябрьскую революцию, передавшую власть и средства производства в руки пролетариата.

Наш взгляд на кооперацию будет ясен из сопоставления его, с одной стороны, с кооперативным утопизмом в духе Роберта Оуэна (и русского народничества) и, с другой стороны, с меньшевистским догматизмом.

Утописты полагают, что развитие кооперации в капиталистическом строе ведет к социализму [1]).

Меньшевики заучили то положение, что развитие кооперации в товарном строе есть одна из форм развития капитализма. Дальше этого заученного положения меньшевики не идут.

Ленинизм идет дальше, он вводит новое условие: диктатуру пролетариата, и говорит, что рост кооперации при диктатуре пролетариата есть социализм.

Это не значит, что всякая кооперация у нас уже есть социализм. Это значит, что мы можем, если захотим, выбить кулака из кооперации и на-ряду с этим, в итоге неустанной, огромной и трудной культурнической работы, вовлечь все население в кооперацию.

На этом пути нам будут мешать господа из «Кулацкой России» и «Социалистического Вестника», оформляющие классовое сознание нарождающегося (и внутри, и вне кооперации) кулака, сторонника развития капитализма, а не социализма. От исхода борьбы с кулаком внутри кооперации зависит, куда, в какую сторону кооперация у нас пойдет. И здесь стоит общий вопрос: «Кто кого?». Удастся ли нам против кулака повести кре-

---

[1]) Кстати, на такой позиции стоит, напр., и Ст. Иванович, поместивший в сб. II—III „Крестьянской России“ статью „Деревня в социальной революции“. Здесь он признает возможным переход крестьянства постепенным путем к социализму через кооперацию. Но при этом вокруг деревни им мыслится буржуазная демократия и капитализм. Ст. Иванович—правейший меньшевик, не считающий себя ни в коем случае народником. Так перепутались карты за границей.

стьянскую массу в кооперацию? Или кулак поведет ее за буржуазией, против нас?

Преобладающим классом населения в России являются мелкие производители, работающие на рынок. В 90-х годах Ленин дал характеристику социальным устремлениям мелкого производителя, определив их, как *протест против крепостничества и против капитализма*[1]. Тогда мелкий производитель, будучи зажат в тиски между двумя различными общественными системами, боровшимися и переходившими одна в другую, тщетно метался в поисках «своего», «третьего» пути (в идеологии—народнические утопии). Перефразируя это определение Ленина на современный лад, можно сказать, что характерной особенностью социальных устремлений мелкого производителя сейчас является его *одновременный протест и против капитализма, и против социализма*.

Но если в дореволюционной России и крепостничество, и капитализм могли только конкурировать между собой в жестокости, с какой и та, и другая система эксплоатировала или разоряла крестьянина, мелкого производителя, то сейчас дело обстоит иначе. Капитализм несет огромному большинству крестьянства беспощадную экспроприацию и разорение. *Социализм*—наоборот—*способен равномерно повысить жизненный уровень и уровень хозяйства всей массы крестьянства путем кооперации*. Протест против социализма поэтому обусловлен лишь косностью, привычкой, хозяйственной и культурной отсталостью, а *помимо* этого, *кроме* этого, он рождается лишь по мере выделения кулацкой верхушки, сознательно идущей на капитализм против социализма.

Рост этой верхушки с ростом рынка обусловлен, в частности, слабостью кооперации в деревне, способной дать городу расширение рынка без кулака и помимо его.

Класс мелких собственников, товаропроизводителей, в капиталистическом обществе гибнет, мучительно и болезненно разоряясь. В Советском строе кооперация временно сохраняет этот класс, ставя его в экономическую зависимость от пролетарского государства, от пролетарской промышленности. В этих условиях отмирание частной собственности в деревне пойдет медленно, постепенно и безболезненно, вслед за успехами сельскохозяйственной техники, вслед за электрификацией и т. д. Безболезненно *врастая в социализм*, постепенно переставая быть особым *классом* мелких собственников, как пролетариат постепенно перестает быть классом рабочих, нанимающихся к капиталистам,—крестьяне будут выигрывать, как *трудящаяся масса*, улучшая свое положение, облегчая условия труда. Таковы основные перспективы социализма в нашей деревне.

От нас зависит на протяжении всего пути к социализму налаживать и беречь смычку интересов рабочих и крестьян.

Эта задача безусловно *разрешимая*, как показал $6^1/_2$-летний опыт диктатуры пролетариата, при 3-летнем опыте нэп'а. Пусть

[1] «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве». Соч., т. II, стр. 10 и др.

господа Далины продолжают самоутешаться пустыми, заученными и непонятыми *общими* формулами о, якобы, «неизбежном» падении Советской власти в отсталой стране. Мы же будем каждую новую трудную задачу, какая бы она ни была, ставить по-ленински *конкретно*, учитывая особенности своей страны и конкретно решать, с ясным пониманием нашего пути к социализму.

На меньшевистские пророчества и на кадетско-кулацкие планы мы ответим продолжением старой ленинской тактики по отношению к крестьянству, усилением смычки с середняком, поддержкой бедняка, созданием и укреплением организаций деревенского батрачества, сохранением рамок для *экономических* аппетитов и пресечением контр-революционных *политических* вылазок кулачества, если бы оно сделало серьезную попытку политически себя проявить.

А. Слепков.

К третьей годовщине кронштадтского мятежа.

(Март 1921 г.—март 1924 г.).

Статья первая.

I. Социально-экономические предпосылки Кронштадта.

Диктатура пролетариата существует седьмой год. Но она не просто существует; за эти шесть с лишним лет она окрепла, усилилась, починила свой экономический фундамент.

Правда, каждый день приносит с собой все новые трудности, и эти трудности мы признаем громадными, но насколько мы теперь сильнее, чем в 1919—1921 гг.!

Нашим успехам мы в значительной мере обязаны уменью и смелости смотреть прямо в глаза опасности.

Наша партия никогда не смотрела на строительство социализма, как на легкое дело; на другой день после Советского переворота она сказала устами тов. Ленина, что строить социализм в России будет труднее, чем на Западе, хотя захват власти и дался нам легче, чем он дается нашим западным товарищам.

И только благодаря отсутствию самообмана, благодаря внимательнейшему изучению этих трудностей, необходимому для того, чтобы погасить фитиль снаряда, пока последний еще не разорвался,—только благодаря этому мы так сильны теперь.

Из каждого поражения, провала, потрясения, горячего боя и трудного положения мы выходили с новым опытом, новыми уроками, с обостренным нюхом на грядущие опасности. Три года тому назад мы пережили опаснейший момент, труднейшие для диктатуры пролетариата исторические минуты.

Но вновь и вновь мы желаем приковать наш взор не к моменту нашего триумфа, не к праздничным дням пролетарской революции, а к этим тяжелым дням, когда перед нами стояли большие опасности. Уроки этих дней мы понесем с собой для борьбы с новыми опасностями, могущими встретиться на нашем далеко не легком, но единственно верном пути к коммунизму.

До 1921 года мы не могли строить социалистического производства, ибо мы должны были биться до последней капли крови за политические условия, необходимые для этого строительства, т.-е. за диктатуру пролетариата.

Но когда мы эти политические условия отвоевали, наши экономические условия значительно ухудшились. Наша истрепанная национализированная промышленность, разрушавшаяся из года в год, имела к началу 1921 года очень плачевный вид.

Прежде всего оскудела добыча топлива для промышленности, что можно видеть из следующей таблицы, характеризующей динамику каменноугольной и нефтяной промышленности [1]).

Виды минер. топлива.	Добыто миллионов пудов.				
	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Каменн. угля	1.738	1.510	541	338	272
Нефти	602	522	232	269	233

Замена каменного угля худшим дровяным топливом, однако, не могла удовлетворить топливного голода промышленности.

Для примера берем таблицу дровяного потребления группой заводов «Гомзы», включающей 10 крупнейших металло-обрабатывающих предприятий [2]).

Затрачено заводами Гомзы куб. саженей дров.	
В 1916 г.	383.000
„ 1917 „	338.000
„ 1918 „	253.000
„ 1919 „	186.000

Одновременно с топливным голодом назревает и кризис сырьевого снабжения.

Производство сырья для хлопчато-бумажной, льняной, солеваренной, свекло-сахарной отраслей промышленности сократилось за войну и годы военного коммунизма в несколько раз.

Принимая по статистическим данным ВСНХ производство 1913 г. за 100, мы получаем следующую картину к началу 1920 года [3]).

	1913 г.	1919 г.
Хлопок	100	22
Лен	100	17
Сах. свекла	100	27
Соль	100	15

[1]) Данные заимствованы из VIII тома, I выпуска «Трудов ЦСУ». М. 1923 г.
[2]) Настоящие данные взяты из статистико-экономического очерка М. Смит о промышленности в сб. материалов «Продовольственная политика в свете общего хоз. строит. сов. власти». Госиздат М. 1920 г., стр. 11.
[3]) Там же, стр. 14.

Совершенно неизбежным следствием расстройства топливного и сырьевого снабжения явилось резкое сокращение производства во всех отраслях промышленности.

Состояние текстильного производства, динамика которого нашла весьма слабое и неточное отражение в статистике, можно иллюстрировать картиной массового закрытия хлопчато-бумажных фабрик.

В 1919 г. из 217 национализированных хлопчатобумажных фабрик действовало 116; в 1920 г. из 215—только 97 [1]).

Типическими для динамики тяжелой индустрии являются данные об изменениях в выплавке чугуна [2]).

	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Выплавлено тысяч пудов . .	231 тыс.	184 тыс.	31 тыс.	7 тыс.	7 тыс.

В результате сокращения производства вступил в силу и процесс распыления пролетариата.

Если к 31 авг. 1918 г. мы имели еще 1.400 тыс. чел. фабр.-зав. рабочих, то к 1 марта 1919 г. их число падает до 1.200 тыс. чел., а к 1 января 1920 г.—ниже 1 миллиона [3]).

Этот процесс распыления пролетариата, отливавшего в деревню, обусловливался не только сокращением промышленности; не в меньшей мере он был обусловлен и сокращением реальной заработной платы, связанным с обесценением бумажных денег.

Не имея ни необходимого золотого обеспечения, ни здорового промышленного базиса,—Советская власть, фактически запретившая торговлю, вместе с тем вынуждена была прибегать к усиленнейшей бумажной эмиссии, имеющей своим следствием параллельное падение реальной ценности бумажных денег, находящихся в обращении.

Этот процесс обнаруживается следующей таблицей [4]).

К какому времени.	Общая сумма денег в обращении (милл. руб.)	Их реальная ценность. (милл. руб.).
1 ноября 1917 г.	22.446	2.200
1 январь 1918 „	27.312	1.315
1 январь 1919 „	60.764	370
1 январь 1920 „	225.014	93
1 январь 1921 „	1.168.596	69

1) Труды ЦСУ, т. VIII, вып. I.

2) Там же.

3) См. раб. Ларина «Очерк хозяйственной жизни», написанную на основе статист. матер. ЦСУ, ВСНХ и ВЦСПС» в сб. Ларина и Крицмана «Очерк хоз. жизни и орг. нар. хоз. в Сов. России», Госиздат, Москва, 1920 г., стр. 41.

4) См. «Проф. Н. Л. Юровский. На путях к денежной реформе». М. НКФ, «Фин. Газета» 1927 г., 19—21 стр.

Падающая бумажная валюта имеет своим неизменным спутником падающую реальную заработную плату. Так, к началу 1918 г. рост цен в Москве обогнал рост заработной платы в 3,6 раз, в январе 1919 г.—в 17 раз, а в конце 1920 года—в 52 раза.

В 1920 году денежный заработок московского рабочего составлял от 8 до 20% фактической нормы потребления рабочего [1]).

Это обстоятельство имело своим следствием укрепление связи рабочих с деревнею, в которой рабочий восполнял заработную плату.

Именно в этой связи следует понимать усиление длительных отпусков, прогулов, особенно замечавшихся в месяцы земледельческих работ.

Получая довольно значительную часть своих средств существования из деревни, часть рабочего класса 1920—начала 1921 гг. деклассировалась не только в социально-экономическом, но и в идеологическом отношении.

Пишущему эти строки выпало на долю наблюдать чрезвычайно сильный сдвиг в социально-политической идеологии значительных групп рабочих эпохи военного коммунизма.

Еще в 1919 году на заводах и фабриках Москвы при обсуждении вопросов, связанных с реализацией продразверстки, рабочие говорили:

«Мы в городе пухнем с голоду, а они в деревне пухнут от обжорства».

К началу 1921 года слышались уже другие речи. На ряде металлических заводов рабочие говорили коммунистам:

«Вы требуете от нас в деревне хлеба, а что вы даете взамен?».

Этот сдвиг представится совершенно ясным, если к этому добавить, что на вопрос о степени связанности рабочих с деревней, в ячейке отвечали:

«Процентов 60 имеют связь с деревней».

Вопрос о формах этой связи не может быть, к сожалению, разрешен из-за отсутствия необходимых объективных материалов.

Но факт деклассирования известной части пролетариата в обстановке промышленной разрухи, факт укрепления связи рабочего с деревней, факт мелко-буржуазного перерождения идеологии части рабочего класса в рассматриваемый нами период совершенно очевидны.

Так подготовлялась кронштадтская идеология в опорных пунктах революции, в промышленных центрах.

Но источником этой идеологии, как мы уже отметили, являлась для города деревня.

На ее состояние в 1921 году и следует теперь обратить внимание.

Октябрьская революция не только вырвала землю из рук помещика и передала ее в руки крестьянства; она обострила внутри-крестьянские классовые конфликты; она открыла поход на сельского капиталиста, на кулака.

1) Данные взяты у Б. Лившица. «Проблема зараб. платы», М. 1922 г., изд. ВЦСПС, стр. 25—26.

Комбеды были орудием этой противокулацкой революции. Результатом этого похода на кулака явилось некоторое его подавление.

Струмилин, подведший итоги статистического обследования деревни по 7 разно-типным губерниям, приводит следующую таблицу, характеризующую внутреннюю динамику крестьянского хозяйства [1]).

Группы населения	% хозяйств по годам.		% населения по годам.	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
1. Зажиточные гр.	13,5	11,7	18,1	14,8
2. Середняки	42,7	40,8	46,4	44,8
3. Маломощные	43,8	47,5	35,5	40,4

Из этой таблицы явствует:

1) что эпоха военного коммунизма, несколько снизила общий имущественный уровень крестьянского хозяйства;

2) что крестьянская буржуазия явилась наиболее пострадавшей, благодаря классовой политике Советской власти в деревне.

Еще более красноречивы данные о «динамике обеспеченности посевами по типам хозяйств», в которых площади посева в 1917 г. принимаются за 100 [2]).

Типы хозяйств по 7 губерням.	Общая площадь посевов в десятинах		Число десятин посева на 100 душ.	
	1917 г.	1920 г	1917 г.	1920 г.
1. Зажиточные	100	53,8	100	56,8
2. Середняки	100	93,7	100	85,2
3. Маломощные	100	150	100	118

Здесь уже можно наблюдать не только картину передвижек между разными типами хозяйств, но и внутренние изменения этих типов.

Зажиточные не только изменились в числе, но и обладают теперь меньшей посевной площадью на душу, чем раньше; середняки тоже сдали немного; зато у маломощных посев на душу значительно увеличился.

Анализ данных о динамике обеспечения рабочим скотом по типам хозяйств дает материал для аналогичных выводов.

[1]) Ц.К. РКП. Сб. «Крестьянское хоз. за время революции», изд. «Красная Новь», М., 1923 г., стр. 102.

[2]) Там же, стр. 104.

И здесь налицо некоторый подъем маломощного хозяйства, идущий параллельно с некоторым опусканием среднего хозяйства и наиболее значительным минусом у буржуазных зажиточных групп крестьянства [1]).

Типы хозяйств по 6 губерниям.	Абсолютные цифры.		На 100 душ населения.	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
1. Зажиточные	100	67,6	100	70,9
2. Середняки	100	93,0	100	83,8
3. Маломощные	100	129,0	100	103,0

Все эти данные говорят об одном: они говорят об осереднячении деревни за период 1918—1920 гг., о падении буржуазного хозяйства, о нивелировке крестьянских хозяйств.

Таковы итоги комбедовской кампании. Но у этих итогов есть свои чрезвычайно важные социально-политические последствия.

Деревня 1917—1919 гг. была ареной обостренной внутренней классовой борьбы крестьянской бедноты против крестьянской буржуазии.

Этот классовый антагонизм деревни укреплял нас, расширяя сферу революционного влияния пролетариата.

К 1921 году обстановка в деревне изменилась. Изменилась не только в том смысле, что крестьянство после поражения ряда белогвардейских армий почувствовало себя крепко на отнятой у помещика земле и перестало нуждаться в пролетарском государстве, как военном руководителе против воинствующего и борющегося за землю помещика.

Изменилось и потому, что с нивелировкой крестьянского хозяйства внутренний антагонизм в деревне ослаб.

Позиция пролетариата в смысле классово-бедняцкой опоры ослабла, а в громадной массе крестьянства, наоборот, стали живее действовать факторы некоторой солидаризации вместо прежних факторов внутренней борьбы.

Деревня глядела на город уже не двуликим Янусом, одно лицо которого выказывало расположение пролетарскому городу, а другое кулацкую ненависть; у деревни появилось некоторое общее выражение, которое отнюдь не было выражением готовности итти за пролетарским городом при всяких условиях.

Крестьянство хмурилось и проявляло тягу к новой системе

[1]) Там же, стр. 118.

экономических отношений, более удовлетворяющей крестьянина, как частного хозяйчика и товаропроизводителя.

Военный коммунизм положил запрет на торговлю.

Эта торговля тем не менее стихийно прорывала натурально-хозяйственные отношения военно-коммунистического режима, появившись в невиданной для нас форме—«торговли из-под полы».

На этом «подпольном» рынке складывалась чрезвычайно благоприятная для сельского производителя конъюнктура: хлеб был на рынке самым знатным барином,—цены на него росли, и особенно сильно с 1920 г.

Достаточно указать, что, например, на московских рынках цены на хлеб выросли с начала 1920 года до начала 1921 года в 11½ раз, в то время как цены на одежду, и обувь только в 7½ раз, а цены на бакалейные непродовольственные товары меньше, чем в 4 раза [1]).

Эти «ножницы» были мощной пружиной порыва крестьянства к товарно-хозяйственным отношениям; порыва, определившего собою политическую атмосферу в советской деревне начала 1921 года и положившего печать на настроение рабочих, связанных с деревней.

Таковы были объективные социально-экономические условия, создавшие почву для кронштадтских настроений. В этих условиях наша партия не повинна: они создались железной логикой гражданской войны.

Продолжение этой войны могло бы совершенно истощить наши силы, так как дальнейшее развитие намеченных выше тенденций выбило бы из-под наших ног тот пролетарский фундамент, на котором Октябрьская революция построила рабочее государство. Однако, история нам улыбнулась.

II. Политические предпосылки Кронштадта.

К началу 1921 года мы вышли из полосы войн и могли заняться хозяйственным строительством.

Но как строить хозяйство? Можно ли продолжать прежнюю военно-коммунистическую хозяйственную политику, или нужно переходить к новой системе экономических отношений и к какой именно?

Теперь нам представляется совершенно ясным, что если бы мы перешли к нэпу в январе 1921 года, мы, вероятно, не имели бы Кронштадта. Мы не могли перейти к нэп'у в военный период, но в январе 1921 г. мы могли это сделать. Но велика сила инерции! Мы не смогли быстро освободиться от военно-коммунистических традиций.

Дискуссия о профсоюзах, предшествовавшая Кронштадту, обнаружила не только тот факт, что часть нашей партии держала

[1]) Данные вычисления на основании таблицы, приведенной в «Трудах ЦСУ», т. XIV, вып. I, М., 1923 г., стр. 121.

курс на дальнейшее завинчивание военного коммунизма; она обнаружила также, что, понимая необходимость считаться с крестьянством в экономической политике, партия в целом еще не нашла формы смычки с крестьянством.

Очертания нэп'а, вероятно, уже в эти дни намечались в сознании т. Ленина, раньше других умевшего схватить историческую исключительность момента и найти новые методы партийной работы в новых условиях.

Но это были только контуры: великий зодчий хотел примерить, подсчитать, проверить, чтобы не прогадать.

Но дискуссия, показавшая, что партия не пойдет дальше по пути военно-коммунистического строительства,—имела и отрицательные последствия.

Она показала, что наша партия не совсем единодушна, что в нашей партии пошатнулась дисциплина, что в нашей партии появились фракции.

Это было недопустимым излишеством партии, возглавлявшей диктатуру рабочего класса в обстановке, обрисованной нами выше.

На это с полным основанием указывал тов. Ленин на X съезде:

«...Едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была совершенно непозволительной, и, что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку.

Не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили вопрос, который по объективным условиям не может стать на первом месте, что мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед нами вопроса о том самом кризисе...» [1]).

Дискуссия, обнаружившая трения в правящей партии, бесспорно, несколько развязала стихию за пределами партии, ослабила влияние партии на пролетариат в критический, сложнейший момент.

Во второй половине февраля 1921 г. на ряде петроградских заводов, в связи с уменьшением продпайка, вспыхнули забастовки.

Эти забастовки были не первыми. Чрезвычайно тяжелые материальные условия и раньше толкали наименее выдержанных рабочих на экономические стачки, еще больше ухудшавшие трудное положение пролетарского государства. «Волынили» и в 1919 и в 1920 году.

Но в этих стачках начала 1921 года появилось нечто новое.

Во-первых, к требованию увеличения пайка присоединилось требование о снятии заградительных продовольственных отрядов, объективный смысл которого заключался в снятии запрета с торговли; во-вторых кое-где стали читаться меньшевистско-эсеровские прокламации,

[1]) Собр. соч. Ленина, том XVIII, в. I, стр. 111.

одно появление которых раньше вызывало у рабочих реакцию в форме прекращения «волынки», ибо рабочие меньше всего хотели, чтобы их возглавляли социал-предатели.

27 февраля среди забастовавших появилась прокламация с следующими призывами:

«Необходимо коренное изменение всей политики власти; и, в первую очередь, рабочим и крестьянам нужна свобода. Они не хотят жить по большевистской указке, они хотят сами решать свою судьбу. Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте:

Освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих. Отмены военного положения, свободы слова, печати и собраний для всех трудящихся. Свободных перевыборов завкомов, профсоюзов и советов. Созывайте собрания, выносите резолюции, посылайте к властям делегатов, добивайтесь осуществления ваших требований!».

28-го в Невском районе была расклеена более откровенная прокламация:

«Мы знаем, кто боится Учредительного Собрания. Это те, кому грабить нельзя будет, а придется еще отвечать перед народными избранниками за обман, грабеж, за все преступления.

Долой же ненавистных коммунистов! Долой Советскую власть! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!».

Нисколько не удивительно, что меньшевики и эсеры (вторая прокламация — явно эсеровского происхождения, первая может иметь авторами и меньшевиков) разбрасывали и расклеивали такие прокламации. Это не ново. Новым было то, что эти прокламации читались и даже производили впечатление. Советское правительство не могло не почуять в этих новых явлениях большой политической опасности, угрозы делу рабочего класса.

Меньшевики и эсеры пытались сыграть на стихийном недовольстве наименее сознательных групп рабочего класса, чтобы свернуть шею рабочему государству.

Они воспользовались для этого появлением крестьянофильских настроений в этих группах рабочих, деклассированных и окрестьянившихся.

Их первоначальный, частичный успех был в значительной мере обусловлен разбавлением питерских рабочих масс мобилизованными в порядке трудовой повинности крестьянами, к тому же оставшимися безработными после закрытия ряда заводов.

Меньшевистско-эсеровская контр-революция готовила Вандею.

Однако, слишком еще много было революционной энергии и коммунистического закала в петроградской организации, снабжавшей в течение ряда лет всю Россию выдержаннейшими работниками; слишком много жизни и организованности было в передовых слоях питерской рабочей массы, чтобы Вандея могла найти опорный пункт в самом Петрограде. Этим опорным пунктом явился Кронштадт, в котором тон задавали матросы.

За время гражданской войны с 1917 по 1921 гг., когда, по сути дела, флот почти бездействовал, старые матросские кадры распылились, уступив место молодежи, вышедшей из деревни.

Накануне Кронштадта редко можно было найти среди матросов стариков, бывших в плаваниях, вынесших ранее на своих плечах октябрьский переворот.

Чрезвычайно характерно, что в самой матросской среде в эти годы непрерывно наблюдался антагонизм между старыми матросами, составляющими незначительное меньшинство, и количественно подавлявшим молодняком.

Эпитет «клешник»—применялся не вообще к матросу, а к матросу, принадлежность к флотской службе которого можно определить только по «клешу», ибо в плаваниях он не был, стажа и квалификации не имеет и т. д.

Словом, кронштадтский матрос 1917 г. и кронштадтский матрос 1921 года—это типы различного социально-психологического облика.

Вот этот-то новый матрос, деревенский парень, одетый в матросский костюм, и был основной социальной силой взбунтовавшегося Кронштадта.

Что побудило этого матроса подняться против диктатуры протариата? («Бросим наш обманчивый лозунг «диктатура пролетариата!»—взывает «коммунист» Коскин в «Известиях Ревкома» от 9/III). Об этом лучше всего сказали сами кронштадтцы на страницах газеты «Известия Врем. Ревкома матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта».

(Характерно, что «матросы и красноармейцы» предшествуют «рабочим», — это мелочь очень показательная!).

Почти все статьи, цитаты из которых мы здесь сейчас приведем, написаны без подписи, идут от редакции, и потому могут характеризовать идеологию «передовых» кронштадтцев, руководивших движением.

«То, что сейчас происходит—читаем мы в № 9 «Известий»—подготовлено самими же коммунистами, их трехлетней кровавой разрушительной работой. Письма из деревень полны жалоб и проклятий коммунистам. Наши тт., возвратясь из отпуска, полные гнева и возмущения, поведали нам об ужасах, творимых большевиками по всему миру русской земли» [1]).

Дело совершенно ясное: зарядка Кронштадту дана деревенскими настроениями. Но какие же эти настроения?

«Прав был крестьянин, сказавший на VIII съезде Советов: «все обстоит хорошо, только... земля-то наша, да хлебушко ваш; вода-то наша, да рыба-то ваша; леса-то наши, да дрова-то ваши». Но беспокоиться труженику не надо. Ленин обещает «сделать целый ряд уступок мелкому хозяину, дать ему известные рамки свободного хозяйства. Как старый «добрый» помещик, он собирается сделать ряд небольших уступочек, чтобы потом еще крепче зажать в клещи диктатуры партии, что ясно из фразы: «конечно,

[1]) «Известия Вр. Кронштадтского Ревкома», от 11/III 1921 г., обращение «к тт. рабочим и крестьянам».

без принуждения не обойдешься, ибо страна страшно обнищала и устала» [1]).

Особенно возмущаются кронштадтцы «насаждением» советских хозяйств.

«Они кричат с кровавых подмостков,—пишет моряк Коптелов [2]), — что вся земля крестьянам, а заводы рабочим. Между тем коммунисты понастроили коммунальные хозяйства, заняв лучшие участки земли, и сели на шею беднейшего крестьянина плотнее и крепче помещика».

Если в этой статье еще пользуются аргументацией от «беднейшего», то в другой статье от редакции обижаются за кулака.

«Все трудовое крестьянство было объявлено врагом народа, сопричислено к кулакам. Предприимчивые коммунисты приступили к разорению и занялись насаждением советских хозяйств, усадеб нового помещика-государства. Вот что при большевистском социализме получило крестьянство вместо свободного труда над освобожденной землицей» [3]).

Эти отрывки очень характерны для большинства статей газеты. О рабочих вы можете встретить в статьях лишь самое беглое замечание, «за-кампанию», так-сказать. Впрочем, «за-кампанию» поминается и «трудовая интеллигенция»...

«Вырастало новое коммунистическое крепостничество. Крестьянин обращался в советских хозяйствах в батрака, рабочий в наемника на казенной фабрике. Трудовая интеллигенция сводилась на нет» [4]).

Не правда ли, эта тречленная формула кажется старой,—старой,—как старо Учредительное Собрание, как стары застывшие формулы застывшего в политическом небытии б. «председателя Учредительного Собрания» и всей его партии?

Особенно мило положение о том, что «трудовая интеллигенция сводилась на-нет». Да, действительно, свелась «на-нет».

Бедная «трудовая интеллигенция», бедные ее заграничные идеологи, политическая значимость которых тоже свелась на-нет!

Но Кронштадт им открывал перспективы.

III. О программе Кронштадта.

С какою же программой выступил Кронштадт против рабочего государства? Как известно, движение началось с частичных волнений на судах, объединившихся в общекронштадтское движение на большом митинге, где была принята «резолюция общего собрания команд 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, состоявшегося 1-го марта».

---

[1]) См. «Известия», № 13, от 15/III, ст. «Торговый Дом Ленин, Троцкий и К°.».

[2]) См. «Известия», № 12, 14/III, ст. «Вставай униженный».

[3]) «Известия», № 14, 16/III. ст. «Социализм в кавычках».

[4]) «Известия», № 10, 12/III, ст. «Этапы революции».

Эта резолюция и является единственным документом программного характера, хотя крайняя случайность целого ряда поправок и добавлений сильно затрудняет рассмотрение этой резолюции, как программной декларации. Что в этой резолюции характеризует социально-экономические устремления кронштадтцев?

Четыре пункта резолюции могут дать представление об этих устремлениях:

§ 8. Немедленно снять все заградительные отряды.

§ 9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

§ 11. Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т.-е. не пользуясь наемным трудом.

§ 15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом» [1]).

Для рабочих—«уравнение пайков»; для крестьян—свобода торговли (немедленное снятие заградительных отрядов), «полное право действия над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот»; «свободное кустарное производство». Правда, запрещение наемного труда остается попрежнему.

Взятая изолированно, эта программа вполне покрывается нэп'ом. Требования крестьянства, в их экономической части сформулированные кронштадтскими матросами, не могли бы служить основанием грожданской войны.

Но... как много зависит от того, что следует после «но»!

Но при каких политических условиях эта экономическая программа мыслится кронштадтцами, как выполнимая? И это «но» оказалось барьером, разделившим противников в гражданской вооруженной схватке.

«Бросим наш обманчивый лозунг «диктатура пролетариата!» [2]).

А посему: «долой диктатуру коммунистов!».

«Здесь совершился новый великий революционный сдвиг,—читаем мы в № 6 «Известий». — Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета владычества коммунистов, затмившего собой трехсотлетнее иго монархизма.

«Здесь, в Кронштадте, положен первый камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудовых масс и открывающей новый широкий путь для социалистического творчества!..

«Настоящий переворот дает трудящимся возможность иметь, наконец, свои свободно-избранные советы, работающие без всякого насильственного партийного давления, пересоздать казенные профессиональные союзы в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции...» [3]).

---

[1]) См. «Известия» № 1, 3/III, «Резолюция общего собрания команд 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, созывавшегося 1 марта 1921 г.

[2]) «Известия», № 7, 9/III «Призыв» Коскина.

[3]) «Известия», № 6, 8/III, «За что мы боремся».

«Советы... без всякого партийного давления». Но разве не в декларативной резолюции кронштадтцев написано в § 2:

«Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий»?

Но эти внутренние противоречия программы не столь уже решающи и важны, как мало важна и субъективная мотивация этих программных положений. Важно вот что: какой объективный смысл имеет, какие объективные результаты несет с собой эта политическая программа?

Простая принадлежность к рабочему классу и особенно к крестьянству отнюдь не является гарантией от контр-революционности. Высказываясь за безоговорочную свободу «слова, печати» и, добавим от себя, организации—мы открываем клапан для контр-революции.

Разве антоновщина, вошедшая в историю как кулацкое восстание, не шла под флагом крестьянской беспартийности, в то время, как она имела бесспорное руководство со стороны эсеров?

Далее. «Свободу слова и печати для анархистов и левых социалистических партий»...

Предположим, что «левые» нужно понимать самым ограничительным образом, включая в эту категорию левых меньшевиков и левых эсеров.

Но эти партии показали себя объективно, как партии контр-революционные. Если они будут определять политику «беспартийных» советов, то они сдадут власть буржуазии, как предлагали сдать ее в 1917 году.

«Левые» меньшевики... Но «левый» меньшевик Мартов—член ЦК меньшевистской партии, а «правый» Дан—тоже член ЦК той же партии. Где же кончается Мартов и начинается Дан?

А разве неизвестно, что когда дело доходит от общих деклараций к действию, Мартов всегда уступает место Дану? Что же говорит этот Дан в кронштадтские дни?

«Для настоящего момента считаю в России,—заявляет Дан на допросе после ареста,—необходимым, в интересах трудящихся и особенно пролетариата, сохранение Советской системы, но с тем, чтобы эта система была, согласно теории ее и ее конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры. (Что это? Не мотивировка ли кронштадтской программы?—А. С.).

Что касается дальнейшей эволюции этой системы к совершенным демократическим формам, в которых, по моему убеждению, только и может быть осуществлено социалистическое переустройство общества, то темп и характер такой эволюции настолько зависят, с точки зрения интересов рабочего класса, от ряда непредвиденных ныне международных и внутренних факторов, что ни о какой твердой связанности в этом отношении для нашей партии не может быть и речи».

Итак: во-первых Дан не мыслит себе результатов Кронштадта без дальнейшей эволюции к «совершенным демократическим формам,» совершеннейшей из которых для него является буржуазно-демократическая республика; во-вторых, он не считает себя нужным связывать в выборе методов этого перехода, а к числу этих методов, как известно из истории меньшевизма, принадлежат и военные заговоры совместно с белогвардейцами против рабочей диктатуры.

Разве не ясна теперь эта объективная логика социального сцепления?

1. Кронштадтцы — за предоставление свободы «слова, печати», организации—левым меньшевикам.

2. Левые меньшевики малым отличаются от правых и состоят с ними в одной организации, с одним ЦК, во главе, в котором реальными руководителями являются правые меньшевики.

Давая свободу мартовцам, тем самым дают свободу дановцам.

3. Дановцы, принимая «беспартийные» Советы, как отправной пункт, имеют свободу борьбы за буржуазно-демократическую республику, т. е. за передачу власти буржуазии.

От беспартийных советов—к буржуазной реставрации,—вот тот путь, на который вступил Кронштадт в марте 1921 года.

Эту логику понимали и понимают большевики и потому они подавили кронштадтский мятеж, как мятеж контр-революционный.

Такова была почва Кронштадта и его программа.

Как протекало кронштадтское восстание? Как Кронштадт был встречен различными классово-партийными группировками в России и за границей? Каковы практические уроки кронштадтского мятежа?

Об этом—в следующей статье.

И. Степанов.

„Истинное христианство“ в откровении тов. Луначарского.

(**А. В. Луначарский.** „Христианство и марксизм. Изд-во „Красная Новь“. М. 1923 г. Стр. 33).

Брошюра получилась из доклада, когда-то прочитанного тов. Луначарским.

Было бы лучше, если бы он никогда не делал этого доклада. Если же с ним случилась такая оплошность, было бы лучше, если бы его не стенографировали. И величайшей услугой для автора было бы, если бы дело предали забвению и не печатали стенограммы.

В широких партийных кругах существует представление, будто воззрения тов. Луначарского отличаются некоторой неустойчивостью, и будто он давно и вполне отрешился от блужданий своей юности, выразившихся в книге „Религия и социализм“, в которой он хотел принизить научный социализм до степени религии.

Ничего не может быть неосновательнее таких легких взглядов на тов. Луначарского. Последние литературные произведения тов. Луначарского одно за другим показывают, что акты отречения, которые лежат между его юностью и зрелым возрастом, были временными колебаниями, мимолетными приступами малодушия, что глубокое религиозное ядро осталось в нем незатронутым, и что еще вполне вероятен полный возврат к апостольским начинаниям молодых лет.

В этом отношении достаточно красноречивы отдельные места из недавней статьи тов. Луначарского, напечатанной в журнале „Красная Новь“ (декабрь 1923 г.),—да, пожалуй, и весь колорит этой статьи. Статья называется „Мораль и свобода“. Но ее не с меньшими основаниями можно было бы назвать и так: „Любовь к свободе“, или „Свобода в любви“, или „Любовь на свободе“, и т. д., и т. д. То молодое ядро, которое тов. Луначарский хранит в себе под случайными наслоениями и скорлупой зрелых лет, прорывается в этой статье в выражениях, которым могут только сочувствовать митрополит Антонин или митрополи Александр Введенский...

„Когда мы переходим к оценке самой нравственной морали, если мы не хотим ограничиться простым и пустым констатированием, мы должны сверить ее с какой-то о б ъ е к т и в н о й м о р а л ь ю, с к а к о й - т о б е с с п о р н о й, о б щ е ч е л о в е ч е с к о й м о р а л ь ю. Отсюда потребность, и з в е ч н а я, можно сказать, потребность со стороны ученых этиков

в построении ее“ (стр. 132). (Отдельные слова, как и ниже, подчеркнуты мною).

И дальше: „И с к а н и е п р а в д ы б о ж и е й, что фактически означает п р а в д ы б е з у с л о в н о й, с т о я щ е й в ы ш е к р и т и к и, искание это присуще человеку. Иначе и быть не может“ (133).

Дело не только в выражениях, но и в самых мыслях. После всех блужданий, скитаний и колебаний, тов. Луначарский опять охвачен благочестивою жаждою абсолюта.

П о п о в щ и н а, которую так беспощадно и так справедливо бичевал Л е н и н лет пятнадцать тому назад, опять бурной волной прорывается в творениях тов. Луначарского.

И как-будто для того, чтобы еще ярче документировать свой покаянный возврат к прошлому, тов. Луначарский пишет еще такую колоссальную фразу, от которой всякий коммунист „поедет в Ригу“, не получив установленной визы:

„Когда-то я предлагал, в виду того, что миросозерцание марксизма всеохватывающее и дает удовлетворение всей той жажде, которая прежде утолялась религией, не чуждаться признавать и марксизм,—это и Дицген признавал,—тоже р е л и г и е й (подчеркнуто тов. Луначарским) высшего порядка“ (133).

Но, очевидно, вспомнив тот прием, который это предложение встретило у тов. Ленина 15 лет тому назад, тов. Луначарский добавляет: „Но мне указывали, что разница слишком велика для того, чтобы допустить смешение наименований“.

Если тов. Луначарский признает эти указания правильными, зачем же повторять старую расслабленную и расслабляющую чепуху?

Пора нам всем крепко-накрепко зарубить на носу: всякого, кто недостаточно ясно представляет себе абсолютную несовместимость марксистского и религиозного миросозерцания, необходимо беззамедлительно отправлять на элементарные курсы политграмоты, не взирая на его советскую степень и коммунистический ранг.

Поповство, которое только местами откровенно пробивается в статье „Красной Нови“, расцветает махровым цветком в брошюре „Христианство и марксизм“. Бесподобны уже самые первые строки этой брошюры:

„Товарищи, темой сегодняшнего доклада является параллель между христианством и марксизмом. Для лиц, непосредственно знакомых с социологическими основами этих двух явлений, такое сопоставление не покажется странным, потому что в настоящее время эти две идеологии—марксизм, с одной стороны, и христианство, с другой,—являются двумя, правда, не единственными силами, но, во всяком случае, могучими силами, которые оспаривают друг у друга душу человечества“ (стр. 3).

В своем благочестивом воспарении тов. Луначарский приписал к христианству все человечество. С презрением, достойным какого-нибудь колонизатора, он забыл о магометанстве, конфуцианстве и т. д. и религию какой-нибудь $^1/_5$ или даже $^1/_6$ человечества превратил в религию всего человечества. Только в пламенном воображении христианского миссионера христианство, фактически находящее лишь немногих прозелитов среди нехристианских народов, может считаться той „могучей силой, которая оспаривает (у марксизма!) душу человечества“.

Пышной фразой является и то, что говорит тов. Луначарский о современной роли марксизма. Охотно допускаем, что в душе тов. Луначарского идет незаконченная борьба марксизма и христианства. Охотно

соглашаемся, что в его душе марксизм сделал уже большие завоевания. Но было бы прискорбным недоразумением думать, что и всего европейского человечества марксизм коснулся так же ощутительно, как души тов. Луначарского. А для внеевропейского человечества идейное богатство марксизма почти вовсе не существует.

Для тов. Луначарского сопоставление христианства и марксизма оправдывается не только тем, что эти две идеологии в настоящее время ведут борьбу за обладание душой человечества, но и тем, что „христианство и марксизм—это две величайшие идеологии, выдвинутые и созданные пролетариатом,—это две пролетарские (подчеркнуто автором) доктрины, которые переживали совсем различные судьбы. Продукты различных эпох, они по существу своему—идеологии пролетариата“ (стр. 4, подчеркнуто мною, И. С.).

Затем следует длинное рассуждение о роли идеологий в классовой борьбе вообще, об их различной окраске, о борьбе идеологических систем, как отражении выступления новых классов на историческую арену, и т. д. Все время читатель остается при убеждении, что христианство и марксизм „по существу своему—идеологии пролетариата“.

На стр. 6 тов. Луначарский старается поглубже вдолбить эту,—очевидно, чрезвычайно ценную для него,—мысль в голову слушателя и читателя. Он еще раз повторяет: „вот относительно пролетариев можно сказать, что мы не имеем никаких пролетарских идеологий, за исключением двух колоссальных массивов. Один—это марксизм со всеми предпосылками к нему, постепенно выросший из буржуазного строя, гигантский горный кряж, гигантский теоретический хребет, который называется научным социализмом. Это—одна пролетарская идеология. На очень большом расстоянии от него, на расстоянии двух тысяч лет, стоит христианство“ (стр. 6). И это—другой „колоссальный массив“ „пролетарской идеологии“.

Само собой разумеется, в дальнейшем тов. Луначарский выясняет, что античный пролетариат был пролетариатом деклассированным, паразитическим пролетариатом, стоявшим вне всякого производства и потому отделенным от современного пролетариата „дистанцией гигантской“. Да и как бы тов. Луначарский не отметил этого: марксизм все же еще борется с христианством за власть над его душой.

Но в своем докладе он ставит главное ударение не на то, что античный пролетариат бездельников отделяется от современного пролетариата более глубокой и непереходимой пропастью, чем, например, античный рабовладелец от современного буржуа, а на то, что римский пролетариат, как-никак, все же был пролетариат. И не случайно он начинает с положения, что христианство—пролетарская идеология, один из двух колоссальных массивов пролетарских идеологий. Марксизм еще не вполне отвоевал его душу от христианства.

Христианство, далеко не побежденное марксизмом, бодро звучит из следующей фразы: „Христианство—тоже создание, по преимуществу, пролетария, и его истинный дух (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок,—И. С.) поддерживался постольку, поскольку различные слои, различные новые формации пролетариата, преемственно друг от друга, дух истинного христианства перенимали“ (6 стр.).

Это—не случайная обмолвка, а проявление подлинной, истинной религиозной сущности тов. Луначарского, готового признать и марксизм

„тоже религией высшего порядка“; если бы вот ему в свое время не указывали на полную недопустимость „смешения наименований“ (изволите-ли видеть, только „наименований“!). На стр. 21 он с серьезнейшим видом пишет слова „сущность христианства“ и видимо не откажется обрисовать её с большей отчетливостью, чем любой поп. На стр. 25 он признает толстовство „довольно чистой формой христианства“. На стр. 24, коснувшись отношения марксизма к христианству, он заявляет: „Отсюда борьба не только против христианства искаженного, против того церковного христианства, против которого и каждый подлинный христианин должен был бы бороться, ибо церковное христианство есть сдача позиции „дьяволу“, но и против подлинного христианства“.

Тов. Луначарский подходит к христианству не как научный исследователь, а как поп или сектант. Он хочет раскрыть в христианстве какую-то сущность („истинный дух христианства“), какой-то абсолют, и не видит в нем продукта длинного исторического развития.

Вместо ответа на его изумительные историко-религиозные откровения я ограничусь выписками из своей брошюры „О живой церкви“ (М. 1922. Стр. 27—29).

„Все церковные реформации и революции (а теперь добавлю: и тов. Луначарский, религиозное ядро которого пробивается через марксистскую скорлупу) претендовали на то, что наконец-то они восстанавливают „истинное учение Христово“ во всей его первоначальной чистоте“.

Но для научного исследователя „истинного христианства“ не существует, или,—что то же,—для него одинаково „истинно“ христианство всякой эпохи, всякой стадии развития и всякого класса, который в ту или иную эпоху, на той или иной ступени своего развития, усваивает христианство и, усвоивая, претворяет его по-своему, видоизменяет в зависимости от своих особых потребностей. Только так оно и могло перейти из Галилеи в Рим и из Рима к варварским народам, только так и могло просуществовать два тысячелетия, сохраняя единое название „христианства“, несмотря на все свои видоизменения и эволюцию.

„Писания—ветхий завет и новый завет—не представляют чего-то единого, внутренно согласованного, общего по источникам, по авторам, общего хотя бы по той социальной основе, на которой возникали идеологии этих произведений.

„В них отслоились и напластовались многие десятилетия, в некоторых случаях—многие столетия классовой борьбы, с ее колебаниями и превратностями, с ее нередкими сменами побежденных и победителей.

„При сводке устных сказаний и преданий, сопровождавшей их запись, вопиющие противоречия затушевывались, элементы, слишком не согласуемые с основными частями, попросту отбрасывались...

„Составление и запись канонических книг христианства начались к концу первого века по так-называемом рождестве христовом и заняли не меньше столетия. Научная критика давно показала, что никакие ученики Иисуса не имели ни малейшего касательства к составлению евангелий. Евангелия—сборники преданий, записи, разделенные несколькими поколениями. В них сведены и отнесены к одному лицу сказания о разных лицах,—часто совершенно мифических,—ходившие по религиозным общинам. В них отслоились и римские, и иудейские культурные влияния, в них начала новую жизнь сирийская, египетская, месопотамская религия.

А так как различные сказания отражали различные стадии борьбы в иудейско-римском обществе, и так как различные общественные классы и различные группы этих классов налагали свой отпечаток на эти сказания, то совершенно естественно, что после сводки их в цельные литературные произведения, называемые евангелиями, получились явные противоречия и несогласованности...

„Что же удивительного, если папа, Лютер и Мюнцер (а теперь добавлю: и тов. Луначарский) в свое время уверяли, что только один из них дает чистое, неискаженное учение христианства, а остальные двое преднамеренно и злостно его искажают и фальсифицируют?“

Не может быть иных методов изучения христианства, этой столь заведомо и явственно синкретической религии! И не дело марксиста становиться стороной в склоке попов и сектантов и заявлять: истинно в христианстве только то, что несет на себе печать паразитического пролетариата древнего Рима. И тем менее приличествует марксисту умиляться перед этим „истинным христианством“.

Если, говоря о христианстве, тов. Луначарский усиленно подчеркивает, что это — пролетарская идеология, и лишь во вторую очередь отмечает, что античный пролетариат был паразитствующим пролетариатом деклассированных элементов, если христианство должно у него таким образом получить освящение от пролетариата, то марксизм окропляется у него святой водой христианства. Чего стоит одно такое, например, место:

„Как старый пролетариат (такой псевдоним избирает тов. Луначарский для римского паразитического пролетариата) противополагал себя миру господ, так и новый пролетариат противополагает себя миру капиталистов. Как старый пролетариат находил, что мир лежит во зле, так и новый пролетариат находит, что мир лежит во зле. Как старый пролетариат эгалитаристичен, т.-е. считает, что нужно стремиться к равенству, так и новый стремится к созданию такового общества, при котором было бы возможно на земле равенство. Как у старого пролетариата был свой золотой век, свое царство божье, так и у нынешнего пролетариата есть свой золотой век, свой миф о крушении мира, свой апокалипсис и свой счастливый исход из этой борьбы. Только он для этого не ждет внешней силы“ и т. д. (стр. 23).

Бернштейн и проч. ревизионисты конца прошлого века немало издевались над „Zusammenbruchstheorie“, которая превращалась у них в успокоительную для буржуазии „Zusammenbruchslegende“, — в легенду о катастрофе, имеющей надвинуться на буржуазное общество, столь же лишенную реальных оснований, как хилиастические ожидания первых христиан.

Неотъемлемой оригинальностью тов. Луначарского останется то, что его не стошнило, когда он на седьмом году после действительно совершившегося крушения мира применяет к оправдавшемуся научному предвидению современного пролетариата названия „миф о крушении мира“ и „апокалипсис“.

Поскольку тов Луначарский ищет социальных корней первоначального христианства в декассированном пролетариате древнего Рима, выброшенном из всякого производства, он в общем следует за Каутским („Предшественники научного социализма“. Т. I. Отдел первый, глава первая, 3 и 4. Очень поучительно также обратиться к отделу второму, глава первая, 6, где Каутский, выясняя особенности первоначального христианского

аскетизма, говорит, что на него наложили свой отпечаток „выдающиеся особенности босяцкого пролетариата: леность, крайняя неопрятность и тупоумие“). Между Каутским и тов. Луначарским „всего лишь“ та маленькая разница, что Каутский изучает явления, как марксист, а тов. Луначарский славословит, как поп, и на каждом шагу в умилении повторяет: „Это в высшей степени нелепо, но, вместе с тем, и в высшей степени трогательно“ (19 стр.).

Чтобы дать некоторое представление о том, с каким умилением размалевывает тов. Луначарский религию деклассированных элементов древнего Рима, приведу несколько выдержек:

„Пролетариату, — говорит автор, — очень трудно выбрать для него (для бога) образ. Царь ему ненавистен. Он хотел бы иметь такого бога, который был бы похож на него, на пролетария. Он хотел бы иметь такого бога, чтобы ему в глаза плевали, как ему, пролетарию, плюют, чтобы это был и бог, и свой брат. Вот ты мне какого бога подавай! Такого бога, который был бы на пролетарский лад, а не на царский... Нужно такое слово божье (подчеркнуто автором), такой разум божий, который есть грань безграничного, многогранного божества, обращенная к вам, — это и есть сын божий, друг божий, это есть излучение бога“ (17—18 стр.).

В борьбе против идеалистической философии мы как-то и не заметили, что в нашей собственной среде пустозвонная декламация и форменная поповщина выдают себя за продукты марксистского анализа явлений.

Вот еще одна цитата, — пора же, наконец, чтобы все увидали, что представляют религиозные писания тов. Луначарского, и круто осадили его.

„И у еврейских пророков много говорилось об истинном праведнике, который будет страдальцем. Но почему он должен терпеть — так, ни за что, ни про что, в качестве страдающего праведника, и за это, во имя заслуг этого праведника, будет прощен мир? Когда все это превращается в легенды, говорится о том, что будет такой отрок, который явится на коне, не с мечом, не по вашему барскому образцу, а кровно обиженный, такой праведный, такой кроткий и такой несчастный, что у самого абсолютного бога слезы из глаз польются, и за великие заслуги его, и за его кровь, безвинно пролитую, простит бог людей, простит за сына человеческого, которого он считает своим сыном, божиим. Вот краски, которые мог брать пролетарий, и он их брал во всем обилии“ (18 стр.).

Всякий поп, получив такие каскады елея и елейности от тов. Луначарского, должен будет сказать: „Прощаются тебе грехи твои, раб божий Анатолий! Гряди по избранному пути, сын мой, и твоя мятежная душа найдет успокоение!“

Трудно представить себе, что наделает тов. Луначарский своими писаниями в провинции, среди наших малоискушенных антирелигиозников. Они отнесутся всерьез к таким выступлениям, — и затем еще дадут десять очков вперед тов. Луначарскому в своих собственных выступлениях. Они-то уж, действительно, отожествят христианство с марксизмом и начнут бить попов „истинным христианством“ и „истинным Иисусом“.

Будем справедливы к тов. Луначарскому: он не только умиляется и молитвословит, — он хочет быть и научным исследователем, критическим историком христианства. Он ищет корней представлений об униженном, страдающем, умирающем и воскресающем боге христианства.

Однако, мы не будем долго останавливаться на „научных“ экскурсах

брошюры: потребовалась бы большая работа для того, чтобы разобрать скоропалительные утверждения тов. Луначарского.

Он, например, ищет в истории религиозного развития своеобразной „смычки“ между античным паразитическим пролетариатом и крестьянством и уверяет, будто идею умирающего и воскресающего бога создало крестьянство, и будто „беспризорные пролетарии восприняли религию страдающего бога у крестьян“ (11 стр.).

Ясно, что тов. Луначарский слишком торопится и без всяких оснований отожествляет земледельческие области и народы с крестьянскими областями и народами. Христианство могло воспринять и действительно восприняло жреческую разработку этого мифа, зародыши которого относятся, по всей вероятности, к родовому периоду развития, когда не было крестьянства, как особой экономической категории.

По мнению тов. Луначарского, паразитический пролетариат мог просто усвоить у мелкой буржуазии и крестьянства и „другой элемент христианства — эгалитаристический (стремление к равенству)“ (11 стр.). Разыскивая таким образом социальные корни христианства, тов. Луначарский приходит на той же странице буквально к следующему заключению: „В евангелии нет абсолютно ни одного изложения, которого нельзя было бы найти у пророков или их последователей“. Вот и разбирайтесь после этого, что же остается от повторяемого на разные лады утверждения тов. Луначарского, будто „христианство и марксизм—это две величайшие идеологии, выдвинутые и созданные пролетариатом,—это две пролетарские доктрины“, и т. д. Античный пролетариат, ветхозаветные пророки, крестьянство, как творцы основных элементов христианства,— все перемешано в кашу, в которой меньше всего остается на долю пролетариата.

Нелегко было бы разобраться и в том нагромождении противоречивых и, скажем, рискованных положений, которое содержится в следующем местечке стр. 12:

„Апостол Павел, который является, скажу мимоходом, представителем мелкобуржуазного извода христиан,—апостол, наиболее любимый впоследствии лютеранами и кальвинистами (движения мелкобуржуазные), — говорил: „не трудящийся, да не ест“, — он сам был мелким ремесленником, ткачом палаток. Его любимой провинцией была Македония, где жила крепкая буржуазия, его любимые люди, которым он пишет,—это довольно зажиточные торговцы, домовладельцы, землевладельцы и т. д.“.

Так что же является решающим для характеристики Павла: его ли ремесленнический, мелкобуржуазный уклон, или тяготение к „крепкой буржуазии“? Повидимому, для тов. Луначарского—это одно и то же. В таком случае понятно, что лютеран и кальвинистов (напр., кальвинизм гугенотов или в Нидерландах?) он называет „движениями мелкобуржуазными“.

Но какая же цена такому классовому анализу идеологий?

Тем не менее тов. Луначарский очень доволен и общими, и частными результатами своих историко-религиозных экскурсов. На стр. 10 он говорит: „Я хочу указать тут то, чего ни одна история религии не подчеркивает“,—однако, мне думается, что и после тов. Луначарский не будет подчеркивать, если это будет критическая история религии.

На стр. 16 тов. Луначарский с умилительным самолюбованием говорит

о себе: „Как я не плохо сказал в одном докладе о христианстве,— ждите, чтобы, земля была оккупирована небесной Красной армией“.

Излишняя скромность, тов. Луначарский! Читатели признают, что он не плохо выразился и в тех местах своих священных писаний и докладов, которые приведены выше, и в тех бесконечно более многочисленных местах, которых мы не приводим за недостатком места.

Не исключается, впрочем, такая возможность, что многие читатели, спросив себя: в результате что получилось?—ответят словами тов. Луначарского: „Нечто, хотя и довольно бессмысленное, но до крайности трогательное и утешительное“ (19 стр.). Вот только насчет трогательности этого „бессмысленного“ они, пожалуй, сильно разойдутся с тов. Луначарским.

———

Ил. Вардин.

Меньшевики и РКП.

Очередной поворот меньшевизма.

25 февраля 1924 года вождь партии меньшевиков Дан выступил с докладом на тему о кризисе большевистской диктатуры. Доклад был прочитан в эмигрантском собрании в Берлине, под председательством другого вождя меньшевистской партии Абрамовича. Основные положения доклада сводятся к следующему.

Октябрьская революция была продолжением и завершением февральской революции. Массы свергли царизм во имя земли, мира, воли. Февраль не смог разрешить эти основные задачи,—его дело завершил Октябрь. Буржуазно-демократические цели революции были достигнуты. Тут большевикам и надлежало поставить точку. Но они попытались навязать стране коммунистические утопии. Против этих утопий еще весною 1918 года поднялось широкое народное движение. Но это движение было прервано чехо-словацким восстанием, созданием белых фронтов. Массы снова перешли на сторону большевиков. Советский режим укрепился. С окончанием гражданской войны массы опять начали борьбу с большевизмом и вынудили его к нэп'у. Результатом нэп'а явилось некоторое улучшение положения. Но в общем он обнаружил свою несостоятельность. Все дело в том, что экономическая уступка буржуазии не была дополнена политическими уступками. В результате—широкое недовольство растет среди рабочих, в армии и особенно среди крестьянства. Это недовольство и служит объективным свидетельством кризиса диктатуры. Где выход? Что нужно делать? Ответ Дана на эти вопросы мы приведем в изложении эсеровской газеты „Дни". Вождь русского меньшевизма говорил:

> „Большевизм должен быть сменен политическим правопорядком, но необходимо в борьбе учитывать реальную обстановку. Большевизм подготовил аппарат для бонапартистского переворота, он пропитывает армию, чиновничество, учащихся ненавистью к демократии, весь построен на слепом подчинении, распылении, отрицании самодеятельности; в среде старой и новой буржуазии он создал кадры бонапартистов, готовых разделить власть над трудящимися, и сегодня Россия еще не собрала сил, чтобы осуществить демократическую республику; она, конечное, но не начальное звено грядущего процесса. Необходимо соглашение с революционными элементами, находящимися внутри РКП, и с революционно-крестьянскими группировками. При таком положении немедленное осуществление лозунга демократической республики было бы так же несвоевременно, как был в свое время лозунг учредительного собрания.
>
> Переход от нынешнего режима должен быть постепенным, и демократическая республика осуществима станет лишь тогда, когда переход к ней созреет у всех революционных и классово-сознательных элементов".

Отвечая на вопросы левого эсера Штейнберга, Дан заявил, что для него приемлем лево-эсеровский лозунг: „Честные советы"! — как переходная к полной демократии форма власти.

Таким образом, доклад о „кризисе диктатуры" окончился провозглашением нового поворота меньшевизма, его новым „поделевением". Лозунг демократической республики снимается с порядка дня. К демократизму меньшевизм отныне собирается итти под флагом советизма,—в блоке с „революционными элементами, находящимися внутри РКП".

Вспомним кратко путь меньшевизма за годы революции, и смысл нового поворота для нас станет совершенно ясным.

От февраля до октября. Партия меньшевиков в коалиции с кадетами утверждает „демократию". Партией руководит вождь левого центра Дан в союзе с Либером—вождем правого крыла партии. „Либердан"—это не только уничтожающая кличка, данная сатириком,—это целая программа, тактика, вся сущность меньшевизма. „Либердан" — это символ „демократии", которая пытается народную революцию превратить в содержанку мирового империализма... Вождь левого меньшевизма Мартов в этот период капиталистического господства находится в оппозиции,—либердановщина его почти совершенно вытесняет из партии.

От октября до Бреста. Революция своей победой разрывает коалицию меньшевиков с кадетами. Дан вынужден считаться с фактом поражения буржуазии: он делает поворот налево и заключает союз с Мартовым. Либер изолирован. Меньшевизм кокетничает с молодой властью советов. Правые спрятались. Даже Дана редко видно. Меньшевизм представляет „левый", „лойяльный" Мартов.

От Бреста до октября 1918 г. Положение советской власти отчаянное. Белые фронты. Интервенция. Голод. Разруха. Белый террор. Все фракции меньшевизма сплачиваются на лозунге беспощадной, непримиримой, всесторонней борьбы с властью советов. Мартов—Дан—Либер дружно работают во имя свержения „ненавистной диктатуры" и восстановления власти учредительного собрания. Поворот направо—полный.

Октябрь—декабрь 1918 г. Советская власть удержалась. Последняя демократическая попытка (самарская учредилка) крахнула. В средней Европе вспыхнула революция. Меньшевизм делает поворот налево. Лозунг учред. собрания объявлен контр-революционным и снят с порядка дня. Правая снова в оппозиции.

От Германской революции до варшавского отступления. Европейский пролетариат потрясает основы капитализма. Мартов вынужден заявить, что большевизм—мировое явление. Партия меньшевиков держит курс на мировую социалистическую революцию. Российскую революцию она объявляет гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир. С „демократии" срывает блестящий покров и она предстает перед

народом в ее настоящем виде, как „демократия равноправных собственников“. (Апрельские тезисы 1920 г.). Меньшевики в этот период—за „власть трудящихся“. Они настаивают только на точном соблюдении... советской конституции. Но одновременно правые меньшевики внутри Советской России участвуют в антисоветских заговорах. Но одновременно вне советских пределов—во всех без исключения генеральских „демократиях“—меньшевистские организации всеми силами поддерживают режим буржуазно-помещичьей реакции.

От Варшавы до Кронштадта. Мировое рабочее движение медленно пошло на-убыль. Партия меньшевиков медленно начинает поворот направо. Почти два года молчавшие правые поднимают голову и обрушиваются на лево-центровый ЦК за сдачу им „демократических“ позиций. ЦК уступает давлению правых, партия целиком поддерживает Кронштадт. Ее лозунг: „Свободно избранные Советы“!—как переходная к демократии форма власти.

От Кронштадта до осени 1922 г. Мировая реакция укрепляется. Капитал повсюду переходит в наступление. Партия меньшевиков быстро катится вправо. Мартов разъясняет, что лозунги в роде: „власть трудящихся“, „соблюдение конституции“, „свободно избранные Советы“ и т. д. имели целью „пробить брешь“ в советскую систему и открыть дорогу демократии. Он требует уничтожить „бесправие буржуев“. Демократия в качестве актуального лозунга еще не выдвинута.

Осень 1922 года. Октябрьская революция „разъяснена“, как революция буржуазная. То, что ею руководили коммунисты, это—„маскарад истории“. Этот маскарад нужен был для пафоса борьбы. Ныне эпоха войн и революций окончилась. Капитализм на многие десятилетия упрочился. Социализм осуществится постепенно на почве демократии—без революционной борьбы, без восстаний, без диктатуры. Маркс, Энгельс, Лассаль, Бебель, Либкнехт, прежний Каутский, мечтавшие о революции, были просто утопистами. (Далин: „После войн и революций“).

В октябре 1922 г. Мартов выступил в „Социалистич. Вестнике“—центральном органе партии меньшевиков—с программной статьей „Наша платформа“. Мартов писал:

> „Основная политическая задача момента может быть формулирована в нашей программе, как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики... Этой основной задаче партия подчиняет свои частные тактические задачи“. („Соц. Вестник“, № 19).

В следующем номере „Соц. Вестника“ от 19 октября Дан в статье, „Борьба за демократию“ писал:

> „Теперь именно „формальная демократия“ должна стать нашей ближайшей целью. . Такие очередные лозунги, как „свобода для трудящихся“, должны. по этому окончательно исчезнуть из нашей агитации,—тем более, что с окончанием гражданской войны исчезли и основания к „лишению прав“ известных слоев—и замениться ясным и определенным требованием политической свободы и политических прав для всех“. И дальше: „Организация массового рабочего движения на почве выдвигания „частичных“ демократических требований, объединенных общим стремлением к ликвидации большевистского режима путем замены его демократическою республикою“. (Подчеркнуто везде Даном).

В октябре состоялось всероссийское совещание партии меньшевиков, которое лозунг демократической республики провозгласило истинно-пролетарским, очередным боевым лозунгом партии.

Знамя демократической республики снова объединило все течения в партии. На октябрьском совещании было достигнуто соглашение с правыми, которые с конца 1918 года бойкотировали центральные учреждения партии. После принятия „демократической“ платформы правые согласились войти в центральный и местные комитеты. Перед ними были открыты страницы центрального органа. Это обстоятельство полностью использовали правые, которые в статьях Аронсона и Кучина-Оранского защищали на страницах „Соц. Вестника“ необходимость вооруженного восстания против власти Советов.

Но, объединившись с правыми на платформе „демократической“ реставрации капитализма, меньшевизм лишился своего левого фланга. За весь период революции меньшевистская партия „отдает“ коммунистической партии свои лучшие, наиболее революционные, пролетарские элементы. Уходят виднейшие левые вожди (Мартынов, Рожков, Ерманский, Семковский, Плесков, Горев и др.). Уходит вся рабочая часть партии. Начинается широкая работа по самоликвидации меньшевистских организаций. Фактически партии нет,—остались небольшие кружки литераторов и пропагандистов, не имеющих никакой связи с рабочим классом...

* * *

При таких условиях партия меньшевиков провозглашает новый поворот „налево“. „Демократическая республика“ отодвинута подальше. „Ясное и определенное требование политической свободы и политических прав для всех“,—т.-е. „свободы“ и „прав“ и для Милюковых, Дениных, Врангелей, Бурцевых, Савинковых, Черновых,—это „ясное и определенное требование“ снято с очереди. Меньшевизм снова „изменяет“ демократии. „Очередной лозунг“, который, по словам Дана, „окончательно“ должен был „исчезнуть“ из меньшевистской „агитации“, этот компромиссный, переходный лозунг „честных советов“ снова выдвигается на передний план.

Чем объяснить этот восьмой поворот меньшевизма на протяжении шести лет?

Дан говорит о „кризисе диктатуры“. Но если бы диктатура, в самом деле, переживала кризис,—разве он хоть на один момент отказался бы от лозунга демократии? Кризис диктатуры, слабость диктатуры, это значит, что шансы буржуазии увеличились,—значит, нужно итти к ней навстречу, нужно концентрировать все внимание на классическо-буржуазном лозунге „демократии“. Когда революция переживает кризис, когда пролетарской диктатуре грозит опасность, меньшевик бросается вправо, в объятия буржуазии. В феврале 1924 года партия меньшевиков поворачивает „налево“ потому, что диктатура сильна, что добиваться „свободы и прав для всех“,—дело теперь явно безнадежное.

Еще и года не прошло с тех пор, как меньшевизм предвкушал свою полную победу над коммунизмом. В номере от 24 апреля 1923 года

„Соц. Вестник“, констатируя „растущий призрак „меньшевизма“ внутри РКП“, с гордостью восклицал:

> „Растет стихия демократии. Коммунизму приходится на каждом шагу натыкаться на „меньшевистские уклоны“ и крепкими словцами клеймить „дезертиров“. Когда меркнет ореол диктатуры,—растет влияние демократизма. И каждый новый день, и каждый новый акт большевизма льет воду на нашу мельницу“.

„Растет стихия демократии“. Эти слова были подчеркнуты меньшевистским органом. „Меркнет ореол диктатуры,—это был главный мотив в походном марше меньшевизма. А восемь месяцев спустя Дан уже не обещает близкую победу демократии,—дело откладывается на неопределенное, далекое будущее. Знамя свернуто, и рыцари демократии с печальным взором смотрят на „ореол диктатуры“, который упорно не „меркнет“, не падает, не сдается.

Дан говорит о бонапартизме. Это не ново. Меньшевизм, начиная поворот направо, оглашал при этом воздух криками о бонапартизме. И единственное спасение от бонапартистского перерождения Советской власти он видел... в демократии. Переход к режиму демократии,—писал Мартов в цитированной выше статье,—настоятельно необходим—

> „в особенности в интересах предотвращения той контр-революционной опасности, которая зреет в недрах самого, большевиками созданного, военно бюрократического аппарата: опасности бонапартистского завершения красной диктатуры, которое, политически обездолив трудящиеся массы, поставит в привилегированное положение новую русскую буржуазию“. („Соц. Вестн.“ № 19, 1922 г.).

Дан в своей статье „Борьба за демократию“ спрашивал: „Есть ли шансы предотвратить бонапартистскую ликвидацию большевистского режима“? И отвечал: „Возможность предотвращения бонапартистского исхода кризиса с каждым днем убывает“. Но дело не безнадежно. Демократическая республика может спасти положение. Дадим „свободы и права“ всем (в том числе, разумеется, и типичнейшим бонапартистам—всем этим Врангелям, Савинковым, Деникиным),—и опасность бонапартизма может быть избегнута.

Совершенно неопровержимый факт: осенью 1922 года „бонапартистская опасность“ является для меньшевиков главнейшим аргументом в пользу немедленной борьбы за демократич. республику. В феврале 1924 года та же партия тем же бонапартизмом аргументирует необходимость поворота от демократии в сторону советизма! И в том, и в другом случае крики о бонапартистской опасности являются бессовестной демагогией политических банкротов, которые не смеют прямо и открыто мотивировать свои шаги теми соображениями, которые на деле руководят ими.

Дан с печалью констатирует, что „сегодня Россия еще не собрала сил, чтобы осуществить демократическую республику“. Замечательное признание! А в октябре 1922 года, когда вы, граждане, объявляли лозунг демократии „истинно-пролетарским требованием“, когда вы провозглашали свое „ясное и определенное требование политической свободы и политических прав для всех“,—как тогда обстояло дело с „силами“? Разве эти „силы“ были тогда собраны? Разве с тех пор они растаяли?

Сил за буржуазную демократию не было в России тогда, как нет ее сейчас. Меньшевики только надеялись, что рабочий класс под их руководством вырвет у большевиков „свободы“ и „права“ для буржуазии, помещиков, белого офицерства и генералитета. Меньшевики рассчитывали, что пролетариат начнет эту самоубийственную борьбу, что он увлечет в данном случае за собой и крестьянство. Дан в цитированной уже статье писал:

> „Наша тактика должна ставить себе задачей постоянное выдвигание требования демократических прав, „частичных“ лозунгов и стремиться на почве отстаивания этих требований сплачивать все разрозненные части пролетариата между собою и пролетариат в целом с крестьянством“ („Соц. Вестн.“, № 20, 1922 г.).

Меньшевистская „тактика“ была очень хороша для Рябушинского, Милюкова, Деникина, Балаховича. Но именно поэтому она оказалась неприемлемой для всякого честного пролетария. Именно поэтому последние рабочие группы покинули гражданина Дана. Не только российские рабочие не захотели перерезать горло своей власти в пользу буржуазии, но, наоборот, в течение 1923 года самые последние по своей сознательности пролетарские отряды „подтянулись“, выдвинулись вперед, сплотились вокруг своей власти и вокруг своей партии. И когда из рядов этого героического российского пролетариата вышла первая сотня тысяч рабочих и работниц и вступила в ряды РКП, Дан воочию убедился, что „сегодня Россия еще не собрала сил, чтобы осуществить демократическую республику; она—конечное, но не начальное звено грядущего процесса“.

Эти строки пишутся в момент, когда свыше 200.000 пролетариев подали заявление о вступлении в РКП. Перед лицом этого небывалого в истории факта, быть-может, гражданин Дан разрешит нам несколько изменить его формулу: „Демократия—конченное, давно разбитое звено давно окончившегося процесса“... Что умерло—то умерло.

Что означает новый поворот меньшевизма? Это—невольное признание непоколебимой прочности пролетарской диктатуры... Рабочий класс нельзя использовать в качестве прямого орудия для буржуазного переворота. Его нельзя поднять на прямую борьбу против власти Советов. Необходимо вновь искать обходные пути, необходимо снова перекраситься в защитный цвет. Революция оказалась несравненно сильнее, чем можно было думать. Необходимо по возможности приспособиться к ней. Так рассуждают Даны, Далины, Абрамовичи.

С другой стороны, нужно спасать собственную партию. Нужно сохранить хоть какие-нибудь связи с рабочим классом. Ибо если меньшевик не связан с теми или иными слоями пролетариата, то как он сможет выполнить роль буржуазного агента в рабочем классе? А если меньшевик эту роль не выполняет, то кому он тогда нужен?

Опыт показал меньшевикам, что с откровенной программой капиталистической реставрации итти к русскому рабочему нельзя. Значит, этой гнусной программе нужно придать более благородный вид. Стало быть,—да здравствуют „честные Советы!“ При их помощи меньшевизм рассчитывает осуществить самый нечестный, самый подлый, самый преступный план ликвидации первой в мире пролетарской власти...

Наконец, „полевение“ понадобилось меньшевикам для того, чтобы открыть себе возможность проникнуть на правый фланг советского фронта. На этот счет нужно поговорить подробнее.

Меньшевистские планы в отношении РКП.

Временное правительство низложено. Всероссийский Съезд Советов взял власть в свои руки. Но „демократия“ не складывает оружия. Съезду Советов политически противопоставлен комитет спасения, в военном отношении—армия генерала Краснова. Партия меньшевиков представлена в комитете спасения. „Рабочая Газета“ — центральный орган этой партии— на первой полосе печатает приказы Краснова, воззвания Керенского и комитета спасения. Партия меньшевиков всемерно поддерживает попытки контр-революции мерами военного подавления ликвидировать молодую власть Советов.

В самый короткий срок попытка терпит крах. Юнкерское восстание, поднятое в Петрограде комитетом спасения, подавлено красногвардейцами. Армия Краснова-Керенского побеждена и распалась. Краснов в плену, Керенский бежал...

3 (16) ноября 1917 года Дан говорил на собрании объединенных меньшевистских фракций ЦИК'а, предпарламента, Съезда Советов, Петроградского Совета:

> „Наша задача — отделить большевизм от рабочего движения. Сохраняя преемственность этой линии, можно менять свое практическое поведение в зависимости от обстановки момента. В первые дни заговора была надежда, что он (т.-е. большевистский заговор) может быть ликвидирован военной силой. Но попытка оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата... Поэтому мы встали на точку соглашения. Соглашение невозможно без раскола в большевизме... Когда этим соглашением мы отвлечем от большевиков более здоровые элементы пролетарских масс, тогда создастся почва для подавления солдатчины, группирующейся вокруг Ленина и Троцкого“ [1]).

Соглашение—раз не удалось прямое военное подавление. Соглашение—чтобы расколоть большевиков. Раскол—чтобы впоследствии подавить „солдатчину, группирующуюся вокруг Ленина и Троцкого“. Такие планы возникли в голове вождя меньшевизма на другой день после нашей победы.

План этот тогда провалился так же, как и план прямой военной ликвидации большевизма. Но меньшевизм на всем протяжении революции имел в своем арсенале и оружие прямой вооруженной борьбы, и оружие „соглашения“. „Соглашение“ всегда мыслилось им как средство откола от большевизма тех или иных групп. Раскол большевизма всегда мыслился меньшевиками как средство ликвидации диктатуры. Отсюда—положительное отношение меньшевиков ко всякой оппозиции внутри РКП, правой или левой, „реалистической“ или „утопической“. Вот факты.

31-го января 1921 года Дан пишет из Москвы со Съезда Советов одному из членов меньшевистского ЦК:

[1]) „Раб. Газета“, № 204, 5 (18) ноября 1917 г.

> „Разложение большевизма идет гигантскими шагами вперед, хотя на этот раз и удалось склеить рассыпающуюся храмину целым рядом гнилых компромиссов... Я почти не сомневаюсь в том, что наступающий год будет годом острого внутреннего кризиса большевизма... Линия нашей партии в этом кризисе, помоему, не должна возбуждать сомнения: мы должны быть с рабочей, социалистической частью большевизма, хотя бы ее пробуждающаяся оппозиция и была пропитана романтическими, утопическими элементами“.

Почему вождь самой „реалистической“ меньшевистской партии готов поддержать оппозиционные элементы большевизма, несмотря на их „романтизм“ и „утопизм“? Да потому, что его интересуют не эти элементы сами по себе,—его интересуют последствия, результаты раскола и разложения РКП. Дан готов поддержать самую „левую“ оппозицию, ибо он уверен, что если большевизм распадется на фракции и группировки,— это и будет началом конца диктатуры.

Исходя из этого основного взгляда, меньшевистская партия в свое время одобрительно отнеслась к группе „демократического централизма“ и „рабочей оппозиции“. Вот что писал „Социалистический Вестник“ в номере от 16 февраля 1921 года.

> „Пусть сейчас „рабочая оппозиция“ еще чисто-синдикалистски замыкается в узкие рамки чисто-хозяйственных отношений и, строя схему самоуправления рабочего класса в области производства, упускает из виду самоуправление политическое... Логика жизни и их собственный опыт скоро и наглядно покажут им всю неразрывную связь между „экономикой“ и „политикой“. И уже сейчас среди многочисленных групп и фракций, образовавшихся за последнее время в рядах РКП, имеется группа сторонников рабочего демократизма. Это—Сапронов, Бубнов, Осинский и другие коммунистические „конституционалисты“. Правда, они еще очень слабы и числом и духом... Но они уже посягнули на чистоту „диктатуры“. И логика борьбы и жизни и их убедит современем, что без свободы даже (!) для „меньшевика и эсэра“ не может быть свободы и для массы коммунистов, что „конституция“ должна соблюдаться не только внутри комм. партии, но и для всей демократии страны“.

Вы,—говорили меньшевики вождям „рабочей оппозиции“,—вы еще непоследовательны, вы не связываете концов с концами. Но это ничего: „логика жизни“ и „собственный опыт“ научат вас итти... по нашему „демократическому“ пути.

Вы,—говорили меньшевики нашим „конституционалистам“,—вы еще „очень слабы и числом и духом“. Но это ничего: для начала совершенно достаточно, что вы „уже посягнули на чистоту диктатуры“. В отношении вас, как и в отношении всех политических деятелей, обязательна „логика борьбы и жизни“. Это логика от нынешней вашей „конституционности“ толкнет вас в сторону демократии для „всей страны“.

Вот почему меньшевики прощали „раб. оппозиции“ ее „сумбурность и половинчатость“. Прощали, ибо „Соц. Вестник“ считал, что, несмотря на все свои недостатки, „раб. оппозиция“ представляет собою „элемент прогресса по сравнению с Троцким-Дзержинским“. „Элемент про-

гресса"! меньшевистского, „демократического", ликвидаторского „прогресса"! Вот почему меньшевики прощали „сапроновцам" (выражение „Соц. Вестника") „беспомощность" их „конституционализма". Прощали, ибо считали, что, несмотря на всю их „детскую наивность", „сапроновцы" „много прогрессивнее Зиновьева". „Соц. Вестник" считал, что „раб. оппозиция" и „демократический централизм"—это „новые молодые ростки". Но меньшевистский орган хотел большего. Он выражал надежду, что внутри РКП назреют еще более „здоровые и прогрессивные элементы". „Соц. Вестник" писал:

> „Произойдет, надо надеяться, еще не одна перегруппировка сил внутри начавшей разлагаться РКП. Чем шире и глубже будут становиться слои, осознавшие бесплодность и гибельность нынешней военно-бюрократической, террористической диктатуры, тем вернее народится, в жестокой борьбе со старым, новая, более прогрессивная сила, с которой, быть-может, будет и попути социалистически-марксистскому пролетариату, руководимому нашей партией". („С. В." № 2, 16/II 21 г.).

Нужно признаться, ожидания меньшевиков в известной мере оправдались: на почве, подготовленной „молодыми ростками", в нашей партии „назрели" такие „прогрессивные элементы", как „Рабочая Правда" и „Рабочая Группа". Меньшевики просчитались только... в основном: „прогрессивные элементы" ни в какой степени не поколебали прочности РКП. С „Рабочей Правдой" меньшевистскому „пролетариату" было вполне „по пути", ибо идеология „Раб. Правды" это—неоменьшевизм. „Соц. Вестник" окружал атмосферой сочувствия все „прогрессивные элементы" РКП. Но ничего существенного для контр-революции из всей этой истории не получилось...

Вернемся, однако, к тому периоду, когда меньшевики мечтали о „более прогрессивной силе". „Социал-демократия,—писал Мартов в „Соц. Вестнике" 1 ноября 1921 года—социал-демократия

> „свои надежды на... исход из нынешнего положения ставит на оформление в ныне переживающем идейную смуту большевистском лагере элементов, сохранивших социалистические образ и подобие и потому способных, после отказа от экономической утопии, разорвать и с ее порождением—утопией диктатуры меньшинства".

План совершенно ясный, „надежды" весьма заманчивы, тактическая линия, из этого плана вытекающая, тоже не может вызывать сомнений. Поддержать „социалистические" элементы в РКП, содействовать по возможности их оформлению, и „надежды" могут быть оправданы... Два с половиной года тому назад эти „надежды" были открыто высказаны покойным вождем меньшевизма!

20 июля 1922 года, в связи с вопросом об едином фронте, Мартов снова возвращается к данной теме. Он пишет:

> „Когда находящаяся сейчас в рядах большевистской партии часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную—хотя бы утопическо-коммунистическую,—но пролетарски-классовую партию, вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде".

Когда такие группы, как „Рабочая Оппозиция", „Рабочая Правда", Рабочая Группа РКП", сторонники демократически-„конституционной"

„анонимной платформы" и т. п. „откристаллизуются в отдельную—хотя бы утопическо-коммунистическую партию", тогда меньшевизм готов пойти на создание единого фронта. Мартов ставил вопрос очень верно,—с точки зрения буржуазии, конечно. „Утопически-коммунистическая партия", в роде германской партии крайне „левых" коммунистов,—кому она страшна? Ее всегда с большим умением и с большой охотой возьмет на буксир любой социал-демократический ловкач типа Вандервельде. Такая „пролетарско-классовая", т.-е. замкнутая, цеховая, сектантская партия может служить невинным, но тем более прекрасным „украшением" левого крыла оппортунизма. И мы видим, что повсюду „левые", „чисто-рабочие" коммунисты, анархисты, „чистые" синдикалисты фактически служат „левым" дополнением меньшевизма.

Этого хочет меньшевизм и для России. Коммунистическая партия, если она „утопическая", по-меньшевистски „чисто-рабочая",—иными словами, не способна привлечь на свою сторону, на сторону рабочего класса все слои трудящихся, и, таким образом, не может стать руководящей силой в стране, если у нее нет исторической перспективы и исторического размаха,—такая „коммунистическая" партия—сущий клад для меньшевизма. И подобный клад Мартов искал в России! Но не успел найти. Соратники его вряд ли в этом отношении окажутся счастливее. З 20 лет своего героического существования РКП прошла слишком большую школу, чтобы колебания отдельных ее групп не превратились в историческую глупость и преступление...

Однако, меньшевики все явления российской политической жизни оценивали и продолжают оценивать с точки зрения их влияния на судьбу РКП. Болезнь Ленина летом 1923 года Дан определил как смертельную „болезнь режима". В № 13—14 „Соц. Вестника" Дан писал:

> „Острота противоречий, созревших под крышею большевистского режима, достигла уже той степени, когда лишь инерция исторически омертвевшей традиции, воплощенной в личности „вождя", поддерживает неустойчивое равновесие и мешает взрыву антагонизмов". Отсюда Дан делал следующие выводы: „Уход Ленина устраняет один из важнейших моментов, задерживавших острую борьбу противоречивых сил. В этом смысле уход этот мог бы быть фактором прогрессивного порядка, если бы самые эти силы представляли собою организованные и классово-сознательные общественные единицы".

Дан был убежден, что смерть Ленина последует немедленно, что „Советская Россия идет к политическому кризису" (подчеркнуто Даном), что наступают „последние часы", что нужно действовать, дабы надвигающийся кризис сделать „спасительным кризисом революции". Что же для этого нужно? Дан считал, что „задачи всех социалистов и революционных демократов, в том числе и тех, которые внутри коммунистической партии способны еще встать выше жалких интриг и борьбы честолюбий", заключаются в собирании и сплочении сил рабочего класса и крестьянства во имя демократии...

Когда Ленина не станет—мечтал Дан,—„коммунистические пауки, заключенные в кремлевской банке, пожрут друг друга". Пока „пауки" будут „пожирать" друг друга—я привлеку на свою сторону „социалистов и революционных демократов" из РКП. Вместе с Лениным исчезнет ненавистная диктатура и воцарится демок...

Смерть великого пролетарского вождя явится „фактором прогрессивного порядка“...

Так мечтал Дан—обер-негодяй меньшевизма—в июле 1923 года. Первая часть его отвратительных мечтаний осуществилась 21-го января 1924 г. В этот день Ленина не стало. Несколько дней спустя передовица „Соц. Вестника“ оповестила весь мир, что со смертью Ленина неизбежно умрет и большевизм. Даны и Далины думают, что настала пора, когда должна осуществиться вторая часть их мечтаний. Они ищут „социалистов и революционных демократов“ внутри РКП. Они провозглашают необходимость „соглашения с революционными элементами, находящимися внутри РКП“. Чтобы облегчить задачу этого соглашения, меньшевизм делает поворот „налево“, снимает с порядка дня одиозный лозунг демократической республики, становится на почву „советизма“, чтобы сделать себя „приемлемым“ для „революционных элементов“ из РКП.

Но к каким именно „элементам“ адресуются меньшевики? Излагая „новую платформу“ меньшевизма, Мартов писал в октябре 1922 года:

> „Мы и теперь не отвергаем общего соглашения всех социалистов, включая и коммунистов или ту часть их, которая, при вероятном распаде нынешней РКП, соберет в себе оставшиеся субъективно верными пролетариату ее элементы... Основным условием этого соглашения должно быть признание того, что период революционной диктатуры, оправданной фактом гражданской войны, закончился, и что основной задачей этого соглашения является переход к правовому режиму демократии“.

Последнее условие, как мы видели выше, смягчено: меньшевики готовы договориться и на основе „честных Советов“. Но кого, какие именно группы считают они способными найти „общий язык“ с меньшевиками? Ответ на этот вопрос мы получим, выяснив отношение меньшевиков к политическим спорам внутри РКП.

Меньшевики и наша партийная дискуссия.

Начнем с дискуссии эпохи 12-го съезда. Как меньшевистская партия расценивала происходившие в это время внутри нашей партии споры? 24 апреля 1923 года „Соц. Вестник“ писал:

> „Борьба платформ и фракций накануне и во время партийного съезда отражает первые шаги процесса образования в недрах „единой и сплоченной“ РКП различных классовых идеологий. И в то же время в этих идеологиях отражаются с поразительной ясностью потребности и запросы сегодняшнего дня, в них отливаются те требования, которые хозяйственный процесс ставит правящей партии“.

Какие это именно „потребности и запросы?“ Ликвидация диктатуры, отвечает меньшевистский орган. Хозяйственное развитие страны повелительно требует „правового строя“. В таком строе заинтересованы все классы населения. Их идеология проникает в ряды РКП. В результате —„борьба платформ и фракций“.

Какая фракция и в какой мере отражает эти „потребности и запросы?“ „Соц. Вестник“ отвечает:

> „Слабость и трусость мысли, отличающая все новейшие фракции коммунизма, мешает „хозяйственникам“ додумать свою мысль до конца. Эта мысль означает не что иное, как ликвидацию диктатуры и установление хотя бы некоторой законности“.

Словом, фракция хозяйственников, по мнению меньшевиков, в основе стояла на правильном пути, объективно вела дело к „ликвидации диктатуры“. Но она проявляла непоследовательность, останавливалась на полпути, не „додумывала свою мысль до конца“.

„Соц. Вестник“ переходит к фракции „сапроновцев“. Меньшевистский орган пишет:

> „Старая фракция „демократического централизма“ также оттачивает оружие свое к съезду. Осинский выступает—не в первый раз—со своим очень умеренным проектом введения законности, при сохранении коммунистической диктатуры... Как ни ублюдочна мысль Осинского, в ней, как и в целом ряде других платформ, находит свое выражение главное требование наиболее живых элементов большевизма в настоящий момент: эмансипация от РКП. Свобода от партийных приказов, каждодневных директив, монопольных прав „партбилета“, бессмысленных окриков, невежественных контролеров, никчемных назначенцев. От этого еще очень, очень далеко до демократии. Но в этом заключена ликвидация диктатуры, т.-е. режима, стоящего выше законности и конституционных норм. Ликвидация диктатуры—не демократия, но первый шаг к демократии“. („Соц. Вестник“, 24 апр. 1923 г.).

„Главные требования“, так решительно формулированные меньшевистским органом, являлись, как известно, боевыми лозунгами оппозиции в дискуссии зимы 1923 года. „Бессмысленные окрики“ „аппаратчиков“, их „каждодневные директивы“, убивающие „всякую самодеятельность“, „бюрократическое самомнение“ „никчемных назначенцев“, „партийные приказы“ вместо „партийного самоуправления“... Положительно,—весною меньшевики предвосхитили те формы, в которые зимою отлилась оппозиция. В период 12-го съезда оппозиция была чрезвычайно скромна. Но меньшевики уловили основную тенденцию оппозиционной идеологии и чисто интуитивно выкроили практические лозунги, которые неизбежно из нее вытекали.

„Эмансипация от РКП“. „Свобода от партийных приказов“. Упразднение „невежественных контролеров“. Никто из оппозиционеров так не выражался в период 12-го Съезда. Но за юридическими хитросплетениями т. Осинского, за его лойяльнейшими на вид предложениями „урегулировать“, „упорядочить“, „уточнить“ взаимоотношения между партийным и советским аппаратом скрывалась объективно иная суть, скрывалась, как неизбежное следствие предпринятой передвижки,—„эмансипация РКП“, скрывалась „ликвидация диктатуры“.

Партия заметила эту величайшую для революции опасность и стре-

вогой констатировала ее. Меньшевик заметил в позиции наших „конституционалистов“ типа Сапронова-Осинского „первый шаг к демократии“ и с удовлетворением констатировал этот факт.

Подводя итоги 12-му Съезду, „Соц. Вестник“ подчеркивал наличность в РКП „внутреннего меньшевизма“ и уверял, что будущее принадлежит именно ему, меньшевизму. В эпоху революционного подъема—рассуждал меньшевистский орган — большевизм являлся силой, притягивавшей все колеблющиеся элементы. Ныне эпоха реакции, пролетариат обороняется, и совершенно естественно, что в такие моменты меньшевизм перетягивает на свою сторону определенные слои коммунизма. Отсюда неизбежность „внутреннего меньшевизма“ в РКП, неизбежность отколов и расколов в коммунизме.

Что реакция усиливает меньшевизм — это бесспорно. Что эпоха поражений и неудач затрудняет положение революционной партии пролетариата, что на почве разочарований возникают отколы и расколы — это ясно. Весь вопрос в том, что меньшевистский орган переоценил силу и продолжительность европейской реакции, недооценил силу сопротивляемости передовых элементов рабочего класса и совершенно забыл, что российский пролетариат—это победоносный пролетариат, следовательно, меньшевизму бесполезно мечтать здесь о завоеваниях. Наличность реакции в Европе, рост буржуазии в стране могут вызывать—и вызывают—мелкобуржуазные, меньшевистские, полуменьшевистские уклоны. Но в стране победоносной революции, при наличии здорового рабочего класса и крепкого большинства пролетарской партии, эти уклоны, если их во-время разоблачить и решительно осудить, не приведут к срыву диктатуры. Вместе с тем и опасность серьезных отколов и расколов исключается, ибо притягательная сила большевизма в стране победоносной пролетарской революции необычайно велика, а притягательная сила меньшевизма равна нулю.

Сильнее, чем когда-либо за последние годы, меньшевистские уклоны проявились в РКП во время зимней дискуссии 1923 года. Меньшевистская партия, естественно, рассчитывала серьезно „заработать“ на этой дискуссии. Что же на деле получилось? Дискуссия укрепила РКП, и меньшевизму пришлось подтвердить это укрепление диктаторской партии своим... отступлением...

Но это было в итоге дискуссии. А в начале надежды были самые розовые. 10 января 1924 г. в „Соц. Вестнике“ в письме из Москвы читаем:

> „В коммунистической среде чувствуется полная растерянность. Масса самых разнообразных настроений. Некоторые даже начинают поговаривать об „амнистии меньшевикам“... Симптоматично! Идейные коммунисты истомились в конец. Устали до последних пределов. Нет былой активности, нет веры в необходимость делаемого. Дух кризиса и страха перед безвыходностью положения веет над всем этим. И при этом — полная беспомощность.
>
> Конечно, сейчас не может быть и речи об изменении политической обстановки. С этим подождем... Влияние изменившегося положения внутри РКП на общую обстановку скажется не сразу. Но ясно, что эта дискуссия оставит больший след внутри РКП в смысле определенных идейных и организационных сдвигов, чем все предыдущие“.

А в передовице того же номера „Соц. Вестника“ меньшевики декламировали:

> „Так от волны к еще более сильной волне. От бури к шторму, сметая любезный диктаторам „штиль“.
>
> Рабочий класс снова на передовых позициях в борьбе за демократическую, возрождающуюся Россию“.

„Идейные коммунисты“, усталые, истомившиеся, — конечно, от диктатуры. „Безвыходность“ и „беспомощность“, над всем веющая. Меньшевики, уверенные в себе и готовые „подождать“. Рабочий класс, под знаменем меньшевизма поднявшийся во имя демократии... „Хороша была кобыла,—только мертвая была“.

Оппозиция не совсем удовлетворяла меньшевиков.

> „Сильные в своей критике, непреодолимые, когда вскрывают „оборотную сторону“ безраздельной диктатуры и „монополии легальности“, оппозиционеры начинают беспомощно лепетать и произносить нечленораздельные звуки, когда твердокаменные аппаратчики начинают их допрашивать с пристрастием об их положительных требованиях“ („Соц. Вестник“, 10 января 1924 г.).

Меньшевистский орган понимает, что неспособность оппозиции выдвинуть положительную программу проистекает от того, что она отражает различные, противоречивые влияния. Он считает, что „оппозиция исторически прогрессивна, поскольку выражает собою протест более живых и активных социальных групп против мертвящей диктатуры“. Но, с другой стороны, некоторые элементы оппозиции тянут к „военному коммунизму“, и это накладывает на них печать „экономической реакционности и обреченности“. В общем же,—констатирует центральный орган меньшевиков, — „победа „оппозиции“ означала бы, помимо воли ее вождей и теоретиков, непосредственный прорыв нынешней диктатуры“. Это и придает оппозиции „исторически-прогрессивный“ характер, ибо,—говорит Дан в статье „Начало конца“—„необходимо приведение „политической надстройки в соответствие с „экономическим базисом“, необходима „замена диктатуры правовым политическим строем“. Дан находит, что борьба за „демократическую государственность“, вообще „вся классовая борьба, порожденная современным развитием России, насильственно втиснута в рамки диктаторски-властвующей партии“. Разные группировки отражают настроения различных классов. Веления жизни врываются в пределы партии. „Оппозиция впитала в себя все виды недовольства существующим строем“. Под видом борьбы за „внутрипартийную демократию“ выступает „великая проблема ликвидации диктатуры и политического раскрепощения страны“.

Оппозиция делает великое дело: она „пробивает первые бреши в мертвящем политическом режиме диктатуры“. Но Дан считает, что она нерешительна, непоследовательна. Дан приглашает оппозицию, в „особенности пролетарское, социалистическое крыло ее“, дать себе отчет „в исторических условиях и смысле своей собственной борьбы“ и сделать „все выводы из своей собственной позиции“.

Что это все значит? „Исторические условия" требуют „увенчания" нэп'а экономического нэп'ом политическим. Смысл борьбы оппозиции заключается именно в „политическом раскрепощении страны". Из этого— говорит Дан,—нужно сделать „все выводы". Какие именно? Дан отвечает: Необходимо „вынести свою тяжбу с „аппаратчиками" за грани партии", необходимо „поставить политическую проблему во всей полноте", нужно повести борьбу за „демократию государственную", нужно „сделаться сосредоточием демократических социальных сил", нужно, наконец,—„не поддаваясь запугиваниям, смело повернуть от специфического „ленинизма" на путь революционной классовой социал-демократии" („Соц. Вестник", № 2, 25 янв. 1924 г.).

Вот что предлагал гражданин Дан—„в особенности пролетарскому, социалистическому крылу" оппозиции. Вот к кому адресовался он 25 февраля 1924 г. Вот где лидер меньшевизма ищет себе союзников.

* * *

Нам скажут,—и мы это знаем,—предложение Дана всеми элементам оппозиции будет отвергнуто с негодованием. Но дело не в этом. Суть вопроса заключается в том, что была занята такая позиция, была выдвинута такая платформа, которая объективно открывает ворота „демократической" контр-революции, которая сближает оппозиционеров с меньшевиками, которая возбуждает у меньшевиков (а также эсеров, кадетов) надежды на срыв диктатуры извнутри, которая дает Дану основания преподать некоторым элементам оппозиции политические советы и предлагать им соглашение...

Была допущена такая крупная политическая ошибка, которая злейшим врагам революции дала повод искать в РКП „революционные элементы", которые согласились бы сделать „все выводы" из допущенной ошибки, которые согласились бы ошибку развернуть в чудовищное преступление.

Всесоюзная партийная конференция осудила поведение оппозиции, как мелкобуржуазный уклон. Отношение вождей меньшевизма к оппозиции бесспорно свидетельствует о том, что уклон был необычайно сильный. Но, с другой стороны, вынужденный поворот Дана подтверждает, что из дискуссионного кризиса пролетарская диктатура вышла окрепшей, что меньшевистские надежды потерпели крах...

Партия сказала решающее слово по спорным вопросам. Дискуссия окончена. Но обоснование принятых партией решений, разъяснение допущенных ошибок, идейное преодоление всех и всяческих уклонов продолжается.

И. Краваль.

Денежная реформа.

Основным достижением за последний хозяйственный год в нашей экономической политике является переход к твердой валюте, в связи с внедрением червонца и твердой казначейской валюты в наше денежное обращение.

Денежная реформа, проводимая сейчас Сов. властью, не есть ведомственная реформа только Наркомфина,—она есть следствие общего подъема нашего народного хозяйства. Только на основе общего оздоровления производства и роста товарности хозяйства успешное завершение денежной реформы является возможным. Подъем нашего хозяйства характеризуется следующей таблицей [1]):

Продукция по ценам довоенного времени (милл. руб.).

Годы.	Промышленная стоимость окончательных продуктов. Крупная и средняя.	Ремесленная и кустарная.	Итого.	Сельское хозяйство (валовая продукция):
1913	3.721,0	730,0	4.451,0	6.639,8
1921	669,0	260,0	929,0	3.535
1922	1.056,2	415,0	1.471,2	3.931,0
1923	1.293,5	500,0	1.793,5	4.094,5

Из этой таблицы видно, что наше хозяйство по сравнению с 1921 г. значительно поднялось. Кроме того, в течение 1923 г. особенно быстрым темпом поднималась крупная промышленность. В то время, как сельское хоз-во дает прирост на 4%, ремесленная и кустарная промышленность на 20%, крупная и средняя промышленность дают увеличение на 22,4%.

[1]) См. Рыков. Хоз. положение Советских республик и очередные задачи экономич. политики, стр. 12.

Данные Госплана о валовой продукции цензовой промышленности целиком подтверждают эти выводы [1]);

Валовая продукция цензовой промышленности по довоенным ценам.

Годы.	Абсолютные числа в милл. руб.	В % к 1913 г.
1920—21	930,0	16,5
1921—22	1356,2	24,3
1922—23	1957,8	34,8

В то время как в 1920—21 г. валовая продукция нашей пром-ти была равна всего 16,5% от продукции 1918 г. к 1924 году она поднялась уже до 84,8%.

На этот же процесс оздоровления нашего хоз-ва указывают и данные о росте реальной ценности всей денежной массы, начиная с июля 1921 г.

Реальная ценность всех денежных знаков, находившихся в обращении, выражалась:

В 1913 г. . . . . 1.700 мл. руб. [2]).
„ 1921 г. (июль) . . . . 29,1 „ „
„ 1922 г. (январь) . . . . 60,9 „ „
„ 1923 г. (январь) . . . . 117,5 „ „
„ 1924 г. (январь) . . . . 362,1 „ „

В довоенное время на территорию, входящую в настоящее время в СССР, приходилось около 1700 мл. руб. денег. К июлю 1921 г. реальная ценность дензнаков упала до 29,1 мл. руб. Начиная с июля 1921 г. она неуклонно из года в год растет, отражая тем самым общий подъем хозяйства. Наиболее быстрый рост (больше чем в 3 раза за 1 год) мы имеем в 1922—23 г., что объясняется как ростом товарности хоз-ва (переход от натурналога к смешанному), так и более быстрым темпом подъема промышленности за 1922—23 каз. год.

Современная денежная реформа началась вместе с выпуском банкнот (червонцев) Госбанком в конце 1922 г., и в течение всего 1923 г. мы наблюдали процесс усиленного внедрения твердой валюты в товарное обращение.

Следующая таблица характеризует этот процесс:

---

1) См. Краткий отчет Госплана, стр. 239.

2) Приблизительная цифра для территории, входящей в настоящее время в СССР.

Реальная ценность всей денежной массы и процентное соотношение между различными видами ее.

На 1-е число месяца.	Ценности всей бум. денежной массы.	Совзнаки в % к общей ценности денег.	Червонцы в % к общей ценности денег.	Обязательства центрокассы НКФ в % к общей ценности денег.	Сертифик. НКПС в % к общей ценности денег.	Казначейск. билеты в % к общей ценности денег.	Серебро в % к общей ценности денег.
Январь 1923 г.	117,5 млл. р.	97	3	—	—	—	—
Февраль „	135,5 „ „	93,7	6,3	—	—	—	—
Март „	151,2 „ „	89,4	10,6	—	—	—	—
Апрель „	177, „ „	83,8	14,5	1,7	—	—	—
Май „	178,3 „ „	74,5	21	4,5	—	—	—
Июнь „	183, „ „	67,5	25,9	6,6	—	—	—
Июль „	211,2 „ „	56,3	33,2	10,5	—	—	—
Август „	247,1 „ „	44,9	44,9	10,2	—	—	—
Сентябрь „	278,6 „ „	29,9	58,9	11,2	—	—	—
Октябрь „	297,8 „ „	19,1	69,8	11,14	—	—	—
Ноябрь „	346, „ „	21,7	63,8	13,3	1,2	—	—
Декабрь „	352,8 „ „	20,1	63,3	15,2	1,4	—	—
Январь 1924 г.	362,1 „ „	16,2	64,7	16,5	2.6	—	—
Февраль „	382,1 „ „	10,5	67,5	18,8	3,2	—	—
Март „	433,7 „ „	5,1	66,2	18,8	4,4	4,5	1,0
13 марта	450,5 „ „	2,9	65,2	18,1	4,0	8,3	1,5

Из этой таблицы видно, что как общая ценность обращающихся денег, так и та роль, какую играет в ней червонец, систематически из месяца в месяц растут [1]). К 1/II на совзнак приходится уже всего 10,5 общей суммы. Рост же общей суммы денежного обращения, выраженной в твердой валюте, является косвенным показателем роста производительных сил страны, роста продукции ее, роста товарности хозяйства.

Только на основе этого общего подъема и оздоровления народного хозяйства появилась возможность создания в т о р о й

1) Рост роли червонца прерывается в октябре-ноябре, в период усиленной совзначной эмиссии для хлебозаготовок.

предпосылки денежной реформы—в виде ориентировочного бюджета на твердой червонной основе. Нынешний бюджет составлен в золотых рублях—в унифицированной устойчивой валюте страны. Этим самым бюджет принял характер реального бюджета, на основе которого все хозяйственные и административные органы должны вести свою работу по определенному плану.

Бюджет текущего 23—24 хоз. года в полной мере учел интересы успешного завершения денежной реформы. Общая сумма бюджета 23—24 хоз. года исчислена в размере 1 мд. 750 мл. черв. рублей, из которых уже только 180 мл. руб. составят дефицит, не покрытый нормальными налогами, доходами от госпредприятий и кредитными операциями, в то время как в 1922—23 хоз. году эмиссионный доход составил около 400 мл. рублей.

Ориентировочный бюджет на текущем хозяйственном году показывает совершенно несомненное оздоровление нашего государственного хозяйства. В то время, как за прошлый год государственная промышленность получила из бюджета 175.348.864 руб. (на восстановление основного и оборотного капитала, покрытие дефицита, электростроительство и т. д.), в текущем году намечена сумма лишь в 69 мл. руб. Нефтепромышленность, получившая в прошлом году 22.768.806 руб., в нынешнем году становится бездефицитной. Каменноугольная промышленность, получившая в прошлом году из бюджета 28.998.330 (тов. рублей по индексу Госплана), теперь получает только 16 мл. Металлическая промышленность вместо 33.047.210 в прошлом году получит в нынешнем 25 мл. Кроме того, транспорт быстро приближается к бездефицитности: если дотация транспорту в прошлом году достигла 140 мл. руб., то теперь есть надежда свести дефицит к 35—40 мл. рублей.

Все государственное хозяйство, совершенно бесспорно, укрепляется и идет по пути оздоровления, но дальнейшая борьба за реальный и сбалансированный бюджет является и впредь одной из самых важных предпосылок для успешного завершения денежной реформы. В отношении сохранения устойчивости бюджетного плана—как это своевременно подчеркнули ЦКРКП (б) и НКРКИ СССР, необходима «строжайшая финансовая дисциплина». Потому, что прорыв бюджетного фронта способен срывом денежной реформы произвести такой разгром наших финансов и промышленности, который отбросит все наше хозяйство на несколько лет назад. Только величайшая бережливость в расходовании государственных средств со стороны хозяйственных, профессиональных и советских организаций способна облегчить дело нашей победы на хозяйственном фронте.

Третьей предпосылкой удачи денежной реформы являются те достижения, какие мы имеем в области внешней торговли. До середины 1923 г. мы ввозили иностранных изделий больше, чем вывозили. Со второй половины 1923 г. общий подъем нашего хозяйства дал возможность достигнуть благоприятного торгового и платежного баланса, который дает возможность поддерживать устойчивость нашей твердой валюты по сравнению

с иностранной на внутреннем и внешнем рынках. Благодаря своей устойчивости по сравнению с лучшей иностранной валютой, червонец почти целиком вытеснил из внутреннего обращения иностранную валюту, отвоевав тем самым новые позиции для своего приложения. Активный баланс за 1922—23 год выразился в сумме свыше 23 милл. зол. руб. *).

Четвертой предпосылкой для успешного проведения реформы является существование установившегося товарного оборота с более или менее устойчивыми товарными ценами. Этого в настоящее время еще нет, и нет, главным образом, по причине параллельного существования падающей совзначной и твердой валюты. Это условие в процессе самого проведения денежной реформы необходимо шаг за шагом отвоевывать. Только устойчивые цены делают устойчивым наш госбюджет и тем самым являются одной из основ нашей денежной реформы. Совзнаки, занимавшие около 10% от общей денежной массы, были основным дезорганизатором цен. Несмотря на то, что относительный размер совзнаков в общей сумме обращающейся денежной массы был очень незначителен, падающая совзначная валюта, благодаря быстрое е циркуляции, играла значительную роль в обороте, оказывая свое дезорганизующее влияние на строение цен.

Введение в каналы денежного обращения твердой валюты (серебро и медь), а также постановление СНК СССР от 7—III о порядке выкупа совзнаков по твердому курсу, должно содействовать снижению как оптовых, так и, главным образом, розничных цен, и стабилизации их на сниженном уровне.

Частный торговый капитал, не желая расставаться с высокими прибылями, на снижение цен добровольно не захочет пойти. Рабочее государство в состоянии экономическими мероприятиями заставить их снизить цены. Правительство путем «внутренней товарной интервенции», направляя в рабочие центры массы продуктов промышленности и сельского хозяйства и продавая их по сниженным ценам, вынудит и частного торговца продавать по сниженным ценам, иначе он лишится своей клиентуры.

Одним из основных вопросов, связанных с современной денежной реформой, является вопрос о ликвидации товарного рубля, в связи с переводом зарплаты на червонное исчисление, согласно постановлению СТО от 29—II—24 г.

Постановление XII партконференции по вопросу о зарплате говорит о том, что подъем зарплаты должен находиться в достаточном соответствии с подъемом хозяйства страны. Основным требованием современного момента должно быть сохранение реального уровня заработной платы. Государство в связи с денежной реформой должно будет преодолеть величайшие трудности. Оно должно будет пойти на сокращение дотации промышленности и транспорту. Оно должно будет в течение ближайших месяцев сократить кредитование промышленности и экономить буквально на всем. Но государство не может и не должно пойти на снижение реального уровня зарплаты рабочих.

[1]) См. Экономич. обзор., стр. 110.

Постановлением СТО от 29—II вопрос о методах исчисления зарплаты решен окончательно: все расчеты по зарплате будут производиться в червонном исчислении. Постановление СТО от 1—III—24 г. 1 р. 50 к. в твердой валюте приравнены для 1 пояса одному товарному рублю, потому что правительство надеется целым рядом экономических мероприятий цены снизить именно до такого соотношения.

Для того, чтобы сохранить реальную зарплату на определенном уровне, временно будет производиться доплата на дороговизну.

Государство, вводя новую денежную валюту, не могло изъять из сферы ее применения такого значительного круга отношений, какой охватывается зарплатой, потому что это могло бы отразиться отрицательно на судьбе денежной реформы. С другой стороны, установлением прибавок на дороговизну в соответствии с движением стоимости бюджетного набора, оно гарантирует рабочему реальный уровень зарплаты.

Благополучное же завершение денежной реформы даст возможность государству более успешно бороться с дороговизной и, таким образом, это поведет к росту реальной зарплаты, не говоря уже об общем оздоравливающем влиянии твердой валюты на рост промышленности, что, в свою очередь, должно будет вести и к соответствующему росту зарплаты.

Таким образом, широкие рабочие массы в первую очередь заинтересованы в успешном завершении реформы. Товарный рубль ликвидирован в интересах всего народного хозяйства в целом и, прежде всего, в правильно понятых интересах рабочего класса и крестьянства.

Подытоживая основные причины, приведшие к современной денежной реформе, мы обнаруживаем, что таковыми являлись:

а) общий подъем всего хозяйства в целом,

б) оздоровление бюджета,

в) активный торговый и платежный баланс,

г) вытеснение иностранной валюты с внутреннего рынка,

д) незначительная роль совзначной валюты в общей массе денежного обращения.

Условиями, необходимыми для успешного завершения денежной реформы, являются:

а) дальнейший подъем хозяйства,

б) сохранение устойчивости бюджета, путем всемерного сокращения расходов,

в) сохранение активности торгового баланса,

г) уничтожение совзнака,

д) уничтожение товарного рубля в связи с переходом к унифицированной твердой валюте,

е) отказ от натуралога и переход к денежному, в целях увеличения товарности рынка,

ж) упорядочение рынка путем снижения цен и стабилизации их на сниженном уровне.

Анализ условий, при которых денежная реформа сможет быть успешно проведенной, говорит о том, что у нас есть все шансы за то, что рабочий класс, руководимый РКП, с этой проблемой

справится. Но для успешного завершения денежной реформы, мы ни на минуту не должны упускать из виду тех опасностей, которые угрожают ее успешному завершению и не должны прекращать борьбы против всего угрожающего срыву ее.

А такие опасности есть. Прежде всего, следует отметить, как это правильно подчеркнул т. Каменев в своем докладе на пленуме МК РКП, что «денежная реформа встречена в штыки нэпом». Успешно завершенная денежная реформа должна будет взнуздать частный торговый капитал, сократив поле деятельности для всяких спекулятивных сделок, возможных при падающей валюте. Кроме того, проводимое в связи с денежной реформой снижение как оптовых, так и розничных цен должно ударить по частному посреднику особенно сильно. Сейчас внимание всей партии и всего рабочего класса должно быть направлено на борьбу за снижение розничных цен, чтобы не дать возможности частному торговому капиталу расти за счет госпромышленности и потребителя. Пока государство снижало оптовые цены, частный капитал не возражал, ибо это сулило рост его прибыли при неизменной рознице. Против снижения розничных цен он развивает и разовьет бешеное сопротивление, которое должно быть преодолено коллективными усилиями рабочего класса и Коммунистической партии.

Кроме того, некоторые частные капиталисты, купившие у госпромышленности товары в кредит, жаждут уплатить по кредитам обесцененным червонцем, а для этого необходим срыв денежной реформы. Эти чисто-экономические мотивы и являются причиной той бешеной штыковой атаки, какой встретили нэпачи нашу денежную реформу.

Это основная угроза нашей денежной реформе, потому что рост розничных цен неизбежно повлечет за собой рост номинальной зарплаты, выраженной в червонных рублях, что грозит прорывом бюджетного фронта. Кроме того, рост номинальной зарплаты при снижении оптовых цен может повлечь дефицитность безубыточных теперь отраслей промышленности, что, в свою очередь, может привести к срыву бюджета по линии увеличения дотаций. А срыв бюджета может явиться несомненной причиной срыва денежной реформы и нашего разгрома на хозяйственном фронте.

Именно поэтому ЦК РКП в своем обращении ко всем организациям РКП (б), указывая на необходимость «величайшей экономии средств», говорит, что «денежная реформа должна быть поставлена в центре всей партийной и советской работы, интересам ее успеха должны быть подчинены другие интересы» (Разрядка наша, И. К.).

Кроме того, интересы укрепления экономического союза рабочего класса с многомиллионным крестьянством властно требуют успешного завершения денежной реформы. Крестьянин заинтересован в денежной реформе не меньше рабочего. Он страдал от падающей валюты еще больше, чем рабочий. Если рабочий мог с небольшими потерями страховать свой заработок от обесценения в сберегательных кассах, то у крестьянина такой возможности не было. Благодаря неустойчивой валюте крестьянин должен был

страховать себя от потерь тем, что воздерживался от продажи своей продукции на падающую валюту. Сейчас серебряные полтинники и гривенники будут лучшими нашими агитаторами в деревне, доказывающими несомненное оздоровление нашего хозяйства.

В то время, как большинство капиталистических стран имеют падающую валюту, Союз ССР переводит весь свой денежный оборот целиком на твердую валюту, уже теперь с успехом конкурирующую с наиболее устойчивыми в мире валютами—английской и американской не только на русской, но и на Нью-Йоркской биржах. Биржевые данные говорят о падении курса английского фунта стерлингов с 940 черв. коп. до 836 черв. коп. на 26-е марта. Доллар упал с 220 черв. коп. в январе 24-го г. до $194^3/_4$ коп. на 26-е марта. Показательным является также тот факт, что на америк. бирже (Нью-Йорк) червонец котируется выше всякой другой иностр. валюты.

Наша твердая валюта не только облегчит и улучшит материальное положение крестьянства и рабочего класса и даст возможность снизить цены, сделав товары более доступными массовому потребителю, но она же, являясь показателем нашего экономического роста и нашей прочности, в значительной степени будет содействовать притоку иностранного капитала к нам. Ибо основу для всех коммерческих расчетов в виде устойчивой валюты власть Советов создала быстрее, чем это смогут сделать (если они это смогут) многие могущественные «великие» и «малые» капиталистические державы.

Ленин в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна сказал: «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизовать этот рубль, значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры, все эти триллионы и квадрильоны ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство твердо поставить и твердо вести».

Сейчас мы к этому подошли.

В ответ на все попытки срыва нашей денежной реформы мы, Советский Союз, должны доказать всему миру, что наших позиций на хозяйственном фронте мы не сдадим и денежную реформу успешно завершим. Порукой тому должно явиться единство воли и строжайшая дисциплина в рядах рабочего класса и крестьянства.

М. Танин.

Советский Союз и буржуазные государства.

(Обзор.)

2-го февраля нас признала де-юре Англия, 7-го февраля — Италия, 13 февраля—Норвегия, 20 февраля—Австрия 8 марта—Греция, а 15 марта—Швеция. В тот же день НКИД получает сообщение из Пекина от т. Карахана о том, что достигнуто соглашение с китайским правительством на основе признания нас де-юре. В последнюю минуту, однако, это соглашение срывается вследствие давления на китайское правительство со стороны Франции, Америки и Японии. Но имеются все основания полагать, что под напором взбудораженной этим саботажем китайской общественности, пекинское правительство вынуждено будет подтвердить свое признание.

Все эти признания де-юре—лишь последующее юридическое оформление признания нас огромной экономической и политической силой в международном масштабе.

Англо-советские отношения.

В Англии враги наши не успокоились. Реакционеры вдруг забеспокоились о судьбе „угнетенного" грузинского народа. Уже несколько раз после признания депутаты буржуазных партий задавали представителям правительства Макдональда в парламенте вопрос о том, распространяется ли это признание и на „угнетенную Красной Армией Грузию".

Не подлежит никакому сомнению, что здесь орудуют прогнанные из Грузии меньшевики. Трудящиеся массы Грузии с презрением отвернулись от них. Свыше 12-ти тысяч человек—все честное пролетарское, что было в грузинской соц.-д-тии, порвало с меньшевиками и перешло на сторону „угнетателей".

Жордания и Церетелли этим не смущаются и пытаются мобилизовать все силы реакции против Советского Союза.

Но ренегатов и на сей раз постигла позорная неудача. Они не добились у Макдональда, у товарища по интернационалу, того ответа, который им нужен был. А спикер (председатель) палаты впервые остановил антисоветских интерпеллянтов замечанием, чтобы они не вмешивались во внутренние дела дружественной державы. Макдональд и спикер, как официальные лица, вынуждены были отклонить домогательства врагов

СССР. Помимо того, английское министерство иностранных дел опубликовало меморандум об СССР, в котором отмечается факт вхождения Грузии в состав признаваемого де-юре СССР. Таким образом, интриги меньшевиков потерпели крах.

Тот же саботаж налаживающихся англо-советских отношений проявился и в других фактах. Бывш. министр Ллойд Гримм задал вопрос Макдональду, будет ли он настаивать на возмещении убытков английских граждан в России. Макдональд ответил, что он не сможет связать себя обещаниями.

А другой депутат-консерватор добивался, чтобы правительство пересмотрело вопрос об англо-советской конференции в виду того, что СССР отказывается вступить в Лигу Наций, на что ему представитель правительства Понсонби вполне резонно ответил, что в своих отношениях с другими странами правительство не может исходить из того, что оно должно иметь дело только с государствами, входящими в состав Лиги.

Словом, несмотря на лучшие намерения со стороны Советского правительства, следует и впредь ожидать подобного саботажа со стороны наших врагов в Англии. Эти враги сидят в самом аппарате „форейн оффис" (министерство иностранных дел) и в его представительствах за границей, где остались на местах все старые „керзонята". В этом смысле следует отметить „деятельность" английского посла в Риге—Вона: когда сотрудникам советских учреждений в Риге приходится обращаться по делу в английское посольство, они там подвергаются чисто контр-разведочному допросу и всяким неприятностям. Вообще упомянутый представитель Макдональда в Латвии, очевидно, не намерен сделать логических выводов из факта признания СССР Англией. И он, без сомнения, не единственный среди представителей форейн оффис на местах.

Нужно, однако, надеяться, что англо-советская конференция в Лондоне будет происходить в более благоприятной атмосфере. На ней придется договориться по целому ряду весьма важных вопросов: взаимные претензии, долги, кредиты, торговые вопросы и т. д. Советское правительство, согласно заявлению в Генуе и Гааге, готово обсуждать вопрос о долгах, но выдвигает в качестве предпосылки к их признанию предоставление СССР кредитов, которые дали бы нам возможность поднять наше хозяйство, разрушенное блокадой и интервенцией наших кредиторов, и добросовестно выполнять взятые на себя обязательства. Оно готово обсуждать вопрос об убытках, понесенных британскими гражданами вследствие революции, но на началах полной взаимности.

И нужно приветствовать инициативу преданных своей Советской родине научных деятелей, создавших общество содействия жертвам интервенции путем собирания соответствующих материалов, установления пострадавших лиц и т. д. Этим научным работникам, без сомнения, удастся найти справедливый критерий для определения этих убытков. Это уже их дело, дело экспертов. Но невольно напрашивается мысль,—что если общество воспользуется критериями самого английского форейн оффис (10 тыс. фунтов стерлингов за агента контр-разведки),—тогда наш счет составит весьма солидную сумму...

Ход предстоящей конференции зависит от общей позиции Макдональда в „русском вопросе", а эта позиция характеризуется следующим:

с одной стороны, он сознает огромное значение сближения с СССР для смягчения промышленного кризиса в Англии и борьбы с безработицей, а также в виду все обостряющейся англо-французской борьбы; но, с другой стороны, он боится влияния СССР на Востоке и к тому же он всегда смотрит с опаской в сторону консерваторов и либералов, от отношения которых зависит судьба его кабинета. К тому же он не свободен от влияния упомянутых „керзонят". О последних Лэнсбери, соратник Макдональда, заявил в Лондоне на рабочем митинге в память В. И. Ленина, что—„будет употреблено влияние, чтобы свернуть Макдональда с правильного пути...", а потому рабочие должны быть на-чеку. Он также сообщил, что чиновники форейн оффис инспирируют „Таймс" против СССР.

Итак, сам Лэнсбери боится, как бы его друг Макдональд не свихнулся... Тем больше оснований для того, чтобы не строить себе чрезмерных иллюзий в оценке перспектив англо-советских отношений при „рабочем" правительстве Макдональда.

Отношения с Францией.

Еще более сложны наши отношения с Францией. Здесь также действуют противоположные силы. С одной стороны, сознание, что чем позже последует признание, тем дороже оно будет стоить, что борьба с Англией, экономические интересы и целый ряд других вопросов требуют хороших отношений с СССР, а с другой стороны, давление самых тупых элементов национального блока, страстное желание получить долги на-ряду с упорным нежеланием возместить убытки от интервенции. И над всем этим, конечно, слепая ненависть к Советской власти.

В результате—зигзагообразная политическая линия и нерешительность, парализующая прогресс советско-французских отношений. Кризис, в связи с решением французского суда по делу Буниатиан-Опторг, все еще не разрешен. Этот приговор открывает возможность конфискации советского имущества во Франции по дутым искам эмигрантов б. собственников в России. При таком положении вести торговлю невозможно, и наше правительство вынуждено было ответить на этот враждебный акт со стороны Франции приостановкой деятельности торгового представительства в Париже. Это произвело настолько большое впечатление, что французское правительство, с целью смешать карты и успокоить общественное мнение, пустило в печать инспирированное сообщение, что с его стороны, якобы, нет препятствий к открытию переговоров с Советским правительством, но последнее, мол, от этого уклоняется.

26 февраля отдел печати НКИД опубликовал сообщение, в котором он категорически опровергает заявления французской печати. Касаясь услуг со стороны „посредников" (Бенеша), сообщение говорит: „Наше правительство продолжает настаивать на том, что только при непосредственных переговорах возможно достигнуть соглашения".

7 марта Пуанкаре произносит речь в палате депутатов, в которой он милостиво заявляет, что „даже" русский народ может избрать себе такое правительство, какое оно желает. В то же время официоз Пуанкаре изо дня в день повторяет, „что интересы Франции и России не сталкиваются ни в одной точке земного шара". Но вслед за этим идут дела, наглядно показывающие что стоят эти слова. 12 марта французский посол в Бе-

кине передает китайскому правительству ноту о „правах“ Франции на Восточно-Китайскую ж. д., с целью срыва китайско-советских переговоров. А 13 марта Пуанкаре проводит через парламент ратификацию акта о захвате Бессарабии Румынией. В ответ на этот возмутительный вызов Чичерин в ноте от 15 марта на имя Пуанкаре заявляет, что французское правительство „солидаризуется с нарушением прав Бессарабии и Советского Союза... и ответственно поэтому за убытки, причиняемые Советскому Союзу оккупацией (Бессарабии)“.

Между тем торговые и общественные круги Франции все настойчивее требуют соглашения с СССР. Из последних фактов в этом смысле следует отметить вручение представителями 300 крупных фирм меморандума президенту Мильерану,—меморандума с требованием открытия официальных переговоров с Советским правительством.

Дойдет ли дело до таких переговоров еще при правительстве Пуанкаре,—сказать трудно. Внутренний ход событий во Франции дает основания полагать, что на смену правительству национального блока придет левый блок. Такой оборот, без сомнения, ускорит дело советско-французского сближения.

Италия.

Наши отношения с Италией вступают в период, когда нужно претворить в жизнь цели, поставленные торговым договором и возобновлением дипломатических отношений. Для нас договор предусматривает беспошлинный ввоз в Италию леса, льна, руды, пушнины и т. д. Наша задача теперь сводится к тому, чтобы наладить этот ввоз и таким образом получить те капиталы, которые нам будут нужны для закупок предметов итальянской электрической, химической и др. отраслей промышленности.

Итальянские капиталисты очень заинтересованы торговлей с СССР. Италии нехватает основных элементов производства—угля, железа и нефти. Кроме того, она ввозит хлеб. Все это ставит ее в экономическую и, следовательно, до некоторой степени политическую зависимость от Англии, Франции и Америки. Вступая на путь сближения с СССР, который может дать Италии необходимое ей сырье, Муссолини надеется получить большую самостоятельность в своей внешней политике и возможность „развития на Восток“, как он недавно выразился.

Преследуя ту же цель, Муссолини стремится к сближению с Польшей. Под этим углом зрения следует рассматривать предоставление крупными итальянскими банками займа Польше, политическое значение которого усиленно подчеркивается ныне близкой Муссолини „Джиорнале д'Италиа. Естественно, возникает вопрос, как отзовется это сближение на итало-советских отношениях. Комментарии той же „Джиорнале д'Италиа“ в этом отношении дают основания для бдительности.

Германия.

Развитие наших отношений с Германией идет за последнее время весьма удовлетворительно. Объясняется это тем, что германские правящие круги, несмотря на страхи насчет „большевистского влияния“, все же отдают себе ясный отчет, что единственное спасение Германии в дружбе с СССР, этой единственной силой, успешно борющейся с западным империализмом. Именно таким сознанием была проникнута последняя речь Штреземена о германско-советских отношениях в связи с вопросом о Лиге Наций.

Постепенно подвигается вперед выработка торгового договора консульских, судебных, воздушных и др. конвенций; постановлениями германского суда по делу парохода „Петер Берг“ (ныне „Лозовский“) и по так-называемому „делу конского волоса“. Германия окончательно признала правомочность наших декретов о национализации; налажен вывоз хлеба в Германию; сданы крупные концессии (Крупп, постройка ж. д. в районе Красный холм); учреждено много смешанных обществ (Дерулюфт, Дерутра, Русстранзит и т. д.) и ведутся переговоры о новых обществах и концессиях.

Америка.

„Русский вопрос“ стал в Америке, как и в других странах, серьезным внутренне-политическим вопросом. Вокруг него происходит упорная борьба. В одном лагере находятся мининдел Юз, черносотенный „Американский легион“ и другие реакционные силы и группы капиталистов, которые, как и все капиталисты, ненавидят Советскую республику, но, в отличие от других, не заинтересованы в торговле с СССР. В этой же теплой компании „маститый“ председатель федерации труда Гомперс, все еще пользующийся влиянием среди коренных американских рабочих, которые составляют „рабочую аристократию“ в силу того, что более тяжелая и вообще менее выгодная работа достается неграм и эмигрантам.

В другом лагере—капиталистические группы, ожидающие выгод от торговли с Советской Россией и от концессий, прогрессивный блок с Бора и Лафолеттом во главе, неопределившиеся, прогрессивные течения, находящие свое отражение в прессе Херста, у которых „про-русские“ настроения сплетаются с про-германскими, наконец, радикальная интеллигенция (органы „Нейшен“ и „Нью Републик“). Что передовые рабочие борются за признание Советского правительства,—это само собой.

Борьба этих течений нашла свое выражение в послании Кулиджа от 6 декабря м. г., в котором он изъявил готовность итти на самые широкие уступки в целях „спасения русского народа“, и в последовавших за этим посланием возмутительных выпадках Юза.

Теперь про расследование об „ужасных разоблачениях“ Юза что-то не слышно —сенаторам не до того. Все блюстители морали, поучающие большевиков образцовому демократическому управлению народом, никак не могут очиститься от „нефтяных“ грехов и грешков...

Между тем, под шумок нефтяного скандала, Юз продолжает свою тактику саботажа, как это ясно сказывается в интригах американского посла в Пекине против китайско-советского сближения.

Серьезного перелома в американско-советских отношениях приходится ожидать в случае победы на ноябрьских выборах прогрессивного блока, что весьма вероятно. Но „эпидемия признания“ сможет захватить Америку и раньше.

Наши отношения с Японией.

Америка с большой подозрительностью следит за каждым шагом Японии, и вступление последней на путь нормальных отношений с СССР, естественно, даст толчок и американской дипломатии.

Как же обстоят дела на советско-японском фронте?

За последнее время Советское правительство вынуждено было ответить на недружелюбные акты Японии репрессивными мерами. Наши пароходы в японских портах вынуждены подчиняться неслыханному режиму: наша готовность помочь японским трудящимся, пострадавшим от землетрясения, встретила такой прием у японских властей, и нам ставились такие условия, что мы вынуждены были отказаться от наших предложений. Другого исхода не было, так как мы не имели никаких гарантий, что помощь действительно попадет к тем, кому она предназначена—трудящимся. Далее, когда т. Слепак обратился за разрешением на въезд в Японию в качестве корреспондента Роста, от него потребовали подписки, что он не будет заниматься пропагандой.

В ответ на все это Советское правительство вынуждено было, раньше всего, отказать в признании японскому консулу во Владивостоке. И действительно, присутствие японского консула на территории СССР, при недопущении советских консулов в Японию, было бы явной политической несуразностью. Далее, было предложено японским корреспондентам оставить территорию СССР.

Характерно, что японский мининдел назвал все эти наши, вынужденные, ответные шаги „недружелюбными актами". Однако, наша тактика возымела желательное действие. Японское правительство поручило своему послу в Пекине г. Иошазава вступить в переговоры с т. Караханом и указать ему, что оно намерено возобновить дипломатические сношения с СССР.

Вполне возможно, что на сей раз намерения Японии серьезны, и что соглашение будет достигнуто. Один из важных моментов, до сих пор удерживавших Японию от признания Советского правительства,—боязнь выступить раньше великих держав,—теперь значительно ослаблен, а реально экономические и политические интересы Японии толкают ее на путь признания СССР.

Китай.

Здесь вопрос осложняется зависимостью Китая от „великих держав", в частности от Америки и Японии. Не менее важным тормозом является раздробленность страны, отсутствие единого правящего центра.

Под влиянием враждебных влияний китайские власти в Манчжурии за последнее время совершили по отношению к нам целый ряд враждебных актов, против которых т. Карахан заявил самый решительный протест. Под теми же влияниями все еще тормозится решение вопроса о Китайско-Восточной железной дороге. Далее, 20 февраля многочисленная китайская банда, очевидно, поддерживавшая связь с регулярными частями, сделала грабительский налет на нашу территорию в окрестности Жаровки.

Но параллельно с этим движение за сближение с СССР захватывает все более широкие слои пробуждающихся китайских общественных элементов—студенчества, профессуры, прогрессивных политических деятелей, молодой национально настроенной буржуазии и т. д. Эти настроения лучшей части огромного 400 миллионного народа выливаются в форму глубоко-знаменательной, поистине исторической, демонстрации в связи с кончиной Ленина. Под давлением этих нарастающих сил, китайское правительство, наконец, набирается храбрости и выражает свое согласие на возобновление дипломатических сношений с СССР. Но, как уже указывалось в начале обзора, в последнюю минуту его охватывает страх перед собственной храбростью, и оно, уступая давлению империалистических держав, отказывается утвердить соглашение, выработанное его особоуполномоченным Ван-Чен-Тингом. И опять-таки этот поступок китайской дипломатии вызывает в народных массах такое возмущение политикой своего правительства и такие демонстрации сочувствия по адресу представителя другой договаривающейся стороны, которым не было и нет равного в истории международных отношений между капиталистическими странами.

Другие страны.

В области наших взаимоотношений со странами Малой Антанты следует отметить открывшуюся 24 марта в Вене советско-румынскую конференцию. Центральным вопросом на ней является вопрос о Бессарабии, грабительски захваченной Румынией в начале февраля 1918 г., когда она воспользовалась слабостью Советской России.

Здесь уместно будет напомнить дальнейшие этапы этого грабежа: 5 марта 1918 г. румынское правительство подписывает мирный договор с РСФСР, по которому она обязуется в течение двух месяцев эвакуировать Бессарабию. Но захватчики договора не исполняют и приступают к насаждению своей власти с помощью штыка и кнута и политического шантажа. Вначале румынские бояре еще считают нужным заигрывать с „самостоятельной" „Молдавской республикой", но 27 марта румынские войска окружают бессарабскую раду и заставляют ее подписать акт о присоединении к Румынии. 25 ноября 1918 г., без оповещения депутатов, при отсутствии кворума, кучка румынских агентов в „Сфатул Церий" (рада) провозглашает присоединение Бессарабии к Румынии.

Этот вопрос и будет обсуждаться на венской конференции. О позиции советской делегации по этому вопросу распространяться не приходится. Она будет требовать самым решительным образом освобождения трудящихся масс Бессарабии от ига бояр.

Другие страны Малой Антанты—Чехо-Словакия и Юго-Славия,—несмотря на отсутствие между ними и СССР таких расхождений, как между Румынией и СССР, пока еще не решаются окончательно порвать со своей старой политикой. Бенеш за последнее время не перестает заявлять о своей „принципиальной готовности" признать советское правительство. Он даже предлагал взять на себя роль посредника между Францией и СССР. Но наша дипломатия дала понять Бенешу, что мы в посредниках не нуждаемся, тем более в таких, которые сами еще не урегулировали своих отношений с нами.

Двойная игра Бенеша решительно разоблачена весьма интересным дипломатическим документом, распубликованным по инспирации английского министра иностранных дел. Этот документ—циркулярное письмо Пуанкаре к французским дипломатическим представителям за границей, в котором он сообщает, что, судя по разговору с Бенешем, последний не сделает ничего такого, что, „оказалось бы выгодным для большевитского правительства", и ориентируется на эмигрантов, будущих „апостолов (!) союза между Чехо-Словакией и Францией", с одной стороны, и „будущей Россией", с другой. Подлинность этого красноречивого документа, датированного 25 октября 1922 г., Бенеш даже не пытается оспаривать. Зато

он энергично отрицает разоблачения „Берлинер Тагеблатт“ об агрессивном характере франко-чешского соглашения по отношению к СССР.

Вся эта политика Бенеша тем более вредна для Чехо-Словакии, что последняя, как вновь созданное государство, больше нуждается в нашем признании, чем Советская Россия в признании со стороны Чехо-Словакии.

То же самое относится к созданной в силу непризнаваемой нами „версальской системы“ Юго-Славии. Вряд ли правительства Чехо-Словакии и Юго-Славии не понимают этих простых фактов. Но они не решаются предпринять какие-нибудь шаги без согласия Парижа. Впрочем, быть-может, сознание, что им, как малым государствам, еще более рисковано ждать, придаст им немного храбрости.

В развитии наших отношений с окраинными государствами следует отметить балтийскую конференцию в Варшаве (16—17 февраля).

По мысли польских дипломатов эта очередная конференция должна была выработать общую платформу в отношении СССР.

Уяснить себе смысл этой „общей платформы“ не трудно, если вспомнить, что одна из основных целей польской дипломатии—это создание барьера против СССР от Балтийского до Черного моря, с Польшей в роли часового.

Но правящие круги остальных балтийских государств отдают себе отчет в том, что эта политика, направленная против СССР, есть политика авантюр, и они проявляют большую сдержанность по отношению к польским планам. Именно поэтому финляндский сейм в 1922 г. отказался ратифицировать варшавское соглашение против СССР, выработанное под влиянием Польши. Но польская дипломатия упорно преследует свою цель. Она пыталась проводить ее и на последней конференции, но опять без серьезного успеха. „Голос Правды“, орган Пилсудского, даже пишет, что „конференция похоронена по первому разряду“. И на сей раз представитель Финляндии, министр иностранных дел Энкель, выступал против польских планов, и конференция ограничилась вынесением постановлений по маловажным хозяйственным вопросам.

Было бы, однако, неосторожностью закрывать глаза на опасность со стороны польских проектов, хотя их осуществление пока не удается. Если, с одной стороны, трезвый смысл буржуазии балтийских стран подсказывает ей необходимость сохранения дружбы с СССР и опасность со стороны польского империализма, то, с другой стороны, она, верная классовой природе своей, полна ненависти к „большевистской России“.

Вот почему план белой Польши, вообще говоря, не лишен реальной почвы.

Этот план польской дипломатии—служить барьером, а не мостом между СССР и Западом—сказывается и в той неистовой шумихе, которую подняла печать буржуазных партий и „пилсудчиков“ по поводу статьи „Экономической Жизни“ от 8-го марта в связи с переговорами о советско-польском торговом договоре. В этой статье, лишенной всяких политических тенденций, доказывалось, что об'ективные экономические интересы СССР и самой Польши никак не могут укладываться в некоторые пункты рижского договора. Упорно закрывая глаза на этот реальный экономический факт, польская печать своей тенденциозной политической кампанией только затрудняет выработку торгового договора—этой элементарной предпосылки добрососедских отношений между Польшей и СССР.

СССР, Лига Наций и Римская конференция.

Общий курс на „признание“, естественно, ставит и перед так-наз. Лигой Наций вопрос об урегулировании отношений с СССР. Этот вопрос становится еще более актуальным в связи с попыткой Макдональда реорганизовать Лигу привлечением СССР и Германии, что должно—по его замыслу—ослабить влияние зарвавшейся Франции. С другой стороны, наше вступление в „концерт“ „великих“ держав ставит нас лицом к лицу с вопросом о нашем отношении к Лиге Наций. Можем ли мы, живя в капиталистическом окружении, ограничиться голым отрицанием всяких инструментов урегулирования международных отношений, как бы они ни были несовершенны и малодействительны в условиях капитализма? Не ослабим ли мы своей международной позиции, оставаясь в гордом блестящем одиночестве? Не дадим ли мы этим орудие в руки врагов, которые будут обвинять нас в саботаже дела мира? (Именно в таком духе и был предъявлен запрос правительству в английском парламенте одним консерватором).

Ответ на эти вопросы мы находим в ответе нашего наркоминдела (от 12 марта) генеральному секретариату так.-наз. Лиги Наций. Приводим наиболее существенные выдержки из этого чрезвычайно важного документа по официальному сообщению НКИД:

> Советское правительство отвергает нынешнее устройство так-называемой „Лиги Наций“, являющейся фактически политическим орудием определенной коалиции держав. Со етское правительство во всей своей политике стремится содействовать улажению мировых антагонизмов, предотвращению новых войн и защите слабых народов от сильных, оно из'являет полную готовность обсуждать какие бы то ни было планы, имеющие целью выполнение этих задач, но оно решительно отказывается при этом оказывать поддержку проведению таких планов, которые при своем практическом осуществлении могли бы послужить орудием в руках одних государств или одной группировки государств для удовлетворения своих сепаратных интересов или своих агрессивных намерений по отношению к другим государствам и которые могли бы в этом отношении даже ухудшить современное положение дел. Оно отвергает поэтому всякие планы всемирной организации, заключающие в себе постановления о принудительных мерах со стороны какого-либо международного учреждения по отношению к отдельным государствам. Такая система неизбежно сделается орудием в руках наиболее влиятельной группы держав. Советское правительство считает в настоящее время всемирную международную организацию же ательной лишь на основе добровольных соглашений, без применения принудительных мер по отношению к каким либо государствам, в форме, хотя бы, конгрессов всех правительств, добровольно сговаривающихся об интересующих их вопросах.

Что же касается вопроса о сокращении вооружений, то НКИД в своем ответе указывает, что с целью скорейшего и наиболее успешного осуществления всеобщего сокращения вооружений следует совершенно отделить этот вопрос от более общего вопроса о всемирной международной организации...

Комиссия и общее собрание Лиги Наций действовали как-раз наоборот, сначала подчиняли сокращение вооружений принятию всеобщего политического договора о гарантиях против войны и, наконец, в проектах комиссии и общего собрания взаимно соподчиняли сокращение вооружений и всеобщий договор против войны. Практически это означает фактическую отсрочку и того, и другого.

Советское правительство настаивает на немедленном международном обсуждении вопроса о параллельном пропорциональном сокращении вооружений всех стран с точной фиксацией максимума постоянных армий, морских и воздушных флотов каждого государства. Должна произойти фиксация военного бюджета каждой страны, и должен быть поставлен в одно и то же время роспуск всех нерегулярных военных организаций; в одно и то же время Советское правительство рекомендует также организацию подконтрольных пограничных зон.

Советское правительство указывает в заключение, что разоружение и устранение опасности войны не будут, даже в малейшей мере, достигнуты без участия СССР".

Последнее обстоятельство, очевидно, учитывается даже т.-н. Лигой Наций. Вот чем об'ясняется тот факт, что формально непризнающая нас Лига Наций пригласила Советское правительство на конференцию по сокращению вооружений. В виду нашего отказа послать представителей в Швейцарию, Лига Наций перенесла место конференции из Женевы в Рим. (Правда, официально перенос конференции мотивировался другими причинами, но истинная причина для всех, и прежде всего для швейцарской буржуазии, была ясна.)

Римская конференция была созвана с целью распространения на другие страны решений вашингтонской конференции. Хотя наше правительство относится отрицательно к Лиге Наций, и решения вашингтонской конференции уже обнаружили на практике свою полную несостоятельность, оно все же не отказалось от участия в конференции. Советское правительство всегда поддерживало всякую попытку в деле сокращения вооружений, если даже оно не имело особых шансов на успех.

На римской конференции мы очутились перед единым фронтом „союзников", которые пытались за собой закрепить высокий тоннаж, установленный в Вашингтоне, а за нами—наш нынешний тоннаж, чрезвычайно низкий в количественном и качественном отношениях. Державы - „миротворцы" хотели оставить нам всего лишь 142 тысячи тонн против установленной в Вашингтоне нормы — Англия и Соед. Штаты по 525 тысяч тонн, Япония—315 тыс., Франция и Италия—по 175 тыс. тонн. Чтобы уяснить себе смысл этих цифр, нужно иметь в виду, что наш флот должен быть распределен в 5-ти несообщающихся между собой морях.

Что, в отличие от целей других морских держав, наши цели—чисто-оборонительные, явствует из всей политической линии нашей дипломатии. В Лозанне наши представители требовали закрытия проливов для военных судов; в Риме наши эксперты требовали закрытия для военных судов небалтийских государств—Бельтов и Зунда.

Но этих гарантий безопасности нам упорно не дают. Вот почему мы должны быть на чеку. Положение серьезное. Всюду идут лихорадочные вооружения—на суше, на

воде, под водой и в воздухе. Мы пока одни во враждебном окружении. И мы еще далеко не достаточно сильны. Не будем себя обманывать: наш морской флот слаб, воздушный флот только начинает развиваться по настоящему; в военной химии и других областях военного дела нам теперь не под силу спорить с техникой врагов. Всего этого не скроешь. Враг знает это. Нужно, наборот, подчеркивать перед массами эти слабые стороны, чтобы вовлечь их в дело обороны нашего социалистического отечества, чтобы налечь посильнее и принести побольше жертв для наших красных военных сил.

Конечно, слабость наша относительная. У нас есть большое преимущество—пространство, огромные людские резервы и героическая готовность масс к жертвам в защиту завоеваний революции. Но нужно думать о том, чтобы борьба не стоила нам слишком больших жертв. А для этого нужно поднять обороноспособность страны во всех отраслях военного дела.

В. А.

Внутреннее обозрение.

I.

Все и всяческие надежды на успехи контр-революции тщетны, пока крепок союз рабочих и крестьян, под руководством коммунистической партии.

За истекший год мы могли еще раз проверить в массовом масштабе политическое доверие крестьян к рабочим и их партии. Такой проверкой служила кампания перевыборов в Советы. Крестьянство проявило возросший интерес к выборам. Сообщения с мест единодушно свидетельствовали о падении абсентеизма. Крестьянин, поправляя свое хозяйство, тянется к более активному участию в политической жизни страны. По подсчетам Наркомвнудела, в 1922 году принимало участие в выборах сельсоветов 22,3% всех избирателей, в 1923 году—35,8%.

Эти цифры важны не с точки зрения их абсолютной величины. Кто же не знает, что 50% избирателей в деревне падает на женщин, которые к общественной жизни будут пробуждены не декретами о полном равноправии, а только успехами социалистического строительства в деревне? Кто не знает вообще известной косности, к общественным делам, присущей самой „природе“ крестьянина, как мелкого собственника?

Приведенные цифры важны не абсолютным, а относительным их значением. За один год политическая активность крестьянства возросла в полтора раза. Пусть статистика, возможно, неточна в ту или другую сторону, но несомненно, что в основе ее лежит совершенно определенный, всеми подтверждаемый факт.

Не идет ли эта политическая активность мимо, или прочь от коммунистической партии? И здесь итог благоприятен нам. Растущие политические симпатии крестьянства, в общем, на стороне нашей партии. Достаточно сравнить процент коммунистов в составе сельсоветов, волсоветов и волисполкомов для 1922 и 1923 годов. В сельсоветах он поднялся с 6,1% до 7,9%, в волсоветах с 11,7% до 17,3%, в волисполкомах— с 40,1% до 46,5%.

Цифра 7,9% коммунистов в составе сельсоветов может на первый взгляд показаться совершенно ничтожной, но суть вопроса поможет нам понять „постороннее свидетельство“ из заграничного белогвардейского „Руля“. Оценивая итоги перевыборов советов в 1923 г., в № 978 этой газеты Н. С. Тимашев пишет:

„В зарубежной прессе часто проскальзывает мысль, что при выборах в сельские советы коммунисты успехом не пользуются... Тем не менее приведенное утверждение вызывает во мне сомнение, так как за время

пребывания в Советской России я установил, в качестве недопускающего изъятия, нижеследующий тезис: если при каких-нибудь выборах число коммунистов среди избирателей равно или меньше числа подлежащих избранию, то коммунисты оказываются избранными поголовно. Я полагаю, поэтому, что просто компартия, долженствующая посредством своих не совсем 400.000 членов держать в руках центральное, губернское и уездное управление, фабрики и заводы, железные дороги, армию, высшую и среднюю школу и т. д., не может уделить деревне больше 25.000 человек“.

Таков „не допускающий изъятия тезис“, который, конечно, в общем верен. Автор его, разумеется, выдумывает в объяснение его „норму неписанного права, предоставляющую каждому коммунисту персональное право участия в соответствующих органах“, но суть здесь не в нормах, а в политическом и деловом доверии, которым пользуется в деревне партия, как организованная сила.

К концу прошлого года союз рабочих и крестьян едва не стал под угрозу, едва не был надрезан известными „ножницами“. Советское государство проявило удивительную силу экономического давления, очень быстро осадив скачку цен промышленных товаров, и сейчас вопроса о ножницах уже нет.

Непосредственный эффект этого поворота руля в экономике советским государством уже сказывается на оживлении товарного оборота между городом и деревней. Достаточно указать на огромный рост спроса на сельскохозяйственные машины со стороны крестьянства разных концов России, который принес нам февраль месяц, вслед за снижением цен на машины до довоенных. В газетах замелькали сообщения с мест в роде следующих:

„Ростов-Дон, 27 февраля... Перед заводом „Красный Аксай“ зачастую стоят вереницы крестьянских подвод за покупкой сельскохозяйственного инвентаря“.

„Полтава, 27 февраля... В города приходят крестьянские ходоки, которые справляются об условиях отпуска машин“.

„Екатеринбург, 27 февраля... За последний месяц продано сельскохозяйственных орудий на 60.000 руб., что в 2 раза больше, чем за весь истекший год“.

„Житомир, 27 февраля... За последние десять дней волынская контора „Село-техники“ продала машин на 14.000 зол. руб., что превосходит оборот предшествовавшего полугодия“.

Все эти телеграммы, помеченные одним числом, на удачу взяты нами из одного номера центральной газеты. Мы не приводим подобные же сообщения из того же номера газеты, поступившие из Вологды и Чернигова. Нельзя не признать всего этого крайне характерным.

Но помимо непосредственного хозяйственного эффекта от смыкания ножниц, велико политическое и историческое значение проделанного нами крупнейшего экономического маневра. Советское государство показало, что оно способно регулировать рынок, считаясь с интересами крестьянского хозяйства, дорожа смычкой с ним. Это есть наша политическая победа над буржуазией, неспособной даже к подобию таких маневров, невозможных при частно-хозяйственной инициативе. Один факт удачи первого серьезного опыта с регули-

рованием рыночных цен во всесоюзном масштабе не может не вселить уверенность в удаче всего НЭП'а, в правильности нашего пути к социализму. На этом пути, конечно, будут и неудачи, и ошибки, которые придется поправлять, но в общем и целом, руль НЭП'а у нас в твердых руках и управлять им мы учимся и научаемся.

Судьба смычки переходит из сферы ножниц — в плоскость другой, небывалой в практике Советской власти, экономической задачи, огромной по трудности и по значению. Успех или неуспех денежной реформы—вот что непосредственно определит на ближайшие годы ход хозяйственного возрождения страны и крепость союза рабочих и крестьян.

В многочисленных беспартийных конференциях, по всей России, крестьянство широким сочувствием встречает введение устойчивой валюты, обеспечивающей нормальный рыночный оборот. Но это сочувствие может смениться опасным скептицизмом, если только наш твердый рубль почему-либо пошатнется. Вся партия, сверху донизу, должна понять гигантское, как хозяйственное, так и политическое, значение этого вопроса. Ему должно быть отдано не меньше, а больше внимания и активного содействия, чем ликвидации ножниц.

Устойчивая валюта, это — наш хозяйственный Перекоп. Возьмем ли мы его? Должны взять,—значит, возьмем!

Пока же, в переломный, до известной степени, момент в хозяйственном отношении, сверх того—перед весенними месяцами (когда бедняк остается без хлеба, и усиливается его зависимость от кулака), мы с особым вниманием должны следить за малейшими колебаниями в настроениях крестьянства, без всякого излишнего розового оптимизма.

Кулак за период НЭП'а слегка подрос и округлел. Рост его экономически, в известной мере, неизбежен при свободе торговли. Простое товарное производство в стихийном развитии непрерывно рождает капиталистическое. Политически же он нам, несомненно, может быть опасен, как посредствующее звено от городской буржуазии—к крестьянской массе.

Симптомы такой политической роли кулачества уже имеются. Надо, чтоб над ними призадумалась вся партия. Из двух губерний от января месяца мы имеем сообщения о случаях выставления кулаками, правда, крайне весмелого и неясного, требования „обще-крестьянского союза". Это требование просочилось там даже на съезды советов, где среди делегатов-крестьян встретило должный отпор. Не пользуясь избирательными правами, кулак выкидывает лозунг своей собственной легализации, толкается в двери советской общественности под маской „обще-крестьянского союза". Такой „союз", куда входил бы и кулак, может притти только на смену Советам. Это мы должны сказать твердо и ясно. В требованиях такого „союза" замаскирован все тот же старый, дискредитировавший себя в крестьянстве лозунг „учредилки". Это мы должны разъяснить среднему и бедному крестьянству там, где его попытаются провоцировать агенты буржуазии, инспирируемые из-за границы.

Вопрос об организациях беднейшего и среднего крестьянства (комитеты взаимопомощи, незаможных крестьян на Украине, комитеты бедноты и т. д.), разумеется, ничего общего с подобными лозунгами не имеет.

II.

В рабочей среде политическое настроение твердое и устойчивое. У нас были и могут быть временные частичные недоразумения из-за ненормальностей с выдачей заработной платы. В связи с переходом к твердой валюте на первых порах возможны отдельные шероховатости и неровности чисто-переходного характера. Мы всеми силами должны этих шероховатостей избегать и возможно глаже, без всяких ухабов перевалить за Перекоп,—на рельсы выплаты заработной платы в твердой валюте по нормально выработанным ставкам.

Но всем ясно, что какие бы то ни было недоразумения на этой почве носят случайный и временный характер. Линия на улучшение быта рабочих, столь твердо определившаяся уже за истекший год, взята нами и на будущее время. А за вычетом чисто-бытовых, других недоразумений у рабочей массы с Советской властью быть не может.

Можно лишь добавить, что серьезность предпринимаемых нами хозяйственных мер, в связи с близостью весны,—традиционного времени всяких „кризисов",—заставляет каждого партийца, профессионалиста, хозяйственника с особым вниманием отнестись к вопросам рабочего быта в текущий и наступающие месяцы.

Свои политические симпатии широкая масса российского пролетариата только что выявила с необычайной яркостью, убедительной даже для самых злейших из наших врагов, в дни, последовавшие за кончиной В. И. Ленина. Были заводы, где при этой тяжелой вести целые рабочие собрания становились на колени, чтобы исполнить „Похоронный марш". Многие тысячи писем и резолюций неподдельной искренности, с выражением беспредельной любви к своему Ильичу, как лучшие венки, стекались на его могилу. Старая Москва со дня своего основания никогда не переживала таких величественных демонстраций, как в продолжение целой недели, недели о Ленине.

Если в крестьянских резолюциях, несмотря на их полную благожелательность к Советской власти, часто звучали нотки тревоги, как бы партия не изменила ленинской политике по отношению к крестьянству, то рабочие массы выразили полное, безусловное и безраздельное доверие ленинской партии—не словом, а делом—массовыми вступлениями в РКП. Партия не должна ослаблять той связи, какая еще и еще раз завязалась между ней и массой в эти дни. Партия всячески должна укреплять эту связь.

Косвенным показателем небывалого усиления авторитета нашей партии в рабочей среде явилась самоликвидация остатков меньшевизма в России. Процесс развала захватил как-раз те места, где, в силу большей мелкобуржуазности населения, меньшевизм продержался дольше всего. Начавшись с Грузии, развал перекинулся в города Юга России и нашел встречные отклики из ряда других мест. Особенно ценен и симптоматичен был повальный переход на нашу сторону рабочих-меньшевиков, „последних из могикан", без которых „партия" либер-данов остается просто заграничной интеллигентской богемой. Меньшевистскую редьку история с корнем вырвала из рабочей почвы.

III.

Дискуссия, наперекор злопыхательским пророчествам наших врагов, в партийной толще не оставила трещины. Конечно, было бы смело утверждать, что спустя полтора месяца по окончании дискуссии разногласия изжиты совсем, чтобы никогда не воскреснуть. Но даже в московских Вуз'ах мы наблюдаем процесс вполне нормального изживания всех следов фракционности. Партия проявила редкое единодушие в осуждении уклона, чем весьма облегчила возвращение на партийную дорогу тем, кто временно заблуждался.

Кончина вождя, потрясшая не только партию, но и весь пролетарский мир, еще более сплотила нас, и теперь партийная жизнь определенно вошла уже в деловую колею. На первом месте из внутрипартийных задач стоит переварка в большевистском партийном котле „ленинского призыва". Своевременно брошенный лозунг оработечения партии уже дал результаты, превосходящие ожидания Всесоюзной конференции.

На призыв „100.000 рабочих в партию!" откликнулось вдвое больше рабочих. Как правильно указывал в своих статьях т. Зиновьев, мы стоим перед периодом, когда с каждым хозяйственным успехом новые массы рабочих будут вступать в РКП, встречая наше приветствие.

С другой стороны, мы постараемся систематическим пересмотром наших рядов освобождаться от идейно и социально чуждых нам элементов (не говоря уже, конечно, об элементах „краснощековского" толка).

Из организационных мероприятий особое значение имеет переброска в деревню 3.000 партработников, которая проводится сейчас. Необходимость в усилении деревенских ячеек сознается всеми. 3.000—это капля в море. За этим должен последовать систематический отбор партийцев в деревню.

Наконец, перед партией стоит огромная задача выработки новых кадров рабочей и партийной интеллигенции, на плечи которой должно лечь дело социалистического строительства как сейчас, так и, в особенности, в будущем. Это культурно-партийная проблема необыкновенной трудности.

Истекшая дискуссия, когда среди коммунистического студенчества мелкобуржуазные колебания нашли себе наиболее подходящую зыбкую почву, ясно показала, насколько неудовлетворительно мы ставим это новое и сложное дело. Не останавливаясь перед трудностями, мы его будем продолжать, используя впервые в истории возможность в массовом масштабе оплодотворить опыт практически-революционной борьбы пролетариата усвоением теории этой борьбы.

Партия осталась без Ленина, но с ленинизмом, с его огромным практическим опытом, с научно разработанной теорией. Этот опыт и теорию мы положим в основу воспитания новых кадров, не позволяя никому ленинизм исказить или извратить.

Ленин и ленинизм.

Письмо Г. В. Плеханова В. И. Ленину.

Серьезное изучение того нового, что внес Ленин в теорию и практику мирового движения пролетариата, невозможно без сопоставления его идей и его работы с идеями и работами крупнейших представителей социализма конца XIX века. На страницах, которые «Большевик» посвятит непосредственному изучению Ленина, нам придется, вероятно, не раз остановиться на разногласиях, глубокой пропастью отделивших В. И. Ленина от Г. В. Плеханова. Именно потому для начала мы даем место письму Г. В. Плеханова Ленину, которое хорошо характеризует эпоху сотрудничества Плеханова и Ленина.

Письмо относится к тому времени, когда оба они входили в редакцию «Искры» и «Зари», и имеет своим предметом статью Плеханова «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна», впервые напечатанную в № 2—3 «Зари» (декабрь 1901 г.). Письмо Плеханова является ответом на недошедшее до нас письмо Владимира Ильича, заключавшее в себе указание Вл. Ильича на допущенную Плехановым ошибку в его статье с Бернштейном о значении факта увеличения (в Германии) количества средних крестьянских хозяйств и занимаемой ими площади: Мы не располагаем рукописью статьи Плеханова и потому не можем восстановить того места ее, которое вызвало замечание В. И. Исправленный Владимиром Ильичем абзац статьи Плеханова приводится нами в примечаниях к письму.

Л. К.

I.

26 авг. 1901.

Дражайший genosse Петров [1]).

Великое вам спасибо за ваше замечание относительно моей статьи против Бернш(тейна). То, что вы заметили, это не описка, а непростительное невнимание. В том виде, какой имеет теперь это место, оно не может, конечно, остаться. Необходима поправка, о которой я и прошу вас. Вы понимаете мою мысль: относительное увеличение площади хозяйств названной категории ничтожно (следовательно, значение); из этого следует, что несмотря на абсолютное увеличение, хозяйства этой категории не росли быстрее других категорий, а это именно и надо доказать, ибо в последнем счете вопрос решается отношениями.

Но далее отмеченного вами места у меня идет предположение о том, что средний размер хозяйств названной категории, вероятно, уменьшился. Это место необходимо выкинуть, ибо оно теперь лишается всякого смысла [2]).

Прошу вас, сделайте указанные поправки *).

Заглавие статьи, по моему, должно быть таково: Cant против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна.

Эпиграфы: 1) Умер, Касьяновна, умер, болезная... Некрасов; 2) Die Toten reiten schnell... G. A. Bürger.

Под статьей прошу поставить: август, 1901 [4]).

Если вам не нравится заглавие,—придумайте другое, но, по-моему, это недурно.

Кстати: Прошу вас, прибавьте в подходящем месте примечание такого рода (ка). Мы и до сих пор не можем понять, за что собственно Каутский благодарил Бернштейна на Штутгардтском партейтаге. Книга Каутского: „Bernstein und das Sozialdemokratische Programm" вполне подтверждает нашу мысль о том, что благодарить было не за что [5]).

Я вотирую теперь против помещения статьи Нахамкеса и прошу считать мой прежний вот уничтоженным [6]).

Приговор относительно Струве все-таки должен быть приведен в исполнение. Не забывайте, что решено перепечатать заявление южно-русского рабочего и прибавить: Если это верно и проч. „Если" вполне гарантирует вас на случай ошибки [7]).

Werther genosse, не щадите наших политических врагов; они не пощадят нас. По ком-нибудь из нас придется панихиду петь, как говорит купец Калашников: наша борьба есть борьба на-смерть; давите голову змеи, пока можете давить ее.

Крепко жму руку. Еще раз спасибо.

P. S. Еще: раз статья о Берн(штейне) пойдет как статья, то надо разбить ее на главы. Сделайте это [8]).

II.

Женева, 26 авг. 1901.

Carissimo amico [9]).

Вот вам еще докука: добавление к одному из примечаний в моей статье против Бернш(тейна).

Оно должно быть помещено там, где я привожу латинское правило Ньютона (примечание по поводу монизма), и непосредственно за этим правилом; тысячу раз прошу извинить меня за беспокойство [10]).

Преданный Вам **Г. Плеханов.**

---

*) Чуть было не забыл: у меня в статье говорится о мелких фермерах в Англии. Я говорю, что мелкие землевладельцы называются там british slaves. Внизу есть ссылка на Final Report, но страница не указана, ибо этот report у Вас. В ем отмечено карандашем место о british slaves Поставьте страницу в моей статье [3]).

Примечания к письму.

[1]) «Genosse Петров»—товарищ Петров. «Петров»—конспиративное имя Вл. Ильича, которым он назывался в сношениях с Группой «Освобождение труда» еще с 1895 г.

[2]) Исправленный Владимиром Ильичем текст соответствующего места статьи Плеханова гласит:

«Во-вторых, ссылки г. Бернштейна на распределение поземельной собственности так же неточны, как неубедительно его указание на рост числа умеренных доходов. Вот один из многих примеров.

Он говорит, что в Германии группа средних крестьянских хозяйств увеличилась в период 1882—1895 гг. почти на 8 процентов, а занимаемая ими площадь на 9 проц. (стр. 110). Но какой смысл имеют данные об увеличении абсолютного числа хозяйств или размера площади одной категории хозяйств, если не сообщается все число хозяйств и вся культурная площадь в стране? А если принять во внимание это обстоятельство т.-е. рассмотреть размер доли средних крестьянских хозяйств в общем числе хозяйств и в общем итоге площади, то окажется, что площадь, занимаемая в Германии хозяйствами этой категории, испытала лишь совершенно ничтожное увеличение. В 1882 г. она составляла 11,90 проц. всей поземельной площади, а в 1895—12,37 проц., увеличение составляет, стало-быть, менее половины процента. Но это мы говорим о всей поземельной площади Германии. А что касается собственно сельскохозяйственной площади, то хозяйства указанной категории составляли в 1882 г. 12,26 проц., а в 1895 г.—13,02 проц.; увеличение не превышает 0,75 проц. Это так мало, что странно и употреблять здесь слово: увеличение».

Положение дел в германском земледелии так сложно, что в суждениях о нем никак нельзя довольствоваться голыми статистическими цифрами, а необходимо принимать в соображение географические особенности каждой данной местности, равно как технические и экономические особенности каждой отдельной категории хозяйства, а также изменения этих особенностей, совершающихся в рассматриваемые периоды. («Заря», № 2—3, стр. 220. Перепечатано в собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XI, стр. 36).

[3]) На самом же письме Плеханова Владимир Ильич отметил карандашем требуемую страницу («page 36») и перенес ее на рукопись Плеханова.

[4]) Эпиграфы и дата внесены Вл. Ильичем в статью Плеханова. См. «Заря», № 2—3, стр. 204 и 225.

[5]) Эти слова внесены Вл. Ильичем в статью Плеханова в виде примечания. См. «Заря», № 2—3, стр. 222, примечание первое.

[6]) Речь идет о статье Ю. М. Стеклова, присланной в редакцию «Зари» и содержавшей разбор статьи В. И. Ленина «С чего начать?», напечатанной в № 4 «Искры». Статья Ю. Стеклова в «Заре» напечатана не была.

[7]) Дело идет об участии П. Б. Струве в подаче прошения рабочими стачечниками о помиловании. Подробнее инцидент этот будет освещен при опубликовании писем Ленина, в которых упоминается об этом эпизоде.

[8]) Владимир Ильич выполнил просьбу Плеханова. Статья была напечатана в «Заре» с подразделением на главы. На самом письме Плеханова рукой Владимир Ильича сделан план разбивки статьи на главы. Этот план имеет следующий вид: «Стр. 2—I, стр. 10—II, стр. 28—III, стр. 46—IV, стр. 56—V, стр. 73—VI, стр. 92—VII.» В этих отметках Вл. Ильича арабские цифры обозначают, видимо страницы плехановской рукописи, а римские—нумерацию глав. В «Заре», однако, статья разбита не на VII а на VIII главок.

[9]) «Carissimo amico» — «дорогой друг». Следующая ниже записка составляет продолжение предыдущего письма и написана в тот же день, но на отдельном листке бумаги и с новым обращением.

[10]) «Добавление» напечатано в указанном Плехановым месте («Заря», № 2—3, стр 217, прим.) и гласит следующее:

«Г. Бернштейн не понимает, что если развитие общественных—и в последнем счете экономических—отношений не представляет собой коренной причины развития так-называемого духовного фактора, то этот последний развивается сам из себя, а это саморазвитие духовного фактора есть не более, как одна из разновидностей того саморазвития понятий», против которого наш «критик» предупреждает своих читателей, как против одной из опасных приманок гегельянской диалектики».

В. И. Ленин и РКИ.

Ниже мы печатаем письмо В. И. Ленина, адресованное члену коллегии РКИ т. Коростелеву. Этот документ, относящийся к лету 1921 года, уже намечает тот подход к РКИ, который был дан Влад. Ильичем в своей известной статье о рабкрине.

В начале июля 1921 года В. И. имел беседу с тов. Коростелевым. В статье, напечатанной газ. „Труд" от 27 янв. 1924 года, т. Коростелев так изложил разговор с ним тов. Ленина:

> — Мы ввели НЭП, но мы очень мало пока знаем, как он будет развиваться и какие препятствия стоят на пути. Нам нужно максимальное обеспечение правильного развития новой экономической политики. У нас в аппарате косность, бюрократизм, неповоротливость. Хорошее дело могут испортить. Вот вы, член коллегии НК РКИ, значит—член правительства, доступ вам на все фабрики и заводы открыт; вы рабочий и. следовательно, легче, чем рабкриновские чиновники, можете подойти к рабочим. Подберите небольшую группу рабочих с заводов и немного честных спецов; возьмите несколько предприятий, обследуйте их, как они снабжаются топливом, продовольствием, деньгами; узнайте, кто и что мешает их работе, привлеките их к ответственности и постарайтесь оказывать, пользуясь вашей властью, помощь и содействие предприятиям и рабочим.
>
> Если нам удастся устранить препятствия, которые лежат на пути новой экономической политики, то это будет очень показательно, особенно здесь, в Москве, и будет иметь большое политическое и, в дальнейшем, экономическое значение.
>
> Надо напрячь все силы, чтобы было поменьше неудач; надо не падать духом из-за неудачи, а настойчиво и терпеливо проделывать работу снова и снова. В Москве гораздо труднее работать, чем в провинции—больше бюрократизма и избалованных „верхушечных" людей...
>
> Вот письмо т. Ленина.

Тов. Коростелев!

Дело вашей комиссии—исключительно важное, ответственное и трудное.

Надо все силы напрячь, чтобы у вас было поменьше неудач; и не падать духом из-за неудач, а настойчиво и терпеливо про-

должать работу снова и снова. В Москве гораздо труднее работать, чем в провинции,—больше бюрократизма, больше развращенных и избалованных „верхушечных" людей и т. д.

Но зато работа в Москве будет иметь громадное показательное и политическое значение.

По-моему, надо бы вашей комиссии попробовать сообразовать свою работу с „наказом СТО".

Главное—не разбрасываться, а взять лучше немногие заведения, небольшие задачи, поставить себе в начале скромные цели, но их осуществлять упорно, не забывая начатого, не бросая на полдороге, а доводя до конца.

Постепенно, но обязательно привлекать беспартийных из числа заведомо честных и уважаемых в каждом районе рабочих. Не жалеть времени и труда на приискание их, на ознакомление с ними.

Их понемногу и осторожно вводить в работу, пробуя подыскать вполне подходящее для каждого, соответствующее его способностям, занятие.

Главное приучить рабочих и население к комиссии в том смысле, чтобы они увидели помощь от нас; главное—завоевать доверие массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей.

Именно вам, как председателю комиссии и как человеку центра, члену коллегии „нелюбимой Раб. Кр. Инспекции" это будет нелегко. Но в этом вся суть.

Надо всячески и во всех возможных отношениях показать и (добиться) (осуществить) на деле помощь, хоть в маленьком (размере), но реальную. Только опираясь на это, можно двигаться дальше.

Прошу вас написать мне или, если вам писание не нравится, позвонить по телефону—можно из моего кабинета, спокойнее, чтобы мы могли обменяться мнениями о работе вашей комиссии.

Письмо это покажите другим членам комиссии, если находите это своевременным.

С к. пр. Ленин. 26/VII.

P. S. Основная задача комиссии: поднять хозяйство, улучшить постановку дела, добиться реальной личной ответственности. Надо бы взять для этого еще несколько учреждений: столовку, баню, прачечную, общежитие и т. п.

Международное революционное движение.

Макс Левин.

Новый курс Германской коммунистической партии.

Октябрьское поражение.

В октябре Германская коммунистическая партия потерпела сильное поражение. Но это поражение не было катастрофическим ни для пролетариата, ни для партии в целом. Катастрофическое поражение потерпело лишь правое (Брандлер-Тальгеймер) крыло партии, которое обнаружило неспособность использовать для свержения буржуазии объективно крайне революционную обстановку.

Октябрьское поражение вызвало столь сильную борьбу течений внутри партии, что потребовало срочного вмешательства Исполкома Коминтерна. Ноябрьской расширенный пленум Ц.К. К.П.Г. сделал попытку ликвидировать октябрьские ошибки, но попытка не удалась. Тотчас после пленума борьба внутри партии разгорелась во-всю. Образовался центр, насчитывавший в Ц.К. большинство, однако, не опиравшийся на крупные, решающие и сплоченные организации в партии. Появилась статья тов. Зиновьева о «германской колчаковщине», вызвавшая решительный отпор со стороны оппортунистов, в частности, со стороны товарища Тальгеймера. Статья тов. Зиновьева, метко вскрывшая в корне ложный подход к оценке октябрьского поражения со стороны правых элементов К. П. Г., рассматривавших создавшееся положение в свете «победы фашизма» над «ноябрьской республикой», сразу изолировала сторонников Брандлера-Тальгеймера.

Вмешательство Исполкома К.И. заключалось в подробном обсуждении всех связанных с партийным пооктябрьским кризисом вопросов на совещании, состоявшемся в январе т. г. в Москве с представителями всех трех течений в К.П.Г. и в решительной критике ее правого крыла. В результате тщательного обсуждения создавшегося положения в партии были приняты три резолюции: общая резолюция об уроках германских событий и ближайших задачах партии, резолюция о тактике партии в профессиональном движении и, наконец, резолюция об изменении организационного строения партии.

Общая резолюция в свое время была опубликована в русской прессе. Она подвергала подробнейшему анализу деятельность партии после августовской стачки, беспощадно вскрывала все допущенные ею ошибки и намечала новую линию поведения партии. Основное указание резолюции: К.П.Г. должна превратиться в массовую боевую партию, которая создаст единый фронт снизу и поведет массы на решающую борьбу с фашистско-социал-демократическим правительством.

По вопросу о работе в профсоюзах Исполком Коминтерна дал следующие указания [1]): со всей решительностью бороться против лозунга ухода из профсоюзов; создавать и укреплять комфракции в союзах; бороться против раскольнической политики социал-демократов, отстаивая сохранение единства профсоюзов; исключенных из профсоюзов революционных рабочих, а также неорганизованные слои рабочего класса объединять отдельно, в зависимости от местных условий, применяя разнообразные методы (учреждение фабзавкомов, контрольных комиссий, комитетов безработных, создание параллельных союзов, исключенных, всеобщих рабочих комитетов и т. д.); с вождями социал-демократии, с верхушками реформистских профсоюзов никаких переговоров не вести, добиваясь создания единого фронта снизу, вступая с этой целью в переговоры и соглашения с местными массовыми организациями профсоюзов; силы коммунистов необходимо концентрировать для работы на предприятиях и в фабзавкомах, с целью сделать фабзавкомы исходной и опорной точкой всей работы партии в массах; экономической борьбой рабочих К. П. Г. должна руководить, связывая эту борьбу с общими историческими задачами рабочего класса, с необходимостью захвата власти.

Резолюция Исполкома о перестройке типа организации К.П.Г. подчеркивает необходимость перенесения центра тяжести организации на фабрично-заводские ячейки, как основы партийного задания. До сих пор партия основывалась на организации членов по местожительству.

Вот те основы, на которых К. П. Г. должна перестраивать свои ряды и восстановить боеспособность партии.

Коммунисты и рабочая масса.

Каково же положение К. П. Г. после московского совещания?

Нам кажется, что в общем и целом линия, выработанная на январском совещании, уже оправдала себя. Мы говорим в общем и целом, ибо борьба течений в партии, разумеется, продолжается, да и никто не ожидал от принятых тезисов каких-либо чудес в смысле мгновенного уничтожения всяких трений, превращения партии в монолит. Таких чудес не бывает.

Окончательное оформление линии партии должно будет произойти на предстоящем вскоре партийном съезде. Резолюции

[1]) Ср. тезисы „О работе коммунистической партии в профессиональном движении". „Красный Интернационал Профсоюзов". № 1 (36). Январь 1924 г., стр. 52-54.

ИККИ отнюдь не преследовали утопической цели искусственного уничтожения существовавших глубоких разногласий внутри партии, а создание для партии такого положения, для большинства ее такой обстановки борьбы, которые гарантировали бы К.П.Г.:

1) сохранение партийного единства;

2) предотвращение дальнейших грубых оппортунистических ошибок, путем нейтрализации правых элементов партии;

3) создание дискуссионной атмосферы, обеспечивающей плодотворную подготовку партийного съезда;

4) наличность временного (до съезда) руководства, соответствующего линии большинства партии;

5) избавление партии от той лихорадки, в которую она впала в связи с поражением в октябрьские дни.

Насколько массы партии здоровы, а вся партия, несмотря на понесенное ею тяжелое поражение, разочарованность в вождях, загнанность в подполье и некоторую стабилизацию экономического и финансового положения страны, сохранила свою притягательную силу для пролетариата в целом, показывает целый ряд выборов в органы местного самоуправления за январь и февраль, т. г., напр., коммунальные выборы в Саксонии, выборы в ландтаг в Тюрингии и Мекленбурге, выборы в сенат в Любеке и Бремене, а также выборы в ландтаг в Саарской области. Массы отчетливо продолжают ориентироваться влево. Партия и в подполье в общем сохранила свою организацию.

Парламентские и коммунальные выборы в отдельных государствах Германии дали столь характерную картину тенденции развития классовых противоречий в стране, что будет не лишне познакомить с ними читателя более подробно.

Повсюду выборы, несмотря на правительственный террор против запрещенной, нелегальной К.П.Г., дали победу крайним лагерям: коммунистам, с одной, фашистам разных оттенков, с другой стороны.

Выборы в ландтаг в Тюрингии. 10/III 1924 года.

Участвовало в выборах свыше 90% пользующихся избирательным правом граждан против 72,5% в 1921 году.

		Получили:		
В 1924 году.	Коммунисты	161.000	голосов—13	мандатов
„ „ „	Социал-демократы	203.000	„ —17	„
„ „ „	Националисты (фашисты и прочая черная сотня)	81.000	„ — 7	„
„ „ „	Союз порядка (коалиция буржуазных партий середины)	421.000	„ —35	„
„ 1921 „	Коммунисты	73.000	„ — 6	„
„ „ „	Социал-демократы (в то время еще две партии независ. и соц.-дем.)	265.000	„ —22	„
„ „ „	Все остальные буржуазные партии, вместе взятые	337.000	„ —27	„

Таким образом, коммунисты приобрели 88.000 новых голосов и 7 новых мандатов, социал-демократы же потеряли 62.000 голосов и 5 мандатов.

Во всех промышленных районах Тюрингии коммунисты получили большинство пролетарских избирателей.

Выборы в ландтаг в Мекленбурге.

В 1924 г. К. П. Г.	42.436 голосов,	мандатов 9	(в 1921 г. 15.328 гол.	манд. 3)
„ „ „ Соц.-дем	67.840 „ ,	„ 14	(„ „ „ 137.971 „	„ 28)

Участвовало в выборах 95% населения.

Выборы в ландтаг в Саарской области (оккупированной Францией).

В 1924 г. К. П. Г.	39.311 голосов	(предыдущ. выбор. 14.699 гол.)
„ „ „ Соц.-дем.	44.000 „	(„ „ 88.000 „)

Итак, соц.-демократы потеряли ровно половину прежних голосов, коммунисты же почти в три раза увеличились.

Выборы в Любекский сенат. 10/II 1924 г.

Коммунисты	8.896 голосов	— 10 мандатов	(раньше 5 мандат.)	+ 5
Соц.-демократы	25.256 „	— 28 „	(„ 37 „)	— 9

Таковы же результаты выборов и в Бремене, о которых у нас под руками нет цифровых данных.

Коммунальные выборы в Саксонии. 13/I 1924 г.

Г. Лейпциг.	Соц.-дем.	30.721	(предыдущ. 141 000)
„ Дрезден.	„ „	81.607	(„ 121 967)
„ Лейпциг.	Коммунисты	68.752	(„ 30.846)
„ Дрезден.	„	39.370	(„ 13.651)

В больших городах, где социал-демократический аппарат еще силен, потеря социал-демократов от 30—40%, в провинции, где партбюрократы слабее, от 40—50%.

В Хемнице, Цвикау, Фрейберге, Плауене (все главные, чисто промышленные центры Саксонии) число коммунистов почти сравнялось с числом голосов, поданных за социал-демократов, в менее крупных местах, как Пирна, Лимбах, Ауэ, коммунисты получили даже больше голосов, чем соц.-демократы.

К.П.Г. удвоила голоса, в маленьких городах увеличилось количество коммунистических голосов даже втрое и вчетверо. Последние выборы в саксонский ландтаг в 1921 г. дали коммунистам 276.000 голосов. Теперешние коммунальные выборы дали более 500.000 гол. И это после тяжелого поражения партии, при режиме белой диктатуры, которая всячески затрудняла избирательную кампанию партии и всячески способствовала успехам правых партий.

Внутреннее состояние КПГ.

В только-что вышедшем приложении к январской книжке журнала «Коммунистический Интернационал» под заглавием «5 лет Коминтерна в решениях и цифрах» читаем:

«В январе 1923 г. число членов равнялось 192.000 мужчин и 26.000 женщин. Всего—218.000 платящих взносы членов, при числе местных организаций—2.481. В настоящее время в партии 350.000—400.000 членов».

Не знаем, насколько последние цифры соответствуют действительности. Нам они кажутся несколько преувеличенными. Несомненно, однако, что партия ныне сильнее, чем год тому назад. При этом нужно помнить, что партия переживает внутренний кризис, не могла еще вполне оправиться от нанесенных ей в октябрьские дни ударов и не сумела еще в достаточной степени разобраться в новой хозяйственной ситуации страны, создавшейся в результате искусственной стабилизации марки.

В настоящее время в партии идет оживленная дискуссия как по принятым в Москве тезисам, так и по вопросу об отношении к внутрипартийной дискуссии в РКП.

Расширенный пленум ЦК, состоявшийся 19 февраля т. г., на котором, вопреки всем препятствиям, оказались представлены полностью все округа, выявил свое отношение к кризису, переживаемому партией после октябрьского отступления. Предстояло высказаться по поводу решений, вынесенных Московским совещанием. На голосование была поставлена нижеследующая резолюция, внесенная за подписью нынешнего большинства ЦК и левой оппозиции, т.-е. 21 члена ЦК:

«ЦК КПГ присоединяется к решению Исполкома по вопросу о политическом положении в Германии, о профсоюзах и организационной перестройке партии и в интересах консолидации партии приветствует результат совещания, как решительную ориентировку влево и решительный шаг в борьбе против правых опасностей и группировок в Коминтерне и в германской коммунистической партии».

После часового доклада представителя большинства по вопросу о тактических разногласиях и Московском совещании слово для 45-минутного доклада было предоставлено содокладчикам,—представителю левой оппозиции и представителю правой группы. Последний решительно отверг выработанную совместно с президиумом Коминтерна тактическую линию, выразившуюся в политической резолюции. После двухчасовых прений, в процессе которых высказались все течения, всеми, т.-е. 22 голосами против 2, была принята внесенная большинством ЦК резолюция.

Согласно состоявшемуся соглашению, малый ЦК, директория партии, составлен таким образом, что преобладание обеспечено большинству, но ответственность за работу ЦК несет и левая оппозиция.

В заключение была принята еще следующая резолюция:

«Расширенный пленум ЦК КПГ, собравшись для проведения в жизнь принятых в Москве решений относительно консолидации партии, в этот момент вдвойне тяжко чувствует утрату товарища Ленина, чей авторитет сплачивал и руководил Коминтерном и РКП.

Расширенный пленум ЦК приветствует ЦК РКП, призванный продолжать начатое Лениным дело, и требует от имени

революционного пролетариата Германии, чтобы были приняты меры для скорейшего издания произведений Ленина в доступной для германского пролетариата форме, дабы КПГ, в процессе своего развития, изучая труды нашего великого вождя и учителя, скорее и основательнее научилась применять на деле революционный марксизм во всей его актуальной боевой силе».

Ц.К. еще в январе выпустил специальный номер журнала «Интернационал» с материалами, характеризующими в тезисах и статьях политические позиции имеющихся в партии трех направлений, а также специальный номер того же журнала, посвященный дискуссии в Р.К.П.

Действующий ныне Ц.К. К.П.Г. был составлен согласно директивам, данным резолюцией московского совещания в январе т. г. и состоит из представителей центра и левого крыла. Какова политическая линия этого ЦК? В середине февраля в нелегальном еженедельном центральном органе К.П.Г. «Falme der Revolution» («Знамя Революции»)) появилось воззвание «К партии.

Оно гласит:

Товарищи! Со времени октябрьского поражения германского пролетариата прошло всего 4 месяца. За это время безработица и неполный рабочий день обрекли на голодную смерть новые сотни тысяч пролетариев, все права пролетариата были раздавлены военным сапогом. 8-часовой день был фактически отменен, население Прирейнской и Рурской областей еще глубже было придавлено объединенными силами французского и германского капитала, а наша партия, единственная революционная партия германского пролетариата, была загнана в подполье и подверглась жесточайшим преследованиям со стороны военных диктаторов и их прислужников.

Главная вина за отнятие прав у рабочего класса и за подавление его революционной партии лежит на социал-демократии. Слишком долго надеялась наша партия на то, что «левые» вожди социал-демократы, сулившие рабочим массам борьбу с правым ЦК партии, предпримут хотя бы единый шаг для отпора наступлению буржуазно-фашистской контр-революции. Социал-демократия блестяще вела свою игру, строго распределив роли. Эберт, Зольман, Вельс и Северинг «осторожно, тактично и продуманно» вплоть до деталей вели в угоду Кару и Стиннесу, Секту и Тиссену генеральное наступление на пролетариат. Они удушили при помощи рейхсвера тюрингский и саксонский пролетариат под предлогом выступления против Баварии. Они шаг за шагом осуществляли свой стратегический план, направляемый против 8-часового рабочего дня и выдачи пособия безработным.

А Леви и Розенфельды, Дитманы и Цейгнеры прибегали в своей игре к священным клятвам, разглагольствовали о своей готовности к совместной борьбе, пытались таким образом спасти доверие к социал-демократической партии, а в решительную минуту всегда ударяли в спину революционной массе и ее вождю коммунистической партии. Они оставались в этой предательской партии, несмотря на то, что она в октябрьские дни открыто действовала как пособница буржуазно-фашистской контр-революции, они остались в социал-демократической партии, несмотря на то, что ее представители в правительстве объявили осадное положение. Они остались в партии, несмотря на то, что она продолжала сотрудничать с Сектом и Стиннесом и благожелательно отнеслась к запрету коммунистической партии. Они остались в партии открытого предательства, участвуя таким образом в этом предательстве, неся за него свою долю вины и ответственности.

«Левые» вожди социал-демократы показали себя, как наихудшие и наиопаснейшие агенты капитала, завоевывающие при помощи радикальной фразеологии доверие честных рабочих револю-

ционеров, чтобы тем гнуснее этим доверием злоупотреблять. Без помощи социал-демократии и реформистских профсоюзных вождей предпринимателям в Германии не удалось бы добиться столь желанной на протяжении целого пятилетия отмены 8-часового рабочего дня и одновременного обречения новых миллионов безработных на невыносимый голод.

Единственным положительным результатом октябрьского поражения является все сильнее укореняющаяся в широких слоях пролетариата, все ярче и ярче вспыхивающая ненависть к социал-демократии. В Саксонии и Тюрингии, в Любеке, Мекленбурге и Бремене,—всюду, где при выборах диктатура вынуждена была дать высказаться массам,—все громче и громче звучало:

Мы не верим больше социал-демократам!

Этот факт растущего отхода от социал-демократических вождей и организаций дает нам право надеяться, что в будущем удастся успешно вести борьбу против капиталистического ига, добиться освобождения и установить власть пролетариата.

Это освобождение масс из-под влияния контр-революционных организаций, разумеется, не совершится само собой. Оно требует от нас работы, работы и еще раз работы.

Наипервейший долг каждого коммуниста на предприятии, каждого отдельного члена неуклонно растущей, изо дня в день завоевывающей себе большее влияние германской коммунистической партии, усиливать священную ненависть к октябрьским предателям и указывать массам выход. Каждая стачка, всякая борьба за кусок хлеба должны вводиться в общее русло борьбы за диктатуру пролетариата, единственно способной спасти массы, принести им освобождение!

Путь улучшений—это путь к власти, но путь к власти требует в качестве предварительного условия полного освобождения из пут и оков, связывающих искренне стремящиеся к освобождению германские массы со всякими желтыми, буржуазными, фашистскими контр-революционерами, социалистически - реформистскими организациями.

В этой области ГКП предстоит громадная работа. Накануне новой борьбы, пред лицом намечающегося подъема волны экономических и политических конфликтов, ГКП должна готовиться к последнему бою пролетариата за власть. Созревши и научившись в тяжком горниле страданий, выпавших на долю германской пролетарской массе, переходившей благодаря реформистским путам и неправильному руководству от поражения к поражению, партия ныне должна развернуть

Наисильнейшую и наивеличайшую активность.

Кто устал, кто поддался пассивности, кто вышел из неудачной борьбы с сомнениями и безнадежностью, тому не должно быть места в партии. Пролетариат не хочет умирать, он жаждет освобождения. Единственная партия, ведущая пролетариат на борьбу, должна быть живым, ярким воплощением лучших революционных качеств класса. Каждый член партии должен разъяснить каждому рабочему роковую роль социал-демократии в борьбе пролетариата. Каждый коммунист должен проявлять величайшую активность во всех боевых выступлениях, направленных против капитала и профсоюзной бюрократии. Этого требует партия от всех своих членов и всех ей сочувствующих. Позорным и несовместимым с достоинством германского пролетариата является факт, что и по сей день от 40 до 50% рабочих голосуют за фашистскую буржуазную социал-демократию. Вина за этот позор падает и на каждого коммуниста. Его обязанность сделать надлежащие выводы.

Задача партии не только в том, чтобы глубже, прочнее и крепче охватывать массы при всех частичных боевых выступлениях и с беспощадной правдивостью указывать единственный путь, ведущий пролетариат к власти. В противовес всем пособникам капитала она должна быть

также и подлинным вождем масс в непосредственной борьбе за власть. День ото дня в партии растет и крепнет сознание, что партия должна сплотиться в железное, прочное большевистское ядро.

Из октябрьского поражения пролетариата партия сделала два существенных вывода:

Она признала, что борьбу нельзя довести до победоносного конца до тех пор, пока рабочая масса еще цепляется за реформистских вождей. Далее она признала, что революционная партия должна беспощадно и без остатка вытравить в собственных рядах последнюю тень иллюзии, рассчитывающей на поддержку со стороны левых социал-демократических вождей и других спутников капитала и безоговорочно дать понять каждому своему члену, что в борьбе против капитала и его партий, в том числе и социал-демократической, руководить и проводить борьбу и нести знамя впереди борющегося пролетариата может только одна ГКП.

За усвоение этих обоих уроков партия борется. Каждому, кто будет этому мешать, она скажет: прочь! Каждого же, кто будет этому противодействовать, она устранит. Германская коммунистическая партия—не давая себя сбить с толку исходящим от буржуазии и социал-демократии попыткам разложения рядов революционного пролетариата — бесстрашно и решительно повела борьбу

против опасности правого уклона

и против тех товарищей, которые не дерзают сделать со всеми вытекающими отсюда последствиями эти два вывода из октябрьского поражения. Партия отчетливо сознает, что эта внутренняя дискуссия знаменует для партии не шаг назад, а шаг вперед.

С полной серьезностью ЦК партии указывает на рост фашистского движения, захватывающего даже широкие слои рабочего класса. Речь идет о тех рабочих, которые, преступной политикой социал-демократии, были с головой выданы классовому врагу,—правому крылу буржуазии. Партия должна напрячь все свои силы, чтобы толкнуть массы на путь революционного пролетариата, беспощадно и энергично опрокидывая мнимо - «народнические» организации.

Два года назад, после постигнувшего партию поражения, Пауль Леви объявил ГКП трупом. Ныне ГКП, опираясь на сочувствие доброй половины германского пролетариата, прочно и нерушимо стоит на своем посту. При наличии серьезной работы ГКП скоро станет руководящей партией германского пролетариата, его единственной партией.

Активность и полная ясность—таков лозунг момента. Обладая суровой спайкой, будучи построена на производственной основе, глубоко пустив корни в массы пролетариата, беспощадно борясь против социал-демократии и реформистского наследия, отстаивая каждую позицию в профсоюзах и рабочих организациях, партия с новой силой и новым воодушевлением будет готовиться к решающей борьбе.

ЦК ГКП призывает всю партию с величайшей энергией отмести последние остатки депрессии, дружно сплотиться вокруг ЦК ГКП, основательно продискутировать все вопросы во всех организациях и сделать последние выводы из обильных уроками последних событий в смысле конкретной политической работы, теснее спаять свои ряды, ясно и недвусмысленно указывать путь жаждущей выхода из бедствий и страданий широкой трудящейся массе.

Берлин, 19 февраля 1924 г.

ЦК ГКП.

(Секция Коминтерна).

КПГ и РКП.

По вопросу о партдискуссии в Р.К.П. в нашем распоряжении имеются следующие 3 документа:

1) Резолюция расширенного пленума ЦК КПГ по вопросу о дискуссии в РКП.

Резолюция гласит:

«Расширенный пленум ЦК шлет привет ЦК РКП и высказывает свое удовлетворение по поводу того, что РКП вышла из дискуссии еще более сильной и единой, чем она была прежде. КПГ с величайшим интересом следила за борьбой большевистского ЦК и подавляющего пролетарского большинства РКП против мелкобуржуазной и антибольшевистской по своим тенденциям оппозиции. КПГ ясно поняла, что пред. лицом растущих трудностей не все части партии все еще одиноко стоящего пролетарского государства, после смерти Ленина, способны одинаковым темпом и с одинаковой непреклонностью проводить наступление и отступление, диктуемые гигантской борьбой российского пролетариата. Лишь испытанный большевистский ЦК способен сохранить партию единой и повести ее к дальнейшим победам. Лозунгом Коминтерна должна быть не дебольшевизация РКП, а большевизация европейских партий, дабы они сумели вести массы в победоносный бой. В борьбе против ликвидаторского течения, представляющего для Коминтерна величайшую опасность при медленном темпе нарастания революционной волны, европейские коммунистические партии, не впадая в детскую болезнь левизны, должны выкристаллизовать в себе большевистское ядро. В своей борьбе против появившейся на горизонте ревизионистской опасности ЦК РКП может рассчитывать на полную поддержку со стороны германской коммунистической партии».

2) Резолюция по вопросу о российской партдискуссии, принятая Центральным Комитетом Берлин-Бранденбургского округа 15—II 1924 г.:

«Берлинская организация присоединяется к политической линии ЦК РКП и рассматривает политические последствия защищаемых оппозицией РКП тенденций, как чрезвычайно опасные и ведущие к меньшевизму. Она против этих тенденций, проявляющихся в международном масштабе как тенденции ликвидаторские, будет вести беспощадную борьбу.

Центральный комитет призывает всех пролетариев РКП дружно сплотиться вокруг большевистского ЦК РКП и, проводя в жизнь руководящие постановления о партийном строительстве, опубликованные ЦК и ЦКК 5—XII 1923 г., отказаться от какой бы то ни было поддержки руководящих российской оппозицией товарищей, политический характер коих, как видно из поведения Радека в Коминтерне и из резолюций Пятакова по хозяйственному вопросу, должен быть каждым коммунистом квалифицирован как оппортунизм, который, в случае, если бы он победил, имел бы роковые последствия для Коминтерна».

3) Подробная оценка российской партдискуссии, изложенная в «Материалах для докладов», изданных политическим секретариатом Берлин-Бранденбургской организации.

Приводим наиболее существенную часть посвященного этому вопросу § III названных «материалов»:

«1) Дискуссия началась в РКП после появления дискуссионной статьи Зиновьева, указывавшего на необходимость сдвига внутриполитической линии в сторону усиления внутрипартийной активности и демократизма.

2) Этому предшествовала острая дискуссия на закрытых заседаниях расширенного пленума ЦК партии, на которых Троцкий выступал в качестве оппозиционера, поддержанный целым рядом товарищей, в большинстве своем стоявших вне рядов ЦК.

3) Объективной причиной этого конфликта был наступивший в России крупный экономический кризис, вызванный несоответствием цен на продукты промышленности, с одной стороны, и продукты сельского хозяйства, с другой.

Попытки разрешения этого кризиса породили в России два политических течения в РКП: из них одно было представлено ЦК и громадным большинством партии, другое оппозицией. Но в политическом отношении ясно его формулировала лишь группа Троцкого—Радека—Пятакова.

4) Однако, на первых порах дискуссия в РКП пошла в другом направлении и вращалась вокруг вопроса о внутри-партийном демократизме. В этом отношении ЦК в принятой им 5 декабря обширной резолюции по вопросу о партийном строительстве признал, что многое в партии должно быть изменено. Исчерпывающим образом, и без обиняков, в ней было указано на опасность отчуждения партии от масс, сказавшегося, например, в августовских стачках. Эта обширная и единогласно принятая резолюция, в сущности говоря, целиком разрешала вопрос о партийном строительстве.

5) Несмотря на это, дискуссия после опубликования этой резолюции приняла еще более ожесточенный характер, при чем в рядах самой оппозиции оказалось несколько совершенно различных течений.

В то время, как Преображенский считал вопрос «собственно говоря» разрешенным, Сапронов, шедший дальше, требовал «гарантий», другие товарищи из той же группы повели борьбу против «аппарата», которая в случае успеха грозила бы самому существованию партии. Одновременно письмом Троцкого и последующей его статьей была начата борьба против ЦК и его политики, правда, на первых порах в замаскированном виде. Был поставлен вопрос о реформистском перерождении старой гвардии, об отношениях «молодежи» к «старикам». Нападки эти подхватил и конкретизировал Радек. Радек, пытавшийся на первых порах разыграть буферную группу, стал всюду трубить о «расколе» внутри ЦК, рассказывая анекдоты в роде того, что Троцкого саботируют, а также, что он (Радек) мобилизует КПГ и Коминтерн против русского ЦК для урегулирования «русского вопроса».

6) Толкам о хозяйственной политике ЦК положил конец, опубликовав в декабре обширную резолюцию по вопросу о хозяйственной политике, вынудив, таким образом, оппозицию точно формулировать свои взгляды. На крупном собрании партработников в Москве Пятаков выступил содокладчиком и огласил резолюцию, при чем тут же обнаружилось, что шедшие до той поры за оппозицией рабочие элементы в такой политике участвовать не станут».

В заключение говорится:

«Долг К.П.Г всецело поддержать в этом кризисе политику ЦК и самый ЦК и отстаивать эту политику, как большевистскую, против всех нападений справа. В союз этот должны быть вовлечены все коммунистические элементы Коминтерна».

„Я был, я есмь, я буду"...

Первого марта Эбертом снято чрезвычайное положение, и тотчас воспрянула вся коммунистическая партия Германии. Повсюду, как грибы после дождя, стали снова выходить запрещенные эбертовской военщиной коммунистические газеты, заработали партийные типографии, возвращены партийные помещения. Снова революционный пролетариат гордо и во всеуслышание бросил свой вызов республике насилия и гнета: „Я был, я есмь, я буду". Со страниц „Роте Фане" — центрального органа компартии—этот гордый клич разнесся по всей стране. Повсюду массы горячо приветствуют снова открыто поднимающий свою голову славный революционный авангард. Бодрое настроение, бодрый дух, бодрая воля— вот что ныне чувствуется в германском пролетариате. Об этом свидетельствуют как нарастающая экономическая борьба, так и выборы в фабзавкомы и местные органы самоуправления. Повсюду массы проявляют свою искреннюю симпатию к КПГ, как к верному другу трудящегося народа, преданному сыну пролетарской революции. Пять месяцев КПГ успешно сопротивлялись бешеному натиску разъяренных фашистов и социал-демократической сволочи с Эбертом во главе; не сломил ее воли роспуск КПГ и всех пролетарских органов революционной классовой борьбы; не сломило ее и тяжелое октябрьское поражение и не менее тяжелый внутренний кризис.

Только-что полученные нами номера вновь легально выходящего „Роте Фане" свидетельствуют о сильном охватившем широкие массы подъеме. Повсюду разгорается борьба против цинично наступающего капитала: в Рурской области двухмесячная героическая борьба металлистов, упорная борьба против удлинения рабочего дня портовых рабочих Бремена, Гамбурга, Бремергафена. Уже появились первые симптомы назревающей острой экономической борьбы рурских углекопов.

Всюду, как политическую, так и экономическую борьбу пролетариата возглавляют коммунисты. Закипела и кампания по выборам фабзавкомов.

Охватившая широкие массы партии дискуссия по резолюциям, принятым на январском совещании в Москве, а также обсуждение их на целом ряде окружных партийных конференциях, дали несомненную победу левому крылу партии. Вот краткая сводка предварительных результатов партийной дискуссии.

Окружная конференция Гессен-Франкфурт большинством голосов против одного высказалась за левых.

Окружная конференция Среднего Рейна и Кельна высказалась за левых при четырех голосах против.

Область Южной Рейнландии, Вестфалии — 60 голосов против 2 (за центр) высказались за левых.

Крупные собрания ответственных работников гг. Дюсссельдорфа и Золингена почти единогласно приняли резолюцию левых. В Силезии—38 против 11, в Гессен-Касселе—13 против 12, в Северной Баварии—9 против 6, в Тюрингии—14 против 11 голосов.

Из районных конференций на сторону левых стали следующие:

Все бранденбург-берлинские конференции и собрания ответственных работников; все конференции Побережья, Гамбургского и Рурского округов, районные конференции в Гагене, Ганновере, Южном Гарце, Гильдесгейме, Цейтсе, Виттенбурге, Мансфельде, Вальденбурге, Мюнхене, Буркштадте, Элинитсе, и, наконец, Лейпциге (последние три саксонские города).

Кроме того, левые получили большинство на областных конференциях Бадена, Пфальца и Саарской области.

За центр высказались:

Окружная конференция Восточной Пруссии, районная конференция в Галле, а также несколько конференций в Хемнице.

Таким образом, левому крылу на предстоящем в ближайшеее время партийном съезде обеспечено большинство.

В первом легальном номере „Роте Фане" от 1-го марта помещено воззвание к рабочим, заканчивающееся следующим призывом:

„Коммунистическая партия не даст себя испугать насилием или заменить демократическими сладостями. Она идет во главе пролетариата, твердо направив свой взор к своей цели в полном сознании своей обязанности **крепко держать связь с массами, всегда с массами бороться, всюду массами руководить.** Будь то в подполье или при открытом существовании, будь она легальна или нелегальна, коммунистическая партия Германии всегда останется смертельным врагом буржуазного порядка, защитником и авангардом всех угнетенных, всех трудящихся. Ее боевой клич останется кличем, раздавшимся еще в дни первого ее выступления:

Долой диктатуру буржуазии! Долой направленное против пролетариата чрезвычайное положение!

Да здравствует пролетарский фронт отпора наступлению капитала!

Да здравствует революционная борьба за освобождение пролетариата!

Да здравствует пролетарская диктатура!"

Р. Стюарт.

Рабочее правительство в Англии.

В апреле 1919 года Джемс Рамсей Макдональд, нынешний премьер-министр Великобритании, поместил в „Юманите" передовицу, в которой он выражал сожаление по поводу возникновения III Интернационала и утверждал, что фактически не было никакого повода для разрыва с II Интернационалом. Он писал:

„Меня, лично, этот факт глубоко огорчает,—ведь, социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причин, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу. Прежде всего нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции. Формы власти, возникшие в результате политических и социальных потрясений, вызванных войной, еще не оправдали себя и не могут быть рассматриваемы, как окончательно установленные".

Далее он указывает, что, „когда в России вспыхнула социалистическая революция, никто не подозревал, что Советы займут в правительстве то место, которое они завоевали с тех пор".

Отвечая Макдональду, т. Ленин писал:

„Рамсей Макдональд, как видит читатель, старается доказать ненадобность раскола. Напротив, именно его неизбежность вытекает из того, как рассуждает Рамсей Макдональд, этот типичный представитель II Интернационала, достойный соратник Шейдемана и Каутского, Вандервельде и Брантинга и т. д., и т. д.

Статья Рамсея Макдональда есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения".

Утверждение, что роль, которую играли Советы в России, была непредвиденной, было опровергнуто Лениным, как „буржуазная ложь": задолго до захвата власти советами, большевики именно предвидели ту роль, которую сыграют Советы...

Ныне гр. Макдональд — этот буржуазный оппортунист и филистер, которого так безжалостно клеймил Ленин,—является первым министром Георга V, короля Великобритании и ее заокеанских доминионов и выполняет роль агента британского империализма.

Какова политика, которую вели и ведут Макдональд и его драгоцен-

ное рабочее правительство? Для чего заседают в „рабочем кабинете" этот хитрый прожектёр со своими виконтами и лордами?

Макдональд уже перестает даже думать о социализме. Пацифисты 1914—18 гг. в роде Лича (Leach) из Независимой рабочей партии защищают теперь и подготовляют расширение и усиление воздушного флота, этого наиболее удобного орудия для кровавого подавления восстающих народов британских колоний.

В первые же дни своего прихода к власти Макдональд обратился к индийским националистам с предостерегающей нотой, в которой он писал, что не допустит никакого насильственного нарушения конституции и законов, на основании которых Великобритания управляет своими колониями и доминионами.

Вот уж подлинно, собака лает, как хозяин велит. Независимая рабочая партия, чьим идеологическим наставником Макдональд состоял в течение многих лет, и которая, подобно своему учителю, раболепствует перед капиталистами, позволяет редактору своего официального органа „Нью Лидер"—Брэйльсфорду—выступать против железнодорожников, бастующих в целях улучшения своего положения. Даже Лэнсбери,—пустой, сентиментальный Лэнсбери,—приглашен читать рабочему классу проповеди о необходимости терпения и рассудительности, дабы рабочее правительство не встретило в своей работе никаких затруднений. Тупые, но рассчетливые „вожди" рабочего движения даже и не помышляют о том, чтобы их правительство активно стало на сторону рабочих и боролось за их интересы против капиталистов.

К счастию, есть указания на то, что рабочие не будут сохранять терпение. Железнодорожники, по крайней мере, часть их, объявили забостовку, и, несмотря на то, что большинство рабочих, занятых на железных дорогах, их не поддержало, они сумели предотвратить на некоторое время снижение заработной платы. За ними забастовали докеры, отрезавшие подвоз продовольствия из всех портов Соединенного Королевства и добившиеся повышения заработной платы. Следующими будут горнорабочие, решившие отказаться от продления соглашения с предпринимателями, на основе которого они работали за мизерную плату со времени своего тяжелого положения в 1921 году.

Какую позицию занимают прежние защитники бастующих—вожди рабочего движения—в этой борьбе? Ту же, что занимал Ллойд-Джордж Представляя интересы „нации" и „общества в целом", они настаивают на мнимой нейтральности. Они (зачастую, при соучастии вождей бастующих) организуют штрейкбрехерство, препятствуя приостановке некоторых важных функций, как, например, перевозка почты и т. д. Вот что, например, ответил бывший постоянный функционер федерации горнорабочих Великобритании Веррисон Хартсгорн на запрос в палате общин по поводу задержания бастующими докерами американской почты в Плимуте:

„Я полностью учитываю важность этого дела. Я весьма сожалею о том, что в отправке почты из Плимута произошла задержка. Рассылка по всей стране заграничной почты является насущной потребностью нации, и правительство принимает необходимые меры для гладкого функционирования этого аппарата. Могу заверить досточтимых джентльменов, что принятые меры обеспечат отправку почты без всякой дальнейшей задержки".

Что это, как не типично буржуазный образчик парламентаризма и несомненное доказательство того, что рабочие министры и в дальнейшем будут пользоваться рабочим министерством, как штрейкбрехерским агентством? Да, этой публике ничего не стоит договориться с профсоюзными вождями, которые являются кровью от ее крови и плотью от ее плоти? Но рабочие переходят в наступление и продолжают экономическую борьбу. Забастовки разоблачают подлинный характер вождей Рабочей партии и их правительства лучше любого пропагандистского аргумента. Макдональд хитер и коварен, как говорил Ленин, но его действия труднее будет истолковывать в разных смыслах, чем его слова. А влияние Коммунистической партии и все нарастающее движение меньшинства в союзах горнорабочих, металлистов и других мы используем для разоблачения позиции „и нашим, и вашим", занимаемой этими вождями II Интернационала, от которого они, по словам Макдональда, готовы отречься, как только его решения станут противоречить интересам Британской империи.

Г. Войтинский.

Партия Гоминдан и китайская революция.

В январе этого года народно-демократическая партия Китая Гоминдан, впервые за 20 лет своего существования, созвала конгресс и приняла устав и программу. Это следует расценивать, как событие большой важности для национального движения Китая. То, что партия Гоминдан, подготовлявшая и проводившая революцию 1911 года, не имела до сих пор ни программы, ни устава, ни регулярного списка членов и не вела политической пропаганды, а занималась исключительно вооруженной борьбой против китайских милитаристов, особенно усилившихся с помощью мирового империализма после революции 1911 года, заставляло многих думать, что партия Гоминдан немногим отличается от партии северных милитаристов, Бийянской партии.

Китайские массы в последние несколько лет, до прошлого года, также перестали видеть разницу между военными действиями Сун-Ят-сена, вождя партии Гоминдан, и У-Пей-фу, Цао-куня или Чжан-Цзо-лина, принадлежащими к партии Чжили, являющейся орудием соперничающих между собой империалистических групп в Китае.

Массы не могли видеть разницы между освободительным движением, руководимым Сун-Ят-сеном, и военными походами и междуусобной войной разных дудзюнов (феодальных князьков Китая), по той простой причине, что партия Гоминдан не выявляла достаточно четкой линии по отношению к империализму в Китае и не искала связей с широкими массами трудового населения в городах и с крестьянами в деревнях.

Поэтому и военные успехи не давали Сун-Ят-сену возможности укрепляться на той территории, которою он овладевал. Его правительство не имело корней в населении, и его войско не составлялось из трудовых масс Китая, знающих, что они борются за национальное освобождение. Войско партии Гоминдан нанималось из безработных элементов городов и пауперизированных крестьян.

Стоило лишь Сун-Ят-сену потерпеть военные поражения, как его правительство свергалось; Сун-Ят-сен снова делался политическим эмигрантом, а партия Гоминдан переставала быть политическим фактором в большинстве провинций Китая. Так было в 1920 г., когда Сун-Ят-сену удалось на время захватить Кантон, так было в 1922 г., когда один из его ближайших соратников и член партии Гоминдан, ген. Чен-Цзон-мин, ему изменил и вошел в контакт с У-Пей фу, находящимся под влиянием англо-американского капитала.

Однако, волна освободительного движения в Китае, начавшая разливаться по всей стране после мировой войны и Версальского мира, не могла не повлиять на партию Гоминдан. Версальский мир узаконил захватническую политику Японии, выразившуюся в известном 21 требовании [1]), а также принял по отношению к Китаю американский принцип „открытых дверей“, т.-е. доступа в Китай американского империализма на равных правах с другими империалистами.

С другой стороны, молодая коммунистическая партия Китая, организовавшаяся в 1920 г. и уже успевшая связаться с рабочими массами, давшая свои жертвы в первой грандиозной забастовке Китая, в феврале прошлого года на Пекин-Ханькоуской ж. д., еще в 1922 г. выпустила манифест к демократическим организациям Китая, предлагая единый фронт против империализма, за демократизацию страны, против отечественного милитаризма.

Китайская коммунистическая партия стремилась связаться с Гоминдан, чтобы повлиять на нее в сторону оформления национального движения, как движения антиимпериалистического, с одной стороны, и уничтожающего остатки феодализма и демократизирующего страну—с другой.

Нелегко было молодой коммунистической партии, основная задача которой в данное время заключается в том, чтобы способствовать кристаллизации нарождающегося пролетариата, создавать и развивать рабочие классовые организации,—нелегко было этой партии, еще малочисленной и незакаленной в борьбе, понять и проводить в жизнь другую задачу, данную ей Коммунистическим Интернационалом—суметь сочетать классовую пролетарскую борьбу с национальным движением в стране.

Однако, Компартия Китая приступила к выполнению этой задачи и с честью ее выполняет. По инициативе и при участии китайской Компартии созывался первый конгресс национальной партии Гоминдан, при участии и с помощью китайской Компартии была выработана программа Гоминдан, в которой основные принципы этой партии: национализм, демократизм и государственный социализм, интерпретируются таким образом, чтобы способствовать развертыванию национального движения с юга Китая на север, вовлекая в борьбу против империализма широчайшие массы трудового населения городов и крестьянства.

В манифесте партии Гоминдан, принятом 20 января сего года на первом ее конгрессе, между прочим, говорится:

> „Гоминдан не может не продолжать бороться всеми силами за освобождение китайского народа от двоякого гнета, опираясь на широкие массы крестьян, рабочих, интеллигенции и среднего торгового класса. Национализм для каждого из этих слоев означает уничтожение гнета иностранного империализма. Если для торгово-промышленных слоев национализм означает избавление от иностранного экономического гнета, исключающего возможность развития национального хозяйства, то для трудовых слоев национализм означает избавление и от ставленников империализма, милитаристов и капиталистов как иностранных, так и национальных, хищнически эксплоатирующих их жизненные интересы. Вся задача борьбы за национальное освобождение для широких народных масс заключается в антиимпериализме.
>
> Партия Гоминдан покажет на деле, что там, где империализм в результате национальной борьбы ослаблен, массы получают возможность лучшего развития и укрепления своих организаций для дальнейшей борьбы. Гоминдан докажет, что его принцип национализма воплощает в себе понятие здорового антиимпериалистического движения; для этого он должен всеми силами поддерживать организации народных масс, этим самым развязывая национальную энергию. И только в глубокой связи с массами Китая залог достижения действительной национальной независимости страны“.

[1]) Эти требования были предъявлены японским послом в Пекине китайскому президенту Юаньшикаю в 1915 году. Главные из них: Шаньдунская провинция и порт Киао-Чао переходят к Японии. Япония получает преимущественные права на эксплоатацию природных богатств Китая, Японии предоставляется право контроля над китайскими жел. дорогами и т. д.

Тот, кто знаком с деятельностью Гоминдана за последние несколько лет, не может не сказать, что такого рода понимание национализма свидетельствует об огромном сдвиге в идеологии и тактике этой партии. Не менее знаменателен и другой пункт манифеста, где говорится о демократизме:

> „В условиях современного общества так-называемый демократизм вырождается в систему и аппарат угнетения народных масс буржуазией. А демократизм Гоминдана—это народовластие всего народа, а не только меньшинства его. Демократизм Гоминдан рассматривается не с точки зрения „врожденных прав человека вообще“, но как принцип, соответствующий революционной потребности в данное время в Китае. Власть принадлежит только гражданам республики и очевидно, что нельзя давать власть противникам революции. Точнее говоря, в то время как всеми правами и свободами должны пользоваться те элементы населения и организации, которые стоят на платформе действительной борьбы против милитаризма,—эти свободы ни в коем случае не распространяются на те элементы и организации в Китае, которые способствуют иностранным империалистам и их ставленникам—китайским милитаристам“.

Само собой разумеется, что от обещания национальной партии до желания и умения выполнить обещанное—дистанция огромная. Нет сомнения в том, что в широких массах китайского народа эти принципы найдут глубокий отклик и будут содействовать сплочению масс вокруг Гоминдана, поскольку он поведет борьбу против империализма.

Не менее важна с точки зрения революционизирования масс и вовлечения их в борьбу против империализма программа-минимум Гоминдана, в которой, между прочим, имеются следующие пункты:

> „1. Все договоры между Китаем и другими державами, благодаря которым в Китае было установлено и поддерживаемо право экстерриториальности, иностранная юрисдикция или иностранные суды,

точно так же, как и договоры, дающие иностранным державам право управления таможней в китайских портах, равно как и всякие другие договоры нарушающие суверенитет Китая, должны быть отменены. Вместо них должны быть заключены новые договоры на основе полного равенства с другими державами и полного уважения ко взаимному суверенитету".

И дальше 5-й пункт, гласящий:

„Долги, заключенные неответственными правительствами, подобными правительству, ныне захватившему национальную власть в Пекине, долги, идущие не на увеличение благосостояния народа, но для поддержки и продолжения милитаристской тирании, подкупов и частной наживы, не будут оплачиваемы китайским народом.

Державы и все заинтересованные лица, дающие подобные займы, настоящим предупреждаются о том риске, которому они подвергаются".

В области внутренней политики партия Гоминдан в своем манифесте обещает борьбу против дудзюната (система военных генерал-губернаторов), облегчение крестьянского налогового бремени, содействие крестьянам в переселении и культивировании новых земель, всеобщее избирательное право, рабочее законодательство, свободу печати, слова и т. д., всеобщее образование.

Нельзя сказать, чтобы такого рода программа была приемлема для всех членов Гоминдана. Часть этой партии состоящая из представителей торгового капитала, находящихся со времени китайской революции на Филиппинских островах, на Яве, в Сингапуре, сделавшихся одновременно отчасти землевладельцами, отчасти промышленниками и, благодаря финансовой поддержке, оказываемой ими партии, еще продолжающие иметь влияние в Гоминдане, будет против такого рода демократизма. При помощи своих сторонников они несомненно будут тянуть Сун Ят-сена назад. Вот здесь Коммунистическая партия Китая и должна будет показать свое уменье поддерживать левое крыло Гоминдана, разоблачать малейшую ошибку националистов, могущую вести к отрыву от масс, что в условиях Китая, страны полуколониальной, означает сближение с империалистами.

Нам думается поэтому, что устав, чрезмерно централизирующий партию, может в будущем стать опасным для левых элементов Гоминдана и в процессе дальнейшего развития может превратить Гоминдан в чисто-буржуазную партию, национальную в ином смысле, чем этого требует манифест ее первого конгресса.

Задача наших товарищей китайских коммунистов состоит в том, чтобы внутри Гоминдана добиваться большего демократизма, дабы иметь больше простора для маневрирования левыми элементами Гоминдана.

Во всяком случае, начинается новая фаза в национально-освободительном движении Китая, чреватая крупнейшими последствиями.

Тивель.

Вопросы индийской революции.

Когда думаешь:

В Индии 320 миллионов населения, народы Индии имеют за собой могучую тысячелетнюю культуру; природные богатства страны колоссальны; в XVII—XVIII веках Индия была богатой промышленной страной, вывозившей даже в Европу большое количество мануфактуры, — встает основной вопрос:

Каким образом англичанам удалось овладеть страной, распространить свое влияние на всю огромную территорию Индостана, почти равную Европейской России, держать в течение 2-х веков народы Индии в угнетении, препятствовать экономическому развитию страны?

Разрешение этого вопроса необходимо для уяснения современного политического положения, для понимания характера и перспектив индийского национального движения.

Территория Индии никогда не находилась под единой властью. Нужно помнить, что и до сих пор Индия отнюдь не представляет собой единого целого ни в национальном, ни в этнологическом, ни в религиозном отношениях. На полуострове Индостана мы находим представителей почти всех человеческих рас. Пестрота языков, наречий—их в Индии 360—и религий оставляет далеко за собой многообразие Европы. При нормальном ходе экономического развития Индия представляла бы собой ряд отдельных государств, весьма разнящихся друг от друга в экономическом и в культурном отношении: Бенгал и восточное побережье Индии с богатыми залежами железа и угля, и аграрный Пенджаб или Синд,—их развитие сложилось бы совершенно различно.

Когда англичане в поисках источников сырья появились в XVII веке в Индии, страна находилась в состоянии бесконечных феодальных войн. Мирное развитие земледелия и ремесла, оживленная внутренняя и внешняя торговля сильно страдали от междоусобиц и дворцовых переворотов. Но туземный торговый капитал, хотя уже подчинивший своему влиянию феодальных властителей, ссужая их средствами для ведения войн, был еще слишком слаб, чтобы вырвать политическую власть из рук феодалов, сила которых уже клонилась к упадку; он еще не был достаточно развит, чтобы положить начало созданию национальных государств.

Но эта революция близилась. Третье сословие, и ремесленники, и земледельцы, жаждали конца феодальной анархии. Торговый капитал должен был рано или поздно притти к власти. И когда в стране появились представители могучего торгового капитала, капитала английского, им удалось, при поддержке местного, торгового капитала, при молчаливой поддержке масс крестьян и ремесленников, эту революцию осуществить. Власть из рук феодалов перешла в руки пред-

ставителей торгового капитала, но это был капитал не местный, а чужеземный.

В первый период своего проникновения в страну англичане явились революционерами, но этим периодом их революционизирующая исторически прогрессивная роль и закончилась [1]). Плоды этой революции обратились не на пользу туземного торгового капитала, не для дальнейшего экономического и социального развития страны; они были целиком использованы в интересах иностранного капитала. Процесс экономического развития Индии был извращен, приостановлен, обращен вспять. Ремесло было разрушено, хотя оно еще не уступило место машинному производству, а было только стеснено товарами иностранного происхождения. Индийские купцы оказались отрезанными от своих обширных иностранных рынков и превратились в посредников и агентов английского капитала Земледелие постепенно было также вовлечено в орбиту капиталистического влияния, но лишь в отношении характера использования продуктов земледельческого труда и выбора рода культуры. Землевладение попрежнему оставалось мелким, землепользование — малокультурным, но крестьянин—мелкий арендатор (в Индии вся земля принадлежит государству и сдается в аренду или непосредственно земледельцам, или крупным арендаторам, которые сдают ее мелкими участками дальше) вынужден был возделывать не то, что ему было выгодно, а те продукты, которые нужны были английской промышленности—хлопок, технические растения. И все продукты его труда становились предметом торговой спекуляции. Таким образом, земледелие подвергалось всем отрицательным сторонам капиталистического воздействия, не пользуясь его положительными сторонами, — улучшением способов обработки, прекращением раздробления обрабатываемой земли, препятствующей введению рациональных методов.

Однако, процесс экономического развития страны не мог быть приостановлен навсегда. Туземные купцы в роли посредников и крупные арендаторы обросли капиталом, который они могли применить только в промышленной области. Внешний рынок был для них закрыт, земледелие не давало простора для деятельности. И туземная промышленность начинает развиваться,—медленно, мучительно, с трудом преодолевая сопротивление англичан.

Некоторые отрасли промышленности — горная, которая захвачена англичанами, кораблестроительная, которая была просто запрещена, железнодорожное строительство и эксплоатация жел. дор., — это право принадлежит только государству,—до сих пор закрыты для местного капитала. С тем большей интенсивностью стали развиваться другие отрасли, главным образом текстильная — обработка хлопка, шерсти, джута и металлургическая.

Война 1914 — 18 гг., временно лишившая англичан возможности интенсивно использовать Индию, как рынок сбыта и до известной степени как источник сырья, заставила их ослабить вожжи. Индийская промышленность получила сильный толчок к развитию и развернулась чрезвычайно быстро. В третьем десятилетии XX века Индия оказалась одной из 8-ми величайших промышленных стран мира.

[1]) Подробно об этом процессе см. в книге т. Роя—„Новая Индия", Госиздат, 1922 г.

Экономический рост страны естественно сопровождался развитием национального самосознания индийской буржуазии и интеллигенции. Индийская интеллигенция, фактически порожденная самими англичанами, в результате оказалась застрельщиком антианглийского движения. Когда англичане укрепились в стране, они нуждались в человеческом материале для обслуживания своего административного и торгового аппарата, в проводниках своего культурного влияния. Они открыли большое количество школ и создали обширный класс интеллигенции, воспитанной на английской культуре и служившей англичанам опорой и противовесом против реакционных феодальных, консервативных слоев туземного общества.

Но по мере того, как укреплялась экономическая база для борьбы за автономию, индийская интеллигенция ту же самую идею конституционности и демократии, которую она усвоила, воспитываясь на английской культуре, обратила против англичан, требуя применения конституционности и демократии и у себя на родине.

Индийское национальное движение зародилось, как движение национальной буржуазии, руководимое и идеологически оформленное индийской интеллигенцией. От этого конституционного и лойяльного движения скоро отделилось движение мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции, которым было не по пути с крупной и средней буржуазией и бюрократической интеллигенцией, договаривающимися с англичанами на основе раздела политической власти между капиталом английским и капиталом индийским. Мелкая буржуазия и низшие слои интеллигенции пошли своим путем, начав свое национальное движение с терроризма, а в дальнейшем служа основой движения пассивного сопротивления и бойкота.

Параллельно с ростом промышленности шло создание индийского рабочего класса, у которого только теперь начинает формироваться чувство классового самосознания, и который лишь в самое последнее время начинает оказывать влияние на политическую жизнь страны.

Совершенно самостоятельно развивается крестьянское движение, насчитывающее уже несколько десятилетий. В последние годы оно было вовлечено в общенациональное движение бойкота.

Из взаимодействия этих четырех движений — буржуазии крупной и средней, буржуазии мелкой и радикальной интеллигенции, рабочего класса и крестьянства складывается борьба Индии за национальное освобождение. Уже самое сочетание таких элементов, интересы которых противоречат друг-другу, делает процесс этой борьбы чрезвычайно сложным, зигзагообразным, что отчасти и объясняет это изумительное историческое явление:

Полтораста тысяч иностранцев (таково число англичан в Индии) в течение двух веков держат в экономическом, социальном, культурном, политическом угнетении население в 320 миллионов.

М. Зеликман.

Рабочее движение в капиталистических странах.

(Обзор за февраль.)

Начало текущего года может быть характеризовано тем, что отдельные пролетарские отряды то здесь, то там начинают переходить от обороны к наступлению. Но наступление рабочего класса наталкивается на организованное сопротивление капиталистов, ободренных своими успехами в борьбе против рабочего класса в течение истекшего года, в особенности последней четверти его, когда движение германских революционных рабочих было сломлено объединенным фронтом всех «живых сил» Германии от Секта-Стиннеса до Эберта-Гильфердинга включительно.

Среди наступательных вылазок пролетариата за февраль текущего года первое место занимают английские рабочие. Едва успела закончиться железнодорожная забастовка, как началось движение докеров, забастовавших 16-го февраля. Но забастовку докеров нельзя рассматривать, как изолированный от движения других частей английского рабочего класса акт. Наоборот, эта забастовка тесно связана с тем, что происходит в английском рабочем классе. А в нем происходит движение не только среди работающей армии, но и в армии безработных. Безработица охватывает 10—11% всех организованных рабочих (на 11 февраля по официальным данным зарегистрировано 1.153.000 безработных). Она превратилась в обыкновенное для Англии явление. Между тем, до войны безработных обыкновенно числилось в среднем от 1,2 до 2% организованных рабочих. Поэтому вопрос о безработице является для Англии одной из основных проблем.

С приходом к власти Рабочей партии эта проблема принимает особую остроту. Английские рабочие не лишены, как известно, иллюзий на счет так называемого рабочего правительства. Поэтому, мы наблюдаем теперь среди английских рабочих движение, напоминающее некоторым образом движение среди рабочего класса Англии почти сто лет тому назад, когда английские рабочие апеллировали к либеральной части английской буржуазии, предъявляя ей ряд требований, названных «хартией» отчего само движение получило название чартистского движения). Подобное «чартистское» движение происходит сейчас среди безработных.

7-го февраля была выпущена программа требований, выдвинутая Генеральным Советом Конгресса трэд-юнионов и Комитетом организации безработных. Эта программа, прозванная «хартией безработных», является одним из первых выступлений объединенного совета обеих организаций, основанного после последнего конгресса трэд-юнионов, на котором было положено начало совместной деятельности Генерального Совета и организации безработных. «Хартия» эта состоит из следующих 6 пунктов:

1) Работа или достаточное содержание для всех безработных. Усиление государственного пособия, которое должно выдаваться через профсоюзы. Дело пособий безработным не должно больше находиться в руках управления по делам помощи бедным.

2) Немедленное проведение в жизнь правительственных планов организации работ, на которых должны быть заняты безработные для работы по своей специальности по ставкам трэд-юнионов и на тех же условиях, что и члены трэд-юнионов.

3) Создание государственных мастерских по выработке предметов для надобностей государственных учреждений и для их обслуживания.

4) Уменьшение рабочего дня, с тем, чтобы дать работу безработным: нормальный рабочий день должен устанавливаться согласно требований данного производства.

5) Создание профессиональных школ для безработных, где они смогут учиться, получая при этом содержание. Школы создаются, главным образом, для безработных подростков и инвалидов—участников войны.

6) Снабжение рабочих жилищами по их средствам.

Одновременно с хартией конгресс трэд-юнионов и организация безработных выпустили воззвание к членам профсоюзов и рабочей партии и ко всем живущим наемным трудом с призывом поддержать эти требования.

Эта программа требований, предъявленная безработными, ставит правительство Макдональда в довольно затруднительное положение. Рабочее правительство не спешит пойти навстречу требованиям рабочих масс. Вопрос об увеличении пособий и о реорганизации самой системы страхования—о передаче дела страхования из рук «попечительств о бедных» в руки классовых рабочих организаций—остается открытым. Правительство в своих официальных заявлениях (программная речь Макдональда, беседа Клайнса с представителями муниципалитетов крупных промышленных центров) указывает, что оно прежде всего будет заботиться об улучшении положения торговли и промышленности, что де приведет «к коренному разрешению» вопроса. Но эти объяснения не удовлетворяют безработных. Разговорами об общем улучшении положения страны либеральное и консервативное правительства кормили их слишком долго, от рабочего правительства безработные настойчиво ждут немедленного облегчения своей участи. Но этого-то сделать не может такое рабочее правительство, какое имеется сейчас в Англии.

При таком положении дел среди рабочих масс Англии союз транспортников и чернорабочих постановил объявить с 16-го февраля забастовку во всех английских портах, если к тому времени не будет достигнуто соглашение с всеанглийским советом предпринимателей, пользующихся трудом портовых рабочих. Четырехдневные переговоры между докерами и предпринимателями не привели ни к каким результатам, в виду отказа предпринимателей выполнить требования докеров, т.-е. увеличения заработной платы на 2 шиллинга в день с тем, чтобы дневной минимум для крупных портов составлял 12 шиллингов и для мелких портов—11 шиллингов, при соответствующем увеличении сдельной заработной платы и гарантированной неделе для всех зарегистрированных докеров. Удовлетворение этих требований увеличило бы заработную плату в целом на 2 миллиона фунтов стерлингов в год для ½ миллиона докеров, в то время, как доходы портовых предпринимателей составляют около 19 миллионов фунтов стерлингов в год.

Требование докеров дают значительный простор для соглашения и в общем они сводятся к следующему:

1) Заработная плата должна быть не ниже бывшей до сентября 1922 года.

2) Нужно ввести новую расценку сверхурочных работ.

3) Заработная плата не должна автоматически изменяться при повышении или понижении товарного индекса.

4) Должна быть гарантирована определенная недельная заработная плата, независимо от количества фактически проработанных дней.

Эти требования союза поддерживаются родственными союзу организациями. Общее число членов заинтересованных союзов достигает миллиона человек, но помимо докеров они объединяют также значительное число рабочих других категорий. Так, например, союз транспортников и чернорабочих, число членов которого достигает 300.000 человек, имеет в своем составе только около 100.000 докеров.

В ответ на эти требования предприниматели предложили 1 шиллинг увеличения зарплаты, относительно же 2-го шиллинга выразили согласие передать этот вопрос на рассмотрение арбитражного суда и по отношению к вопросу о гарантированной неделе—созвать конференцию для его разрешения. Эти предложения были отвергнуты докерами, и 16-го февраля во всех портах Великобритании бастовало свыше 125.000 рабочих.

С самого начала забастовки докеры показали небывалую в истории их

союза солидарность. Во всех портах одновременно прекратилась работа. Рабочие с величайшей решительностью заявили об их намерении бороться до конца, не отступая ни на один шаг. Бастующие пользовались симпатиями всего рабочего класса Англии. В Ливерпуле, в знак солидарности, 2.000 кладовщиков и несколько сот рабочих буксирных пароходов прекратили работу. Рабочие буксирных пароходов других портов последовали примеру ливерпульских товарищей. В Глазго рабочие, непосредственно связанные с докерами, отказались служить в качестве штрейкбрехеров. Железнодорожники Шотландии заявили, что в случае привлечения штрейкбрехеров, они немедленно примкнут к бастующим докерам. В Саутгамтене 500 истопников из 600 прекратили работу в знак сочувствия докерам. В Бракдфорде 1.600 транспортных рабочих заявили о своей готовности поддержать бастующих докеров всеми возможными мерами. 18-го февраля большинство рабочих союза грузчиков кораблей в Лондоне, вопреки инструкции своего союза продолжать работу, на работы не явились и те, которые явились, были допущены к работе бастующими докерами в виду их незначительного количества.

В первый день забастовки в отдельных портах портовые предприниматели пытались сорвать забастовку. В одних случаях, предлагая немедленную прибавку в 1 шиллинг, в других—предлагая 2 шиллинга. Но все эти предложения были отвергнуты рабочими, которые не желали заключить частичные соглашения с работодателями.

На состоявшемся 19-го февраля экстренно созванном Генеральном Совете профсоюзов было единогласно заявлено о полной солидарности с бастующими докерами и все объединенные профсоюзы призывались всемерно содействовать бастующим докерам, для того, чтобы обеспечить полную победу. В рабочих кругах эти резолюции считались особенно важными для поднятия духа бастующих.

Английское правительство не смогло оставаться в качестве лишь постороннего зрителя. Оно вмешалось тем, что начало искать «начало всех начал» забастовки. 19-го февраля министром труда—Шоу была назначена комиссия по расследованию причин забастовки. Комиссия сохраняет за собой право допрашивать всех, но не носит характера арбитражного суда, и решения комиссии не обязательны. Эта комиссия занялась своей исследовательной работой не без участия тех 51 пароходных обществ, которые представлены в английской палате общин 24 депутатами.

20-го февраля велись беспрерывные переговоры между представителями союза докеров и предпринимателями, 21 утром пришедшими к соглашению, которого нельзя считать победой докеров. Условия соглашения таковы: 1) заработная плата увеличивается на 1 шиллинг немедленно, а с 2-го июня с/г. увеличивается еще на 1 шиллинг в день и 2) согласие предпринимателей на 44-часовую рабочую неделю. Эти условия, которые лидеры докеров считают удовлетворением на 98% требований бастовавших, встретили дружный отпор среди докеров. Но на ряде митингов, проведенных по всей стране среди бастовавших докеров, лидерам удалось получить согласие большинства на прекращение забастовки на указанных выше условиях.

Во Франции февраль месяц прошел в проведении среди рабочих лозунга Унитарной Конфедерации Труда о повышении заработной платы на 6 франков в день или 1.800 франков в год. Это движение за повышение заработной платы встретило живой отклик массы рабочих и служащих, среди которых почти стихийно вспыхивают забастовки на почве требования увеличения заработной платы. Это движение идет параллельно с падением курса франка и ростом дороговизны. За год оккупации Рура франк сделал следующий скачек: 16-го февраля 1923 г. за фунт стерлингов платили 77 франков, 15-го т/г.—96,7 франка. С тех пор франк продолжал падать. За этот же период цены продуктов поднялись почти вдвое. Так, например, стоимость 100 кило картофеля поднялась с 28 до 48 фр., сахар с 191 фр. до 283, масло с 1.200 до 1.700 (за 100 кило). В такой же приблизительно пропорции возросли цены на одежду, обувь и т. п. Кроме этого, последний закон о квартирной плате поднимает ее на 80%. Если ко всему этому прибавить проведенный правительством закон о повышении всех налогов на 20%, то понятно будет, насколько все это отражается на положении трудящихся.

Для отпора дружному наступлению капиталистов требуется единодушный отпор рабочих масс. Это единодушие во Франции еще труднее сорганизовать, чем в какой-нибудь другой стране. Но, несмотря на сопротивление вождей реформистской Конфедерации Труда, массы заставляют вожаков конфедерации осуществить единый фронт. 17-го февраля состоялось совместное заседание представителей Унитарной и Реформистской Федерации строительных рабочих. Обе эти федерации сошлись на том, что необходимо восстановить единство всех строительных рабочих. Основой соглашения является Амьенская программа, из которой, однако, реформисты стремятся вытравить революционные пункты. Созыв объединительного съезда предполагается на 4-е мая т/г.

В борьбе французских рабочих следует отметить за февраль забастовку сапожников, охватившую рабочих 70 обувных фабрик. Забастовка проходила очень дружно и штрейкбрехеров почти не встречалось. Главное требование—увеличение заработной платы. Рабочие достигли увеличения от 12 до 25 франков в неделю в зависимости от специальности. Кроме того, в некоторых предприятиях рабочим удалось добиться оплаты недельного отпуска в году, а в некоторых, сверх того, признания предпринимателями фабрично-заводского комитета в качестве официального представителя рабочих, регулирующего вопросы тарифов и внутреннего распорядка.

В Польше промышленный кризис, еще более обострившийся последние месяцы вследствие попытки польского правительства стабилизировать марку, вызвал усиленный натиск капиталистов на рабочих. Это наступление капитала в Польше имеет двоякий характер: вследствие депрессии в экономической конъюнктуре происходит или полное закрытие фабрик или сокращение производства на продолжающих работать, это, так-сказать, «естественная» причина, а к ней прибавляется сознательное стремление предпринимателей использовать благоприятную ситуацию для наступления на рабочих.

Такое положение на польском рынке труда объясняет одну из причин огромной безработицы в Польше. Газеты переполнены сообщениями о новых сокращениях штатов на различных фабриках и заводах и новом усилении безработицы.

Но для того, чтобы ясно представить себе картину безработицы, необходимо к числу бесспорно безработной массы прибавить еще и те массы рабочих, которые заняты всего один-два дня в неделю, не говоря уже о тех (а к ним принадлежит громадное большинство), которые заняты только три дня в неделю.

Приблизительную картину безработицы в текстильной промышленности можно себе представить по данным статистического отдела лодзинского магистрата, опубликованным в первых числах февраля. Согласно этим данным:

6 дней в неделю работает 8% общего числа рабочих.
5 дней в неделю работает 2% общего числа рабочих.
4 дня в неделю работает 12,5% общего числа рабочих.
2—3 дня в неделю работает 40% общего числа рабочих.
1 и совсем без работы—37,5% общего числа рабочих.

Более или менее полную картину сокращения производства в различных областях промышленности дают нижеприведенные цифры, почерпнутые нами из интервью председателя центрального союза промышленников, помещенного в «Речи Посполитой». По сравнению с декабрем 1923 г., производство сократилось: в текстильной промышленности—на 40%, в металлообрабатывающей—на 60%, в химической—на 60%, в стекольной—на 62%.

Начиная с января 1924 года, стоимость продуктов первой необходимости стала резко догонять довоенную стоимость для того, чтоб значительно ее обогнать уже в конце месяца. Так, в первой половине января цены на продукты первой необходимости достигают 109% довоенных, во второй половине января уже 128%, а в начале февраля свыше 135%.

Небольшими отрядами повести успешную борьбу при этих условиях рабочий класс Польши не может. Поэтому сквозь строй пепеэсовских заграждений все больше просачивается стремление рабочих к установлению единого рабочего фронта. Более активные рабочие видят возможность подготовки единого фронта посредством созыва рабочего съезда. Поэтому лозунг рабочего съезда все больше проникает в рабочую среду, но осуществление созыва съезда еще стоит под вопросом, так как и сам съезд и подготовка к нему неминуемо встретит массу препятствий.

Тяжело попрежнему положение германского пролетариата. Безработица одолевает германских рабочих. О точном числе безработных

и работающих неполное время трудно получить точные цифры, и хваленая некогда немецкая аккуратность окончательно в этом отношении скомпрометирована теперь путаными сплошь и рядом статистическими данными. Например, газета Стиннеса «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 1/I оценивает число безработных и работающих неполное время в 4—5 миллионов, а центральный орган германской социал-демократии, «Vorwärts», от 5/II отмечает, что к 13/I насчитывалось: 1.429.000 безработных и 400.000, работающих неполное время и получающих пособие.

Что касается заработной платы германских рабочих, то в нашем распоряжении имеются данные по январь, которые приводит официальный орган государственной статистики «Wirtschaft und Statistik» (№ 3, за первую половину февраля с. г.). Из этих данных видно, что с октября—ноября начался перелом в сторону медленного увеличения зарплаты, которая не только не достигала довоенного уровня, но еще не догнала даже высоты первой половины 1922 г. В виду огромного интереса, который представляет кривая изменения зарплаты, мы приведем из указанного выше источника следующую табличку, представляющую среднее недельной заработной платы в золотых марках:

МЕСЯЦЫ.	Квалифиц. рабочий.		Неквалифиц. рабочий.	
	В марках.	В %%.	В марках.	В %%.
1913 г.	35,02	100	24,31	100
Апрель 1922 г.	25,17	71,5	22,79	93,4
Октябрь „ „	19,20	54,8	17,19	70,7
Январь 1923 г.	17,05	48,7	15,45	63,6
Апрель „ „	25,96	74,1	23,34	96,0
Июль „ „	16,80	48,0	15,06	62,0
Октябрь „ „	18,22	52,0	15,74	64,8
Декабрь „ „	24,53	70,1	20,66	85,0

При анализе этих цифр не следует забывать, что они исчислены на основе официальных курсов и в действительности отстоят от реальной довоенной марки. Но приблизительную картину зигзагообразного движения зарплаты они все-таки дают. Рядом с данными о заработной плате мы находим в том же номере указанного источника показательные данные относительно снижения цен за последние три месяца. Следующая табличка показывает снижение цен на предметы первой необходимости (в триллионах бумажных марок):

Предмет.	Стоимость на		%% снижения (—) или повышения (+).
	26/XI—23 г.	4/II — 24 г.	
Питание	119,58	68,55	— 43
Отопление и освещение	13,99	11,43	— 18
Одежда	25,99	20,48	— 21
Жилище	1,15	7,98	+ 594
Всего	160,71	108,44	— 33

По отношению к этой таблице необходимо сделать ту же оговорку, что и к предыдущей, так как приведенными данными следует пользоваться, как ориентировочным материалом, а не как абсолютно точными итогами. В особенности это относится к переживаемому Германией периоду, когда судьба марки так изменчива и так часто подвергает германскую валюту мучениям «падучей болезни». О полной стабилизации марки еще пока не может быть и речи. Для этого придется раскошелиться германскому капиталу, который пока пытается спасать «свое отечество» за счет трудящихся масс. Это видно из тех тяжелых налогов, которые взвалены на плечи тех, кто живет своим трудом.

На налоговом обложении зарплаты останавливается подробно т. Геллейн в № 12 «Inprekorr» от 25 января с/г. Из проводимой т. Геллейном подробной таблицы мы возьмем несколько данных, характеризующих увеличение налогов в 1924 г. в сравнении с 1914 г. Тогда получим в процентах от дохода (в зол. марках):

Недельный заработок.	Налог в 1914 г.		Налог в 1924 г.	
	Холостой.	Семейный.	Холостой.	Семейный.
20 марок	1,1	—	4,0	2,8
40 „	3,1	2,6	7,0	4,9
57 „	3,7	3,1	7,9	5,5

В среднем получается, что налоговое обложение возросло вдвое по сравнению с довоенным, в то время как по официальным приведенным нами данным, заработная плата составляет всего лишь $^2/_3$ довоенной.

Приведенная выше таблица о зарплате дает среднее для всей Германии, но если остановиться на отдельных отраслях труда, то эти числа меняются. Например, для квалифицированного металлиста мы получаем 69,8% довоенной к началу т/г. И это отчасти объясняет то, что на происходившем в Касселе съезде металлистов (18—23 февраля) представители реформистов, с Дисманом во главе, должны были вести осторожную тактику и не слишком распоясаться, потому что хвалиться им особенно не чем было. Коммунистическое крыло насчитывало на этом съезде около 150 из 400 делегатов, среди которых «левые» с.-д. также насчитывали 150, а правые реформисты—100.

На этом съезде металлистов коммунисты предлагали «левым» с.-д. блок против правых, с условием выбросить последних из правления союза. Это предложение коммунистов было отклонено «левыми», и 252 голосами было избрано старое правление. Съезд подтвердил производимые ранее исключения коммунистов, но вместе с тем вынес порицание «Форвертсу» за его нападки на Межрабком и дал отпор раскольническому предложению реформиста Уриха о лишении мандатов группы коммунистических делегатов (60 мандатов). Несмотря на то, что союз металлистов насчитывает 25% безработных и 50% работающих неполную неделю, съезд ничего конкретного не предпринял, кроме общей резолюции о повышении выдаваемого пособия и сохранения 8-час. рабочего дня, хотя профсоюз металлистов чаще других союзов разрешал нарушение 8-мичасового рабочего дня. Не обошлось, разумеется, и без того, чтобы не лягнуть Профинтерн, что было выполнено Ильгом, представителем от амстердамского объединения металлистов.

Реформистские говоруны на сей раз оставили революционную фразу, стремились изолировать коммунистическое крыло, с которым они всячески избегали установить деловое сотрудничество.

В конце нашего обзора коснемся кратко конгресса Японской Федерации Труда и демонстрации китайских железнодорожников.

В начале февраля текущего года состоялся конгресс Японской Федерации Труда, на котором присутствовали 170 делегатов. В результате трехдневных дебатов конгресс вынес резолюции: 1) о борьбе против проведения

закона о преследовании социалистов, 2) протест против погромов в Корее и Камейдо и за организацию массовых митингов протеста, 3) за немедленное признание правительства СССР, 4) за образование новой специальной организации для поддержки забастовок, 5) за организацию новых отделов федерации: а) женского отдела и б) политического отдела в целях образования политической партии и для борьбы за рабочее законодательство, 6) за образование Биржи Труда, открытие пролетарских воскресных школ, установленных дней пропаганды, 7) за сотрудничество с крестьянским союзом и 8) отмену системы обязательных сверхурочных работ. Конгресс закрылся при пении революционных песен.

7-го февраля, в годовщину кровавой расправы, учиненной генералом У-Пей-Фу над рабочими железнодорожной линии Пекин—Ханькоу, китайские власти, чтобы помешать демонстрациям в память расстрелов, распорядились закрыть целый ряд железнодорожных месткомов, при чем было опечатано все делопроизводство и подвергнуты арестам и высылке активные профработники.

Репрессии, однако, не помешали железнодорожникам организовать съезд, который состоялся в Пекине. Съезд вынес резолюцию о поддержке национально-революционного движения в Китае и присоединение к Профинтерну. Постановлено также организовать национальную федерацию железнодорожных союзов Китая. В сильной степени разрозненные, эти союзы и на этот раз встретят, вероятно, серьезные затруднения в своих попытках к объединению, так как и железнодорожная администрация, и местные военные власти, и центральное правительство примут все меры против объединения наиболее революционных элементов в китайском рабочем движении, каковыми, несомненно, являются железнодорожники.

Критика и библиография.

„Деловая оппозиция“ и ревизия ленинизма.

В. Ваганян. В. И. Ленин о задачах внутрипартийного строительства. Изд. „Московский Рабочий“, 1924 г., стр. 66.

Ошибается тот, кто развернет названную книжку с ожиданием познакомиться с действительными взглядами В. И. Ленина на партийное строительство. Широкий заголовок прикрывает узкую практическую цель этой выпущенной в разгар дискуссии брошюры: защитить точку зрения оппозиции по организационному вопросу. Осужденная Всесоюзной партийной конференцией, эта точка зрения сама по себе потеряла всякую злободневность и интерес. Полемика с автором по существу ее была бы совсем скучна, поскольку вся партия широко обсуждала эти вопросы. Но безусловно заслуживают внимания и строго-критического отношения ссылки автора на В. И. Ленина и некоторые теоретически неверные положения.

С первых же страниц бросается в глаза неправильная и вульгарная постановка вопроса о ревизионизме. Автор спрашивает:

> „Является ли современная оппозиция деловой оппозицией или она возникла на основе ревизии теоретических воззрений В. И. Ленина? (Курсив наш.—В. А.)

Если да, то, по мнению автора, право большинство партии в своем резком отпоре оппозиции, если нет, то разговоры о ревизии есть „спекуляция именем учителя“. Были ревизионисты, говорит автор, но что они критиковали? Марксизм,—

> „т.-е. ту самую теорию, которая являлась наилучшим идеологическим выражением революционных стремлений пролетариата“. (Курсив снова наш.—В. А.)

Все это не совсем точно. Ревизионисты пересматривали не только теорию, но и практику революционного марксизма. Равным образом, марксизм (и ленинизм) есть не только определенные „теоретические воззрения“, но и метод революционного действия, внутреннюю сторону которого эти воззрения составляют. Оппозицию обвиняли как-раз, в первую голову, в пересмотре (ревизии) организационной практики ленинизма, за чем, конечно, стояло отступление и от организационных взглядов Ленина.

Упирая на теорию, т. Ваганян только отводит нас в сторону от сути спорного для него вопроса. Но оказывается, что это уклонение в сторону вовсе не случайно. За ним обнаруживается непонимание того, что такое ревизионизм вообще? Оказывается, что т. Ваганян не

склонен подводить под понятие „ревизии“ ревизию в организационном вопросе.

Ревизионист, по мысли т. Ваганяна, лишь тот, кто ревизует программу и основы тактики. Он неоднократно высказывается в таком смысле:

„Кто сейчас из членов нашей партии может быть назван оппортунистом, пересматривающим основы партийной программы и тактики?“ (стр. 9).

„Необходимо признать ненаказуемость оппозиции, коль скоро она не представляет собой, с той или другой стороны, оппортунизма по отношению к принципам программы и тактики“ (67), и т. д.

А как же с оппортунизмом в организационных вопросах? Или такого оппортунизма и ревизионизма не было и нет? Известно, как меньшевики обрушились на Ленина за самую формулировку, которая казалась им нелепой: „оппортунизм в организационных вопросах“. Известно, что писал Аксельрод в 1904 году:

„Со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что это за штука такая „оппортунизм в организационных вопросах“—выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное вне органической связи с программными и тактическими взглядами“. (См. „Искра“ за 2 года; ч. II, стр. 149).

Т. Ваганян написал книжку: „Ленин о задачах внутрипартийного строительства“, т.-е. об организационном вопросе. И вот, в ней, кажется, нет даже слова „организационный оппортунизм“. Почему бы, хотя для „очистки совести“, не упомянуть об организационном оппортунизме, с которым так воевал Ленин? Почему бы не привести, например, такие строки из Ленина:

„Неудивительно, что Каутский приходит к заключению:

„Может-быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе“. Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи „страшного слова“: бюрократизм versus (против) демократизма“. (Курсив наш.—В. А.)

Как мы видим, Ленин здесь солидаризируется с Каутским в том, что у ревизионизма есть своя, особая, основная тенденция в организационном вопросе,—тенденция провозить свой багаж под флагом демократизма. Чего стоит книжка об организационных взглядах Ленина, которая не берет из Ленина характеристики основных тенденций организационного оппортунизма, а выхватывает случайные цитаты?

Неверно, что оппортунист только тот, кто критикует программу и основы тактики. Самый рядовой рабфаковец и комсомолец разобьют т. Ваганяна в этом пункте, ибо всякий знает, что раскол на II съезде произошел не по программе, и не по тактике, а по организационным вопросам. Целый год (1903—1904) этот раскол углублялся, еще не переходя в плоскость тактики, а в программную область он перешел гораздо позднее. За этот первый год раскола Ильичом была написана специальная брошюра, из которой мы только-что взяли слова о „бюрократизме против демократизма“. Это единственная брошюра, которая посвящена

исключительно организационному вопросу, которая наиболее систематически и полно выражает взгляды Ленина по внутрипартийным вопросам. И это произведение ни разу не цитируется тов. Ваганяном в книжке, которую он назвал „Ленин о задачах внутрипартийного строительства“.

„В частности,—говорит т. Ваганян,—мы не сможем подробно остановиться на чрезвычайно интересной его брошюре „Шаг вперед, два шага назад“ (29 стр.)

Это „в частности“, „чрезвычайно интересной“ и „не сможем“—просто бесподобно. Это ли не „толкование“ Ленина?... На наш взгляд это не только бесподобное, это беспардонное толкование.

Замечательно, что т. Ваганян свой взгляд на ревизионизм, как на исключительно программное и тактическое извращение марксизма, пытается почерпнуть не у Ленина, а у Плеханова. Книжка о Ленине у т. Ваганяна открывается (видимо из „благоразумия“) не ленинскими, а плехановскими цитатами, на протяжении первых 3—4 страниц. Следовало бы помнить, что в организационном вопросе Плеханов, поскользнувшийся на лимонной корке пресловутой кооптации[1]). не столь великий авторитет, чтоб его приглашать в подмогу к Ленину. Поступая так, рискуешь очутиться в компании Плеханова против Ленина.

Плехановские лавры вообще не дают спать нашему автору. Он, видимо, „толкует“ Плеханова так, что каждый, твердящий „диалектика, диалектика“, есть уже правоверный диалектический материалист. Обвинение в „метафизике“ в устах т. Ваганяна—самое страшное обвинение. „Метафизик“ для него—это все равно, что „гусак“ для гоголевского Ивана Ивановича.

И обвинение в метафизике он направо и налево бросает своим противникам. Нам кажется, что этого „гусака“ с полным правом должно возвратить обратно самому т. Ваганяну. Верно, что Ленин был диалектиком, отрицая абсолютные формы организации, годные для всякой обстановки. Но он был диалектиком не только поэтому. Сверх того, он умел определить, чем отличается новая обстановка от прежней? Какие появились новые условия и что новое они привносят в организационные задачи партии?

„Диалектика“ же т. Ваганяна заключается в том, что он сколько-нибудь подробно (и то с „разборцем“) цитирует Ленина, лишь кончая эпохой борьбы с ликвидаторством, затем совершает беглый „наезд“ (в главе „заключение“) на десятилетие 1914—1924 и совершенно не оценивает того нового, что приключилось за эти годы—диктатуры пролетариата, не пытаясь спросить себя: как отразился приход партии к власти на постановке организационных задач? Этого анализа у т. Ваганяна нет и следа, а у Ленина он есть. Стоит открыть „Детскую болезнь левизны в коммунизме“, и мы прочтем, хотя бы, такие строки:

„Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата“ (соч. т. XVII, стр. 133. Курсив наш.—В. А)

---

[1]) После второго съезда Плеханов, разорвав с Лениным, кооптировал в редакцию „Искры“ меньшевиков.

Диалектиком был тот, кто боролся против опасности фракций и группировок, грозящих развалом власти, кто считал возможным проводить демократию сейчас только при отсутствии фракций и группировок. Диалектиком был Ленин, когда он на X съезде, вместе с резолюцией о демократии, провел резолюцию и о запрещении фракций, на которой, кстати сказать, т. Ваганян тоже „не смог остановиться", не упомянув о ней (видимо, из „благоразумия") ни единым письменным знаком.

Вся книжка построена так, как-будто бы у автора был расчет специально „ваганянизировать" ленинизм, изобразив его, как „демократизм против бюрократизма". Даже бросая политический лозунг своей брошюры— требование „уставных гарантий" против меньшинства,—автор хочет опереться на Ленина. Когда-то, во фракционной борьбе с меньшевиками, Ленин говорил о „выработке гарантий прав меньшинства. Эту фразу теперь т. Ваганян пытается повернуть против большинства нашей партии. Он пишет:

> „Утверждение (т. Ленина.—В. А.), что права меньшинства должны быть оговорены уставом—сохраняет силу и по сей день" (стр. 39).
>
> „Редакция Ц. О. напрасно сводит спор к разного рода пустякам; спор идет именно об этом: определите точно, по-ленински, без уверток, пределы прав меньшинства в партии; ссылка на единство партии не аргумент—мы все без исключения за единство партии, мы все против фракций!" (Заключительная фраза брошюры, стр. 67).

Здесь заключено, по меньшей мере, тройное политическое лицемерие.

Во-первых. Права меньшинства не только „должны быть оговорены уставом", а они оговорены уставом партии. Например, треть партии имеет право созвать экстренный партийный с'езд, всякий вопрос свободно обсуждается до момента принятия решения, и т. п.

Во-вторых. Если кто-либо выражает недовольство уставом партии и теми „пределами прав меньшинства", которые в нем установлены, то общепринятый способ узнать, чем вызвано недовольство, заключается в том, что недовольный связно и точно формулирует проект своих поправок. Ни в книжке т. Ваганяна, ни вообще в дискуссии оппозиция не внесла ни одной конкретной поправки к уставу партии. Для партии оставлена единственная возможность узнать истинные намерения оппозиции, это—„чтение в сердцах"... Партия должна догадываться! При всей неблагодарности подобного времяпрепровождения, догадаться, однако, не трудно. Тов. Ваганян „против фракций", но он ни словом не обмолвился против группировок. Между тем, требование свободы группировок, выдвигаемое оппозицией, ему было отлично известно (еще бы!) и только это требование, по сути дела, и мотивирует вся книжка тов. Ваганяна.

Было бы честнее не заставлять партию „читать в сердцах". Надо было или открыть забрало, или не выступать с брошюрой. „Диалектик" тов Ваганян, как правоверный противник всякого „или—или"(!), выбрал... середину.

Третье лицемерие заключается в том, что ленинский партийный устав хотят изменить, якобы, „по-ленински". Выходит совсем не по-ленински, а „по-ваганяновски", и отнюдь не „без уверток"

Вопрос ясен. Тов. Ваганяна не удовлетворяет устав большевистской партии, представляющий из себя конденсированный организационный опыт большевизма. Не смея открыто сказать это, т. Ваганян хочет взорвать устав, требуя таких гарантий, которых большевистский устав не может дать. Деловые гарантии устав дает. Фракционных он дать не может.

Нельзя не отдать должное т. Ваганяну. В „ваганизации" Ленина он проявил известную ловкость рук. Почему бы ему не поучиться, например, глотать шпаги? Было бы больше толку, чем от написания такой брошюры, про которую можно только сказать, что если она еще лежит у кого-нибудь из читателей на столе, то это очевидный недосмотр.

Место ее под столом.

В. Астров.

Маленькая книжка с большими ошибками.

А. Мартынов. Великий пролетарский вождь. Изд-во „Красная Новь". Стр. 32. 1924 г.

В маленькой книжке т. Мартынова, посвященной В. И. Ленину, содержится много ценного, но, к сожалению, немало и досадных ошибок. Ценные замечания т. Мартынова относятся, главным образом, к его воспоминаниям, ошибки он допустил при попытке дать историческую оценку нашим старым политическим разногласиям.

Давая оценку личности Ленина, т. Мартынов пишет:

> „Передо мной прошли почти все оставшиеся в живых деятели прежнего героического народовольческого и землевольческого революционного поколения, а когда я эмигрировал, я познакомился с крупнейшими вождями западно-европейского социалистического движения. И вот, когда я сравнивал всех этих людей с Владимиром Ильичом, я говорил себе: „Ни один из них не похож на Ленина, он какой-то особенный человек!" Больше всего этот человек меня поразил своей революционной дерзостью. До 1901 г. я о нем не слышал, я не знал о его существовании: он казался мне совсем новым человеком в революции, и меня поражало, как этот молодой человек осмеливается вступать в бой со всей русской социал-демократией, как он осмеливается ломать все старые традиции германской и мировой соц.-демократии, как он осмеливается беспощадно критиковать все старые революционные авторитеты, кроме одного авторитета—Карла Маркса.
>
> Владимир Ильич был не только врожденный вождь, но именно врожденный плебейский, пролетарский вождь. У него не было и следа русской интеллигентской дряблости. Этот человек обладал могучей, железной волей, и исторические корни его сидели глубоко в недрах русского трудового народа. Только оттуда, из толщи этих трудовых низов, у нас выходили такие железные люди".

Тов. Мартынов рассказывает о своей первой встрече с Лениным. Это было в 1901 г. Шла беседа:

> „о программе, о политических задачах партии и о политической тактике, и никаких разногласий у нас как-будто не было. Но вот

в конце беседы Ленин обращается ко мне с вопросом: „Ну, а как вы относитесь к моему организационному плану?". Тут я сразу ощетинился: „В этом пункте я с вами совершенно не согласен. Ваш план организации напоминает мне организацию македонских боевых чет. Вы предлагаете ввести в партию какую-то военную дисциплину; ни у нас в России, ни в Западной Европе ничего подобного не видали социал-демократы". Владимир Ильич, прищурив глаза, усмехнулся и ответил мне: „Вы только в этом пункте со мной не согласны, а в этом вся суть, и разговаривать нам с вами, значит больше не о чем". И мы разошлись... на долгие годы.

„Тогда—замечает т. Мартынов,—я не мог понять, как можно разойтись из-за разногласий в организационных вопросах, когда выяснилось, что мы по всем политическим вопросам совершенно солидарны. Теперь я это хорошо понимаю".

Почему в 1901 г. можно было расходиться из-за разногласий по организационным вопросам? Когда партия только создается, только строится,—организационный вопрос для нее именно и является основным, решающим. Без организации, без аппарата партия не может бороться. Чтобы партия завтра могла действовать во имя своей программы на основе определенной тактики, она сегодня должна создать свою собственную организацию, должна построить свои собственные ряды.

Далее. Партия борется постоянно. Поэтому для партии, в особенности для такой партии, главную силу которой составляет широкая масса, организационный вопрос постоянно является важнейшим вопросом. Живые люди, составляющие партию, строятся во имя определенной цели, применяют определенную тактику, и способ построения, способ „формирования", степень дисциплинированности этой боевой политической армии,—все это имеет решающее значение в борьбе за основные цели партии. Если „партийная армия" плохо организована, если она подвергается разлагающему влиянию вражеских агентов, если в ней дисциплина расшатана, если доверия между „верхами" и „низами" нет,—самая лучшая программа остается простой бумажкой, и самая совершенная тактика останется неприменённой, ибо применять ее практически могла бы только боеспособная армия.

Этому всегда учил Ленин передовые элементы пролетариата. К сожалению, во время партийной дискуссии конца 1923 года мы встретили в нашей собственной партии непонимание всей огромной важности организационного вопроса,—вопроса о партаппарате, о дисциплине, о взаимоотношении между массой и вождями и т. д.

Вернемся к тов. Мартынову. Он пишет:

„Второй раз Ленин произвел на меня ошеломляющее впечатление, когда он издал свою книжку „Что делать?". Ленин знал, конечно, что я в „Рабочем Деле" принадлежал к левому крылу; он знал, что я, как бывший народоволец, был „политиком", и внутри „Рабочего Дела" и „Союза социал-демократов" вел борьбу против „экономизма". Но он убедился уже из первого свидания со мной, что я в борьбе с „экономизмом" остановился на полпути, что в организационном вопросе я с ним не пойду, и поэтому он решил как-раз против меня направить главный удар с правильным стратегическим расчетом, что непоследовательный противник опаснее последовательного".

Вот тут и начинаются ошибки т. Мартынова. Он уверяет, что всегда был „политиком" и внутри организации экономистов вел борьбу против экономизма. Об этом говорит т. Мартынов и в своих печатающихся в журнале „Красная Новь" статьях „Великая историческая проверка". Вот это утверждение и нуждается в поправке.

Ленин нападал на т. Мартынова и рабочедельцев не за то, что они отрицали „политику", а за то, что они проповедывали рабочему классу тред-юнионистскую политику, что они принижали значение социал-демократической сознательности, преклонялись перед „стихией" массового движения.

Ленин боролся с т. Мартыновым и рабочедельцами за то, что они защищали последовательных экономистов, прикрывали их. Дело было не в том, будто тов. Мартынов „в борьбе с экономизмом остановился на полпути", а суть вопроса заключалась в том, что т. Мартынов не вел никакой борьбы с экономизмом, что он, напротив, был главным теоретиком антиискровского направления партии. Всякому известно, что в начале XX века социал-демократия делилась на искровцев (Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод) и антиискровцев—рабочедельцев, экономистов (Мартынов, Кричевский, Иваньшин, Акимов). По середине между этими двумя основными группировками стояла незначительная примиренческая группка „Борьба" (Стеклов, Рязанов). То, что т. Мартынов примыкал, как он говорит, к „левому крылу" экономизма, не меняет того факта, что экономизм и рабочедельчество (т. Мартынов был главным редактором „Рабочего Дела"!) это был единый фланг в рядах социал-демократии. И на этом фланге „левизна" т. Мартынова никому, очевидно, не вредила...

Бесспорно замечание т. Мартынова относительно того, что „непоследовательный противник опаснее последовательного". Мы не думаем, чтобы в 1901—1903 гг. т. Мартынов был „непоследовательным" противником искровства. Но. вообще говоря, и т. Ленин всегда предпочитал открытых врагов... В 1909 году, воюя против ликвидаторов партии справа и „слева", он вспоминал прошлое и говорил:

„Среди рабочемысленцев—открытых и честных экономистов—было немало людей, которые заблуждались искренно, не боясь защищать своего мнения, и которым нельзя было отказать в уважении,—а у заграничной компании „Рабочего Дела" преобладало специфическое интриганство, заметание следов, игра в прятки, обманывание публики"...

Следует отметить, что тов. Ленин имел в виду прежде всего политику Б. Кричевского.

Перейдем к следующей ошибке, несколько иного характера, чем предыдущая. Позицию Ленина в 1905 году тов. Мыртынов формулирует следующим образом:

„Диктатура пролетариата и крестьян не есть задача сегодняшнего дня. Нужно быть Дон-Кихотом, чтобы утверждать, что мы уже сегодня можем осуществить эту диктатуру; но вся историческая обстановка говорит за то, что мы уже сегодня должны взять курс на диктатуру пролетариата и крестьян. Перед нами две возможности: либо наша революция

закончится выкидышем, сделкой буржуазии с помещиками и с монархией, либо она победит до конца, и тогда она при современных русских условиях неизбежно вынесет к власти пролетариат, опирающийся на многомиллионное крестьянство, и тогда она неизбежно приведет у нас к беспощадной войне между этими классами и контр-революционной буржуазией. Кто не хочет диктатуры пролетариата и крестьян, должен уже заранее отказаться от победы революции".

В 1905 году лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата выдвигался именно как „задача сегодняшнего дня",—не в том конечно, смысле, что партия (фракция) большевиков звала немедленно на баррикады, а в том смысле, что развернувшуюся революцию эта партия хотела поставить на рабоче-крестьянские рельсы. По Мартынову выходит, будто летом 1905 года лозунг диктатуры большевиками был выдвинут „вообще", а не как актуальный, боевой лозунг. Ленин говорил о двух возможностях: либо сделка царизма и либерализма, либо диктатура пролетариата и крестьянства. И он предлагал не „взять курс" на эту диктатуру, а звал массы на отчаянную всенародную борьбу во имя этой диктатуры, он считал борьбу и победу задачей „сегодняшнего" исторического „дня"... Ленин ни минуты не сомневался, что „уже сегодня", т.-е. летом и осенью 1905 года—во время всеобщих стачек и восстаний—„мы... можем осуществить эту диктатуру"...

Но о какой диктатуре шла у него речь? Тов. Мартынов все время смешивает две формулировки: 1) „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". 2) „Диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство". У читателя может получиться впечатление, что это одно и то же. На самом деле эти две формулировки выражают две различные точки зрения. Первая формулировка была выдвинута в 1905 году большевиками, вторую защищали Парвус и Троцкий. На одной страничке говоря о диктатуре пролетариата, на другой—о диктатуре рабочих и крестьян, т. Мартынов—невольно, конечно—сбивает с толку малоискушенного читателя...

Диктатура пролетариата означает социалистическую революцию. Россия 1905 года для такой революции ни в какой мере не была подготовлена. Европа „воспринять" такую революцию, оказать ей поддержку не могла. Диктатура пролетариата и крестьянства означала до конца доведенную, „на сто процентов" осуществленную буржуазно демократическую революцию, не копирующую „классические" образцы, нового типа революцию, которая, однако, основ капитализма не подрывала...

Однако, т. Мартынов уверяет, что „Ленин в 1905 году еще неясно представлял себе характер русской революции". В чем эта „неясность" выражалась? В том, оказывается, что Ленин „еще считал ее (революцию) буржуазной". Странно, весьма странно! Тов. Мартынов, видимо, совершенно забыл взгляды Ленина и большевиков на характер революции 1905—06 гг. Взгляды эти были необычайно ясны. Большей ясности изложения, чем это достигнуто Лениным в своей книжке „Две тактики" (июнь 1905 г.), желать невозможно. И в этой работе Ленин ни минуты не сомневается в буржуазном характере развертывающейся революции.

Но он пытался вбить в голову меньшевикам две очень несложные мысли: 1) буржуазная революция может быть куцой, приводящей к власти либералов, и может быть радикальной, народной, сметающей все

остатки феодализма и царизма, демократизирующей страну, открывающей дорогу вперед широчайшим народным массам; 2) буржуазный либерализм не может, не хочет, неспособен довести буржуазную революцию до конца, ибо он боится остаться один без царя и помещика лицом к лицу с пролетариатом, ибо он добивается не революционого свержения, а парламентской сделки с царизмом. Меньшевики никак не могли понять этой разницы между двумя буржуазными революциями. А сейчас тов. Мартынов уверяет, будто Ленин в 1905 году „неясно представлял себе характер русской революции". Нет, у Ленина в этом отношении все обстояло более, чем благополучно. В книжке „Две тактики" он писал:

„Демократический переворот в России есть революция, по общественно экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам... Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли... буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад, революционного класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота".

После этой подробной и необычайно ясной выписки, надеемся, тов. Мартынов вместе с нами признает, что Ленин достаточно „ясно" „представлял себе характер русской революции"...

По вопросу об отношении к другим партиям взгляд Ленина т. Мартынов излагает следующим образом:

> „Мы не будем поддерживать других революционных и оппозиционных партий и групп, мы заставим их нас поддержать".

Никогда Ленин не говорил: „Мы не будем поддерживать другие революционные партии и группы". Он говорил как-раз обратное: мы будем поддерживать в борьбе с царизмом всякую революционную и оппозиционную партию и группу, мы будем поддерживать всякий действительно революционный и действительно оппозиционный шаг любой буржуазной партии. И Ленин на самом деле поддерживал, входил в соглашения с революционными и оппозиционными партиями и группами,—поддерживал до тех пор и постольку, пока и поскольку эти партии и группы были на деле революционными или оппозиционными. Из ряда фактов подобного рода достаточно отметить только два. Девяностые годы. Ленин-Плеханов находятся в союзе и поддерживают так-наз. „легальных марксистов"—заведомо буржуазную группировку. 1917 год. Ленин поддерживает и находится в союзе с партией левых эсеров—заведомо мелкобуржуазная группировка.

Заключая соглашения с непролетарскими партиями и группами, Ленин

никогда не забывал основного: классовое сознание пролетариата затемнять нельзя, ненадежность союзника ему должна быть ясна, замалчивать разногласия и замазывать принципиальную пропасть, отделяющую пролетарскую партию от ее временных буржуазных союзников, невозможно...

Да, большевики поддерживали против русского царизма все революционные и оппозиционные партии. Используя опыт русских большевиков, Коммунистический Интернационал поддерживает против мирового империализма все революционные и оппозиционные партии. В Турции Коминтерн поддерживает партию Кемаля-паши, в Индии—националистов, в Китае—партию Гоминдан, и т. д., и т. п. Сегодня эти партии борются против империализма, милитаризма, реакции,—их нужно поддержать,—в историческое завтра многие из них неизбежно станут орудием империализма и реакции. Массы уже сейчас знают их истинную природу—половинчатость, непоследовательность, нерешительность. Коммунисты об этом говорят слишком ясно. Перейти от поддержки к беспощадной борьбе они смогут достаточно быстро...

Тов. Мартынов переходит к выяснению позиции Ленина в национальном вопросе. По его мнению, Ленин рассуждал вот как:

„Пусть национальности, угнетаемые нашим державным народом, получат свободу на самоопределение, вплоть до отделения. Пусть угнетенные нации устраивают свою судьбу, как хотят". (Подчеркнуто т. Мартыновым).

В 1911—1912 годах меньшевики параграф 9-й нашей старой программы о праве наций на самоопределение стали толковать в том смысле, что это означает право на что-угодно—и на областное самоуправление, и на территориальную автономию, и на культурно-национальную автономию, и на отделение. Ленин решительно выступил против такого толкования. Он доказывал, что право на самоопределение означает право на отделение. Он разоблачал обман меньшевиков, пытавшихся культурно-национальную автономию протаскивать под флагом самоопределения. В ряде своих работ Ленин высказался по этому вопросу со всей ясностью и категоричностью. Он говорил: не „вплоть до отделения", а именно отделение. Этот ленинский взгляд был зафиксирован в резолюции летнего 1913 года совещания нашей партии. Здесь мы читаем:

„Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с. д. партия безусловно должна отстаивать это право". И дальше: „Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации".

Этот документ, написанный рукой Ленина, достаточно авторитетно разъясняет ошибку т. Мартынова: право на самоопределение означает не „вплоть до отделения", а именно только право на отделение. Для нашей партии этот вопрос, как видим, официально был решен еще в 1913 году... Чтобы на этот счет не было никаких сомнений, приведем еще одну цитату из статьи Ленина о праве наций на самоопределение. Вот что говорит Ленин:

„Самоопределение наций в программе марксистов не может (подчеркнуто Лениным) иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения, кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства".

Далее Ленин разъясняет, „почему под правом „самоопределения" нации нельзя, с с.-д. точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии". Таким образом, давно выясненный в борьбе с меньшевиками (и кадетами) вопрос тов. Мартынов запутывает.

В заключение—вопрос о партстроительстве. Тов. Мартынов пишет:

„Ленин перестраивал нашу социал-демократическую партию на якобинский лад и установил в ней режим диктатуры для того, чтобы лучше справиться с современными жирондистами-соглашателями в социалистическом мире. И когда мы теперь оглядываемся назад, для нас становится ясным, какой исторический смысл имела эта диктатура в партии. Она была необходимой предпосылкой для осуществления диктатуры пролетариата в стране".

И тут в ошибку впадает тов. Мартынов: ленинская партия построена отнюдь не на „якобинский лад". Говорить об якобинской диктатуре внутри большевистской партии могут только люди, которым всякая дисциплина, всякий революционный порядок кажется светопреставлением. Диктатура—это неограниченное господство, диктатура не признает никаких законов, она сама творит свои законы. Наша партия управляется на основе демократического централизма. Как же этого не понять? Ленин внес порядок и дисциплину в пролетарскую партию. Он повел решительную борьбу против интеллигентской распущенности и анархического индивидуализма. Меньшевистские сверхчеловеки завопили о диктатуре, об „осадном положении" в партии. Тов. Мартынов, оказывается, по сие время считает, что Ленин ввел ужасную якобинскую диктатуру в партию. Только раньше, в бытность свою меньшевиком, он считал, что это очень плохо, а теперь считает, что это очень хорошо...

Ил. Вардин.

Борьба классов и русская историч. литература.

М. Н. Покровский. «Борьба классов и русская историческая литература». Ленинград. «Прибой» 1923 г. Тираж 10.000.

Настоящая работа М. Н. Покровского, представляющая из себя цикл лекций по историографии, прочитанный им в Зиновьевском университете, кладет начало марксистской разработки вопроса о русских исторических школах.

Это, действительно, первая марксистская работа по русской историографии. Правда, прошлый год в печати появились две книги, имеющие прямое отношение к русской историографии, но их нельзя назвать в строгом смысле этого слова ни историографическими, ни марксистскими.

Мы имеем в виду работу проф. В. И. Пичеты «Введение в русскую историю» и книгу Нечкиной о русских марксистских историках.

Первая книга, во-первых, валит в одну кучу источниковедение с историографией, во-вторых, отличается замечательной пустотой содержания; вторая весьма интересна в разработке части проблем, обнаруживает большую

наблюдательность автора, но обнаруживает непонимание автором метода диалектического материализма, вследствие чего основной методологический стержень работы оказывается неверным (достаточно указать, что при характеристике марксистского метода автор «забыл» про диалектику, а потому проворонил и социальную революцию). Так что и эту работу нельзя назвать марксистской.

Вот почему работа тов. Покровского имеет такое исключительно важное значение.

Буржуазные историки изучали почти исключительно древности: у них не хватало ни смелости, ни крупицы научной объективности—для работы над изучением буржуазного строя и его тенденций.

Этим занялись позже меньшевики,—и при изучении философии истории XX века нам больше всего придется возиться с меньшевиками, стянувшими узел своих исторических воззрений в 4-х томнике «Общественное движение в России в начале XX века».

Разбираемые же тов. Покровским исторические школы разделились и оформились по различному подходу к вопросам происхождения крепостного строя и государства.

Логическая, методологическая критика различных исторических школ, критика их положений с точки зрения соответствия фактической действительности—даны исключительно удачно и ново.

Как во всех своих работах, тов. Покровский чужд шаблона. Рисунок его работы изящен и тонок, положения остры и четки, критическая часть язвительна и убедительна. Читается книга поэтому легко и увлекает с первых страниц.

Эта работа не только ценна, как таковая, но она ценна и как стимул к ряду новых работ: в ней налицо установка совершенно новых проблем интересных и методологически важных.

Лекционное происхождение настоящей работы, конечно, сказалось на диспропорциональности частей и неровности изложения.

Глава о Рожкове получилась слабее и менее серьезной, чем другие, при втором издании ее не мешало бы развернуть, ибо нельзя согласиться с автором, что «рожковщина» менее опасна, чем «плехановщина». Это несогласие вытекает из несогласия с социальной характеристикой анализируемых исторических школ, даваемой тов. Покровским. Изобразить Плеханова—идеологом технической интеллигенции, а Рожкова—до-технической—это, может быть, и любопытная и интересная попытка, но аргументация мало убедительна.

Почему внеклассово-оборонческая теория государства есть теория технической интеллигенции? Почему именно интеллигенции? Ведь, это откровенно буржуазная теория,—это открытие сделал впервые сам тов. Покровский и нечего бояться ставить точки над и.

Несомненно, буржуазным течением в марксизме является и рожковщина, имеющая своей задачей вытравить из марксизма диалектику, теорию революции. Несомненно такой объективный смысл кроется в этой классификационной лестнице Рожкова, когда понятие революция покрывает собой и переход от охоты к скотоводству и социалистическую революцию пролетариата. Опошление теории революции, замазывание сути и смысла социальной революции—вот смысл рожковщины.

Плехановщина и рожковщина есть буржуазная ревизия метода диалектического материализма с двух концов: тонкий Плеханов приступает к этой ревизии с материалистического конца, облекая ревизию в изящные диалектические формы, менее тонкий Рожков, оставаясь на почве примитивного материализма,—насилует диалектику.

Переходя к частным положениям, нельзя не отметить, что объявление религии из страха смерти, которое тов. Покровский поддерживает и в этой книжке,—должно быть отвергнуто как методологически неправильное. Это объяснение увековечивает религию, делая ее внеисторической, постоянно-действующей силой. Меньше всего эта теория подходит такому тонкому диалектику-историку, как тов. Покровский. Не совсем понятны попытки отыскать начало оппортунистического уклона у Плеханова в его сфере исторического развития, данной в первой работе о монистическом взгляде. Политика там совсем не отодвигается от экономики, и схема совершенно правильная. Очень удачна приложенная в конце книги статья по поводу первой главы книги т. Троцкого «1905 г.» В этом споре тов. Покровского с тов. Троцким прав, безусловно, первый,—и включение статьи в брошюру, бесспорно, поможет выветриванию неверных исторических взглядов из коллективной головы современного учащегося поколения.

В заключение горячо рекомендуем книгу тов. Покровского, новую по замыслу, богатую и интересную по выполнению и прекрасную по форме.

А. Слепков.

Н. Бухарин. Энчмениада. „К вопросу об идеологическом вырождении“. Госиздат, Изд. М. 1923. Стр. 72.

Переживаемые нами годы мирного строительства несут с собою рабочему классу не меньшее число опасностей, чем прошедший период вооруженной борьбы. Либо загнанные в подполье, либо никого не занимающие ранее враждебные и чуждые пролетариату идеологические течения вновь появляются на божий свет и начинают вербовать себе сторонников.

Почвой, их питающей, оказываются раскрепощенные нэпом стихии, находящие себе иногда выразителей среди наиболее неустойчивых элементов самой нашей партии. Ревизия при этом очень часто намечается по линии чистой теории, философии, в областях, кажущихся наиболее удаленными от действительной борьбы классов и наименее ощущающих давление господствующей революционной марксистской теории и партийной тактики. Книга т. Бухарина посвящена разбору одной из таких попыток пересмотра философии диалектического материализма—„энчмениаде“.

С каждым новым успехом естествознания за последние десятилетия все более и более оправдывалась материалистическая точка зрения на природу и человека. Вместе с тем, в то же время сохранение тех или других элементов идеалистических воззрений на мир сделалось жизненной потребностью буржуазии в ее борьбе с марксизмом и рабочим классом. Столкновением этих двух исключающих друг-друга течений и характеризуется современное состояние науки.

В психологии, как и во всех других областях знания, идеализм так же потерпел за последнее время немало поражений. Торжествовавшее некогда представление о душе, как о некоей особенной от тела и господствующей над ним сущности, не мирилось с требованиями, предъявляемыми опытом. Сменившее его учение о психо-физическом параллелизме [1]) оказалось несовместимым с данными современного знания, указывающими на зависимость психического от физического, обусловленность одного другим. Тогда идеализм отступил на новую позицию (в сущности старую, которую занимал в XVII в. Декарт). Предметом научного познания может быть только материя, занимающая некоторое определенное место в пространстве. В науке о человеке мы можем изучать лишь внешние его проявления, его реакции на раздражения извне, его поведение. Внутренний же мир человека, им в себе сознаваемый, есть нечто особое, что должен изучать не натуралист, а философ и что не имеет никакого касательства к материи.

---

[1]) Учение, согласно которому психическое и физическое представляют два параллельных ряда, не зависящих друг от друга.

Материализм принимается, как рабочая гипотеза ученого исследователя и отрицается, как философская система, объективно отражающая действительный мир. Тем самым к внутреннему, субъективному, якобы непознаваемому точной наукой миру человека приоткрывается дверь вере и метафизике.

На позиции этого буржуазного позитивизма стоит по сути дела Э. Энчмен, сколько бы он ни „прорывался" к пролетариату и Марксу. Различие между ним и современным позитивистом типа Павлова такое же, какое есть между образованной западно европейской буржуазией и невежественными торгашами наших дней, дорвавшимися до „благ жизни", но не имеющими никакого отношения ни к точной науке, ни к производству.

В основе своей теории „непространственных внутренних, душевных, нематериальных явлений" в „новой биологии" есть типичная идеология лавочника, подчиняющегося на рынке являющимся ему в вещной форме общественным отношениям и в то же время убежденного в своем особом, никому неведомом „я", в скрытом от чужих глаз и неузнаваемом в других „я", которому он служит.

Марксизм, вскрывающий социальную обусловленность человеческих чувств и понятий, имеет с этим так много общего, как с китайской империей. Впрочем, это непонимание общественной природы человека типично не только для Энчмена. Так, например, и у Павлова исходным пунктом анализа всегда является индивидуум с врожденными ему рефлексами и инстинктами, среди которых оказывается даже „прирожденный рефлекс рабской покорности" (Павлов, 212).

Упростительство же Энчмена, решающего своими 15 анализаторами все проблемы земли и неба, скорее всего соответствует вульгарному практицизму буржуазии наших дней, не несущей с собой миру уже никаких откровений и жаждущей „отборной пищи", которая быстро и легко позволяла бы достигать ей органического „оптимума".

Ничего общего не имеет с марксизмом, т.-е. диалектическим материализмом, и самая постановка Энчменом вопроса о „непространственных" и „пространственных" явлениях. Совершенно неверно, что наш внутренний мир, наши субъективные переживания есть нечто, абсолютно оторванное от проявлений нашего тела, нечто, невыразимое нами и непознаваемое в другом. Еще в XVIII в. французский матреиалист Ж.-Б. Робине писал, что „душа... достигает знания самой себя лишь посредством опыта, который она делает о своих способностях; и так как она зависит от тела во всех своих действиях, то ему именно она обязана всем, что знает о себе самой". Субъективно переживаемое человеком не есть что-то оторванное от объективного мира, психическое есть свойство материи, материей создаваемое и посредством материи являющееся. Старик Гегель с полным правом писал, что „речь и работа суть обнаружения, в которых индивид... дает внутреннему совершенно выйти во вне себя и представляет его другому".

Действительный дуализм оказывается не у марксистов, которых в нем обвиняет Энчмен, а у него самого, вырывающего непроходимую пропасть между „пространственным" и „непространственным", в конце-концов неизвестно чем определяемым. Если единственной подлинной достоверностью для нас обладает только наша психика, то как от нее перекинуть, по Энчмену, мост к другим людям?

Декарту помогал некогда господь бог. Кто ныне поможет нашему „мессии"?

Книжка т. Бухарина дает прекрасный, как по содержанию, так и по форме, разбор и логических построений Энчмена, и общественного смысла его теории. В ней читатель найдет подробный разбор всех злоключений нашего горе-философа. Нужно настоятельно рекомендовать ее нашей молодежи, которая получит из нее хорошую теоретическую закваску против идеализма вообще. Что же касается самого Энчмена, то ему, очевидно, уже ничто не поможет. Он возвещает близкое отмирание разума, логики, познания (!) и т. д., и замены всего этого вздора „единой системой органических движений". Сам он вступил уже на этот путь. Его книга сама действительно представляет собою в своей пустой претенциозности сплошное органическое движение, но... чего только именно?

Ник. Карев.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Воздвиженка, 9.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

„БОЛЬШЕВИК“

под редакцией **Н. Бухарина, Ил. Вардина, Л. Каменева.**

Журнал ставит своей задачей освещать важнейшие вопросы момента под углом зрения ленинизма.

В ЖУРНАЛЕ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

I. Руководящие статьи по основным вопросам политики и экономики текущего дня, политики и практики РКП, по теории и практике марксизма.

II. Двухнедельные обзоры: внутриполитическое обозрение, экономика Советского Союза, внешняя политика, иностранная жизнь, капиталистическая мировая экономика, международное движение, белая печать.

III. „Ленин и ленинизм“. В этом отделе систематически будут опубликованы важнейшие документы и материалы из жизни и деятельности Ленина. Кроме того, будет дан цикл статей о ленинизме.

IV. Критика и библиография.

Журнал предназначается для самых широких слоев членов партии и передовых элемен. рабочего класса.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Воздвиженка, 9. Телефоны: 3-84-23; кремлевский 3-90. Прием по делам редакции во все дни, кроме праздников, от 12 — 2 часов дня.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на месяц—60 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 6 мес.—3 р. 50 к., до конца года—5 р.

КОЛЛЕКТИВАМ СКИДКА

ЗАКАЗЫ направлять в Торгсектор Издательства—Москва, Воздвиженка, 9.

ПРОДАЖА—в книжных магазинах издательства в Москве:

1) „Серп и Молот“ — площадь Свердлова, 2-й дом Советов,
2) „Красная Новь“ — Сретенка, 8.

В Ленинграде в отделении издательства — Проспект 25 Октября, 66.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Н. ЛЕНИН (В. И. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПО ТЕМАМ:

1. Основные задачи партии при Нэпе . . . . 80 к.
2. Социалистич. революция и задачи просвещения 40 к.
3. О партийном строительстве за 20 лет. (Разошлось, готовится II дополнен. издание).
4. Задачи рабочей печати. (В печати).
5. Коммунистический интернационал. (В печати).
6. Крах II интернационала. (В печати).
7. Подготовление большевизма. (В печати).
8. Две тактики (меньшевики и большевики в революции). (Готовится к печати).
9. Аграрный вопрос. (Готовится к печати).
10. Рабочий класс и крестьянство. (Готов. к печати).
11. Литературные характеристики. (Готов. к печати).

---

1. Карл Маркс.—Краткий биографический очерк с изложением марксизма, 2-е изд. . . . . 15 к.
2. Государство и революция. (В печати).
3. Империализм, как новейший этап капитализма. 30 к.
4. Лучше меньше, да лучше. (Готов. новое издание с предисловием Н. К. Крупской).
5. О кооперации . . . . 10 к.
6. К 8-му марта . . . . 12 к.

ЗАКАЗЫ направлять в Торгсектор Издательства—Москва, Воздвиженка, 9.

ПРОДАЖА—в книжных магазинах издательства в Москве:

1) „Серп и Молот“ — площадь Свердлова, 2-й дом Советов,
2) „Красная Новь“ — Сретенка, 8.

В Ленинграде в отделении издательства— Проспект 25 Октября, 66.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Воздвиженка, 9

Вниманию членов РКП (б.) и парторганизаций

1. **Зиновьев, Г.** Наболевшие вопросы партийной жизни . . . . 40 к.
2. „ Судьбы нашей партии . . . . 85 „
3. „ Задачи нашей партии после кончины тов. Ленина. Два доклада . . . . 30 „
4. **Кактынь, А.** Новая экономическая политика и „ножницы“ . . . . 65 „
5. **Каменев, Л.** Положение в стране и в партии . . 30 „
6. „ Об очередных задачах экономической политики . . . . 15 „
7. „ Партстроительство и экономическая политика . . . . 30 „
8. „ Доклад правительства II Съезду Советов СССР. . . . . 25 „
9. **Рыков, А.** Хозяйственное положение СССР и ближайшие экономические задачи . . 25 „
10. „ Задачи экономической политики . . 29 „
11. **Сокольников, Г.** От дензнака к твердой валюте. 15 „
12. **Сталин, И.** Об очередных задачах партии . . . . 20 „
13. „ О партстроительстве . . . . 20 „
14. **Троцкий, Л.** Новый курс . . . . 40 „
15. **Долой фракционность** (Ответ Ц. О. т. Троцкому). 20 „
16. **О партстроительстве**. Резолюция ЦК и ЦККРКП(б.) 6 „
17. Об очередных задачах экономической политики (Резолюция ЦК РКП (б.) с прилож. материалов. . . 30 „
18. Резолюция ЦК и ЦКК по партийному и хозяйственному строительству . . . . 15 „

ЗАКАЗЫ направлять в Торгсектор Издательства—Москва, Воздвиженка, 9.

ПРОДАЖА—в книжных магазинах издательства в Москве:

1) „Серп и Молот“— площадь Свердлова, 2-й дом Советов,
2) „Красная Новь“— Сретенка, 8.

В Ленинграде в отделении издательства — Проспект 25 Октября, 66.